Чай, чапати, чили, чилим...

Кристина Камаева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Чай, чапати, чили, чилим..." — это книга о жизни в Индии двух русских студенток, их впечатлениях, приключениях и встречах.

Подруги провели в Индии пять лет, с 1996 по 2000 годы.

Многие любят вспоминать свои студенческие годы как веселое, беззаботное, бесшабашное время. Студенческие годы девушек проходят в чужой стране со своеобразной культурой. Люди живут там по-другому, думают по-другому, с ними можно ладить, но их трудно понять.

Наши студентки не стремятся подлаживаться под устои чужого общества, но не перестают удивляться, как миллионы людей живут в одном с нами мире, и каждый воспринимает его по-своему.

- Глава 1. Виски с зубной пастой
- Глава 2. Дворец для русских студенток
- Глава 3. Овощи, мэм
- Глава 4. Сладкая жизнь
- Глава 5. Махарани колледж
- Глава 6. Выпускное паломничество
- Глава 7. Город утренней зари
- Глава 8. В солнечном городе
- Глава 9. Нанитал
- Глава 10. Земля Ману
- Глава 11. Гималаи
- Глава 12. В индийском Голливуде
- Глава 13. Без ума от cinema
- Глава 14. Деньги за красоту
- Глава 15. Портфолио
- Глава 16. Первым делом самолеты
- Глава 17. Вот Бог. Руками не трогать
- Глава 18. Наши в Индии
- Глава 19. Одинокая девушка не желает познакомиться
- Глава 20. Гоа — состояние души
- Глава 21. Южные пляжи Гоа
- notes
    - 1

Глава 1. Виски с зубной пастой

— Только белые джинсы, только белые туфли, — напевает Жанна и мечтательно глядит вдаль, а в глазах отражается Тадж Махал. Эйфория — точнее наше состояние не определишь. Мы искримся и взлетаем вверх, как пузырьки в шампанском. В индийском консульстве встретили девушку ОТТУДА с тикой во лбу и в бирюзовом сари с золотой каймой. И мы ТАМ будем.

— Какой бы вы предпочли университет? В Пуне, Агре, Хайдарабаде, Бангалоре? — спрашивает консул. — Если не хотите почувствовать себя в отрыве от цивилизации, выбирайте Бангалор. Там и климат самый благоприятный. Но предупреждаю, хинди выучить будет сложно: в штате говорят на каннада.

Хинди, конечно, нужен позарез, но мы, не раздумывая, выбираем цивилизацию и климат, ну, а на хинди кто-нибудь из шести миллионов бангалорцев наверняка говорит. Мы будем стажироваться в стране легенд, бесплатно, и даже получать стипендию от Индийского центра по культурным связям. Мечта заветная трехлетней выдержки наконец-то материализуется.

— Как долго продлится ваша стажировка? — строго спрашивает декан восточного факультета.

— Три года, — мы скромно опускаем глаза. Он удивленно поводит бровью и глядит на нас так, как будто старается запомнить. Такого еще не было в истории университета.

В Китае, правда, студенты стажируются и по четыре года. Некоторые даже остаются там или возвращаются совсем другими людьми.

— Постарайтесь не заразиться в Индии чумой или желтой лихорадкой, — напутствуют нас. — Обязательно найдите вакцину от них.

В больнице для моряков дальнего плавания, где делают прививки от экзотических болезней, медсестра, выслушав наши пожелания, возмущается: "Ща-ас! У меня ампула от чумы рассчитана на сто человек. Ради вас я не буду ее вскрывать! А после прививки от гепатита три дня отходить будете. И вообще, вы, что там по помойкам лазать собираетесь? Или с прокаженными обниматься? Нормальная страна, хорошие больницы, поезжайте со спокойной душой.

— Надо обязательно взять фен и утюг — это предметы первой необходимости, — заявляет практичная Жанна. — Хорошо бы еще постельное белье прихватить и одеяло, но мы все не поднимем. Приходится ограничивать себя. Мы покидаем Россию с легким сердцем, в двадцать лет любопытство преобладает над страхом.

В Дели нас встречает водитель из центра по культурным связям. Увидев наш багаж, хмыкает: "И это все"? — Оказывается, студенты, которые приезжают сюда из других стран, везут с собой даже электрические плиты и спальные мешки.

Мы приехали в воскресенье, офис не работает, стипендию за три месяца и билеты до Бангалора можно получить только в понедельник. Задача водителя — устроить нас в общежитие. Но поскольку учебный год уже начался, мест там нет. Недовольному шоферу приходится искать варианты. Он находит нам пристанище в Вишва Ювак Кендре — международном молодежном центре. Самая заурядная комнатка здесь стоит пятьсот рупий. Есть столовая и конференц-зал. Идти в столовую Жанна отказывается наотрез: "Я приехала так далеко не затем, чтобы отравиться и умереть". Комната тоже приводит ее в ужас: "Посмотри на этот душ! Эти простыни! Мы подхватим здесь вшей и дизентерию. Надо искать другую гостиницу".

Молодежный центр находится в районе Чанакьяпури. Здесь широкие, вымощенные камнем, вылизанные улицы, зной, нет деревьев и людей. На моторикше добираемся до гостиницы, но номера в ней стоят двести — триста долларов, а у меня с собой их всего-то двести. Это нам явно не по карману, приходится зайти в ресторан и хоть немного утешиться бараньими ребрышками и чаем со льдом. Отдохнув в уютном прохладном зале, решаемся ехать за покупками.

"Хотя бы постельное белье, — настаивает Жанна, — чтобы не касаться этих жутких простыней". На этот раз останавливаем такси — черную машину с желтым верхом, и тут же жалеем об этом: дорого, невыносимо жарко и душно. В маленьких, открытых всем ветрам моторикшах ощущается прохлада и скорость. Почти все водители такси в Индии — сикхи. Как правило, они объемного телосложения, обязательно в чалмах и родом из штата Пенджаб. Их вероисповедание не разрешает стричь волосы и бриться, под чалмами у них скрученные в шишечки волосы. Они должны всегда иметь на себе и при себе пять предметов: расческу, стальной браслет-оберег, кальсоны, саблю и чалму. Сикхи верят в единого бога, избранную расу святых воинов, перерождение и карму.

Едем долго и скоро начинаем нервничать. Улицы становятся уже и грязнее, людей все больше, появляются худые горбатые коровы, а также груженые до небес тележки, ведомые волами. Эти бедные улочки совсем не похожи на респектабельные кварталы, где в больших универмагах продают достойные постельные принадлежности.

— Куда ты везешь нас Сусанин Аджой? — вопрошаем мы

невозмутимого сикха, но он только машет рукой.

— Поворачивай назад! Нам нужно в магазин! — напряженные интонации выдают наше беспокойство.

— Да, мадам. Очень хороший магазин у моего друга! — кивает сикх. Жалостливо оглядываемся по сторонам. Очень хороший магазин в этом убогом квартале? Чем же торгует твой друган? Потерявшимися белыми мадамами?

Наконец, таксист останавливает машину у какого-то подозрительного дома, рядом с которым прямо на земле отдыхают несколько человек. Он приглашает нас выйти, и мы нехотя соглашаемся. Магазин изнутри оказывается куда более впечатляющим, чем снаружи. С любопытством разглядываем огромных, выше человеческого роста, деревянных полированных слонов, многоруких истуканов, горы ковров, скатанных в рулоны, и нескончаемые ряды сувениров. Нам предлагают заглянуть в сундуки с драгоценностями. Но мы талдычим свое: "Простыни нам нужны, наволочки!" — Хозяин разводит руками. Простыней нет, наволочки — только расшитые золотом со сценами соитий по мотивам Камасутры. Мы смеемся, и заставляем рикшу везти нас в другой магазин. Такие никчемные оказались клиентки, нет бы, приобрести себе по сандаловому слону и ковер вместо постели. Сикх улыбается, кажется, он тоже не расстроился. На этот раз едем в самое сердце Дели — Connaught Place, трехъярусный комплекс, где располагаются многие банки, магазины, офисы и туристические агентства. Все здания здесь не больше трех этажей и окружены колоннами. Они расположены так, что приходится идти всегда по кругу, вдоль колонн и иногда переходить дорогу. На мраморном тротуаре идет бойкая торговля одеждой, сувенирами, газетами и книгами. Это пристанище предприимчивых людей и торговцев не выглядит ни фешенебельным, ни просто опрятным, и тем, кто хочет получить благоприятное впечатление от Дели, лучше посетить его историческую часть. А нас здесь почти довели до истерики. Увидев потенциальных покупателей, да к тому же девушек без охраны, в атаку ринулись продавцы и чистильщики обуви.

— Купите пяльцы! Купите пяльцы!

— Я не умею вышивать.

— Это просто! Я научу вас, мэм.

— Белые медведи! Белые медведи! Посмотрите, какие хорошенькие! — их едва не запихивают мне за пазуху.

— Шахматы! Барабаны! Дудки!

— Мне ничего не нужно!

— Очень дешево, мэм!

— Мадам, вы выглядите, как кинозвезда! Можно почистить

вам ботинки?

Мы не чувствуем себя одинокими в чужой незнакомой стране. Нас уже сопровождают мальчик с дудками и мальчик, увешанный барабанами всех размеров. Мальчик с дудками поминутно поворачивается и дудит мне в ухо. Не потому, что он хочет, во что бы то ни стало, продать дудку, просто ему нравится так делать. Мальчик с барабанами сопровождает всех маршем. Под ногами стелется пара-тройка ребят с щеточками, они норовят ухватить нас за ноги и почистить черной ваксой светлые босоножки. Мужчина внушительного телосложения мягко ступает сзади и шепчет:

— Вы очень устали, мадам. Позвольте мне помассировать вам шею. — Тут же возникает на пути темнолицый индус и устрашающе помахивает длинной металлической спицей.

— Будем чистить уши, мадам?

Дорогу нашей ватаге преграждает усатый красавчик.

— Мадам, поехали в Кашмир!

— Там война и туристов воруют, — устало возражает Жанна.

— Зато, какая красота! — восклицает кашмирец, — и дешево, потому что все боятся.

В панике мы спасаемся в ближайшем магазине. Он совсем маленький, но продавцов здесь человек пятнадцать. Они жадно кидаются к нашим ногам, предлагая весь свой ассортимент обуви. Соглашаемся мерить босоножки, в магазине прохладно, работает кондиционер. Сквозь стеклянную витрину видно, что сопровождающая нас процессия не собирается расходиться. Приходится прятаться в ресторане. Мы никуда не торопимся, в надежде, что уличные приставалы отвлекутся на новые жертвы. Чай со льдом, лимоном и мятой — лучшее, что можно найти на Connaught Place, и еще большой выбор мясных блюд в арабском ресторане.

Нам все-таки удается купить постельное белье, мужественно преодолев все три круга. В центре последнего — расположен парк. "Развеемся? — предлагает Жанна. — Я что-то перенервничала. Голова болит". Идем под сень деревьев и находим свободную скамейку. Но стоит только присесть, как тут же появляются продавцы кока-колы, мороженого, и все те же чистильщики обуви и берут нас в кольцо.

— Домой! — немедленно вскакивает Жанна, и мы ретируемся, не позволив индийцам даже озвучить свои предложения.

— Рикша. Нам нужен рикша! — нервно оглядывается по сторонам Жанна, но, заметив столпотворение у ларька неподалеку, меняет свое решение.

— Мне кажется? Или там действительно продают спиртное? — Купить горячительные напитки в Дели не так-то просто, особенно, если не знаешь где. А в ресторанах очень дорого. Жанна решительно направляется к ларьку, и я семеню следом. Толпа мужчин встречает нас белозубыми улыбками.

— Неужели мы будем стоять с ними в одной очереди? — переживаю я. Но тут один из граждан кричит:

— Эй! А ну расступись! Леди хочет купить. — Мужчины послушно расходятся и освобождают нам путь к прилавку. Торжественно ступаем под буравящими нас восторженными взглядами. С видом знатока Жанна делает выбор.

— Виски, пожалуйста. — Расплатившись и забрав свою бутылку, мы, не спеша, покидаем место действия, как будто сходим со сцены. Индийцы передают друг другу:

— Леди купила виски! — В их голосах слышится затаенное восхищение и ужас, будет, о чем рассказать дома. Их жены никогда не покупают виски.

Вернувшись в молодежный центр, застилаем казенные постели купленным бельем и включаем бойлер. Жанна не рискует мыться под душем. Она оттирает с мылом ведро, наполняет его водой, кидает туда обеззараживающую таблетку, а потом еще и марганцовку.

— Мы что всегда так будем делать? — уныло спрашиваю я, поливая ее из пластиковой бутылки.

— Если хочешь подхватить чесотку, можешь мыться просто водой. Только потом не жалуйся! — стращает меня Жанна. Я за границей впервые, а Жанна бывала в разных странах. Надо доверять ее опыту. И все-таки я не готова к таким сложностям. Напоследок Жанна чистит зубы и полощет рот виски. Перед сном мы выпиваем по стакану виски, чтобы уничтожить всех проникших в нас за день микробов. Пусть знают, нас — русских им врасплох не застать и не уморить.

Глава 2. Дворец для русских студенток

В Дели мы получили причитающуюся нам за три месяца стипендию, всего шесть тысяч рупий — около двухсот долларов. Пора отправляться в Бангалор. Работники Индийского центра по культурным связям советуют нам ехать поездом за пятьсот рупий.

— Только самолетом, — заявляет Жанна. Индийцы шушукаются, звонят в агентство.

— Но вам это обойдется в семь тысяч пятьсот рупий за каждый билет.

— Нет проблем, — невозмутимо отвечает Жанна.

— Как нет проблем? — взрываюсь я. — У меня же совсем не останется денег! Говорили, что в Индии все дешево, что нас встретят и обо всем позаботятся, что каждый месяц будут платить стипендию, которой хватит на нормальную жизнь. Я не была готова выкладывать все свои деньги за билет на самолет.

— Зато ты будешь живая! — восклицает Жанна.— Ты представляешь себе, что это такое двое суток в индийском поезде? Жара, грязь, вонь и микробы. И не думай. А деньги я тебе займу. — Мое сердце сжимается. Мы приехали сюда жить, учиться и получать удовольствие. На три года. Что же так и будем шарахаться от всего местного? Скрепя сердце, уступаю. Нас учили, что главное, не разлучаться и по возможности поддерживать друг друга. Летим в Бангалор в комфортабельном самолете в окружении приветливых симпатичных стюардесс. В прохладном аэропорту нас встречают представители Бангалорского ICCR (индийского центра по культурным связям). А смуглые девушки, очень похожие на стюардесс, вручают нам розы и визитки какого-то магазина.

Здесь с нами разговаривают ласково, не то, что в Дели, где столичный народ уже устал от наплыва иностранных студентов. На маленькой белой машинке Ambassador нас везут по городу. Мы в восторге, вот он пышный юг Индии! Деревья цветут и благоухают, зелено, весело, дома, в основном, двух— или трехэтажные, все разные и красивые.

Мистер Сури Рао очень любезен, и не устает восхищаться нашим английским. Иностранные студенты, как правило, никакого языка, кроме своего не знают, что странно, ведь тест на знание английского языка — один из критериев отбора. Поэтому на первых порах с ними ни о чем толком не поговоришь. Когда Сури Рао сказали, что ему предстоит встречать русских, он

боялся, что не сможет объясниться, а тут такая радость — мы разговариваем! Очень скоро он убедился, что в этом есть свои минусы. "Занятия в колледже начались уже месяц назад. Почему вы так опоздали"? — журит он нас. Что ж, это зависело не от нас.

Припарковав Ambassador у ворот студенческого городка, мистер Сури Рао и водитель Умерш сопровождают нас на территорию колледжа, обнесенную крепостной стеной. Нас поражает буйная древесная растительность, настоящее раздолье для обезьяньих стай. Постройки в диких садах едва различимы. Прежде всего, нас ведут в общежитие. Мужчинам вход в это здание категорически запрещен, поэтому нас передают на попечение комендантше. Любопытные девушки с жасминовыми гирляндами в черных косах уже высыпали на крыльцо и причмокивают от удивления. "Сдается мне, это не общежитие для иностранных студентов", — шепчу я Жанне. А консул во Владивостоке уверял, что жить мы будем с иностранными студентами. Комендантша ведет нас по темному коридору и распахивает дверь в будущее жилище. Оторопь берет от скудости зрелища. Ладно, нет обоев и стены не крашенные, нет люстр и ковров, но и стекол на окнах тоже нет. Они зарешечены, как в тюрьме. Есть еще деревянные ставни, видимо их закрывают на ночь. В комнате стоят две голые железные койки, постелей не полагается, так что мы их покупали не зря. Только теперь нам понадобятся еще матрацы и одеяла. Заглянув в соседнюю комнату, примечаю, что местные девушки обходятся без таких мелочей, просто застилают кровати каким-то тряпьем. Окинув взглядом убогий интерьер, Жанна заявляет: "Остается спросить, где параша". Туалеты и душевые находятся в самом конце коридора. Впрочем, душевые — это просто краны в кабинках, а туалеты — дырки в полу. Надо набирать воду в ведра и поливать себя из ковша. "Твой любимый способ", — издеваюсь я. Выходим на улицу сильно озадаченные и удрученные.

— Мы здесь не останемся.

— ???

— Нам обещали общежитие для иностранных студентов.

— В Бангалоре нет специальных общежитий для иностранцев.

— Мы думали, что все будет по-другому. Это же просто тюрьма. Решетки. Никаких удобств. Вода холодная. Свет тусклый. Мы здесь заболеем и умрем.

— Так ведь это общежитие, — разводит руками Сури Рао, — надо приспосабливаться.

— Приспосабливаться? — возмущается Жанна. Это самое страшное для нее слово. — Мы не сможем здесь жить. В России совсем другие общежития. Светлые. С диванами, кухнями,

электрическими плитами, телевизорами. С прекрасными туалетами, наконец, и горячей водой.

— Но здесь безопасно. В семь часов общежитие закрывается. Вам, иностранкам, ничего не угрожает, — не сдается Сури Рао.

— Нет!

— Трехразовое бесплатное питание!

— Нет!!

— Очень дешево!

— Нет!!!

Вот тут он наверняка пожалел, что мы такие коммуникабельные, и понял, что избавиться от нас будет не просто. В тот день нас устроили в дешевой гостинице в Виджайнагаре. В комнатке были кровати, постели и отдельный санузел. После студенческого общежития она показалась настоящим люксом. В лавке для нас прикупили индийской еды и бананов. От угощения сразу возникла ностальгия, остро захотелось мяса. Необходимо было использовать сотрудников ICCR, пока они нас не покинули.

— Где продается мясо? — в два голоса спросили мы, пожевав пури и закусив их бананами.

— Ах! — изумился Сури Рао, закатывая глаза. Чего же он ожидал? Что мы махом приспособимся к национальной кухне? И вот мы снова в машине. Хлещет дождь. Оказывается, мы приехали в сезон дождей, а утром это нисколько не ощущалось. Реки воды текут по улицам, и прохожие бредут по колено в мутном потоке. Едем долго. Либо город очень большой, либо мясо продается только у черта на куличках. Стемнело. Темнеет в Индии уже в шесть часов. Доставив нас на место, водитель Умерш с Ambassadorом прощается с нами. Его рабочий день закончился, а может, лимит бензина истрачен. Сури Рао по воле долга идет с нами в ресторан. Увидев вывеску заведения, Жанна издает победный клич. KFC — цыпленок, жаренный по-кентукски. Сеть таких ресторанов имеется во многих странах. Мы заказываем зажаренного до золотой корочки цыпленка, салаты, картофель фри и кока-колу. Мистер Сури Рао со вздохом отказывается принять участие в пиршестве. Как истинный вегетарианец он не одобряет наши хищные вкусы. Город за окном сверкает броскими вывесками и разноцветными огнями. Мы запоминаем название улицы — "Brigade Road". Закупив впрок еды, идем под дождь ловить моторикшу. Сразу вымокают ноги, приходится подворачивать платье, но это помогает ненадолго. Рикша несется вперед по волнам, и вода захлестывает внутрь, как в шлюпку, попавшую в шторм. Мы прижимаем к груди самое дорогое, что у нас здесь есть, — коробочки с цыпленком KFC, их удается довезти

сухими. На этом длинный день Сури Рао завершается, он едет домой, а мы идем к себе в комнату делиться впечатлениями.

На следующий день едем смотреть новое жилье в теологический колледж. Он еще больше, чем наш Махарани, похож на парк. Девушки в длинных монашеских платьях и косынках скромно ходят по тенистым аллеям. "Ясно, — усмехается Жанна, — теперь они нас в монастырь решили упечь. Наивные". Приставленная к нам вместо Сури Рао Леди Мэтьюс дорогой рассказывает о том, какие чудесные условия в христианских общежитиях, и как трудно найти там место. Но директор колледжа, хороший знакомый мистера Лобо, директора ICCR, обещал выделить нам "квоту". Все мы христиане и должны помогать друг другу. Знакомимся с условиями проживания в общежитии, но оказывается, что предложенная "квота" находится совсем в другом районе, а не на территории учебного заведения. Еле находим сараюшку с узкой щелью под крышей вместо окна. Это и есть "квота". Стоит на отшибе, изгороди нет, при желании любой может туда проникнуть. Даже леди Мэтьюс согласна, что здесь не хорошо, не безопасно. "Мне кажется, что лучше искать жилье самим", — шепчет Жанна.

Потом нас везут на прием. В Бангалоре приемы, то есть знакомство студентов с официальными лицами или просто с влиятельными людьми в городе, обычное дело. Не помню, чему именно был посвящен этот первый прием. Но мы познакомились с другими иностранцами, приехавшими учиться в Бангалор по программам обмена или за свой счет. Здесь были студенты из ЮАР, Японии, Кении, Уганды, Бангладеш, Ирана, Иордана и с Берега Слоновой кости. Нас угощали самым странным в моей жизни обедом. На огромном блюде были аккуратно разложены кучки непонятной консистенции, но очень ярких цветов: розовые, желтенькие, зеленые. Тут же подходили какие-то профессора и министры и интересовались: "Как вам нравится еда"? Хотелось спросить: "А это вообще съедобно"? И, как нарочно, ни одного мусорного ведра в обозримом пространстве. Заметив мой растерянный вид, негр с Берега Слоновой кости подошел познакомиться. На официальные приемы негры с удовольствием наряжаются в костюмы и галстуки, но иногда забывают надеть носки. Дружелюбный студент оттопырил карман своего костюма: "Да что там! Складывай все сюда". Сразу стало смешно и весело.

Пользу этого приема для нас трудно было переоценить. Мы пожаловались на бездомность и неприкаянность, посетовали на одиночество в большем городе, поплакались добрым людям. Все сразу загорелись желанием нам помочь и чуть не передрались за право быть поводырями в огромном Бангалоре. И пригласили в

гости. Не в нашем положении было отказываться, в тот же день мы отправились к друзьям студента из Бахрейна. Они недурно пристроились в центре города, в Виджая Киран Апартаментах, в четырехэтажном здании с пятью подъездами, подземной стоянкой и прекрасным охраняемым двором. Увидев телевизор, огромные окна, плетенную из бамбука мебель, мы расслабились. "Слава Богу! — сказала Жанна. — Не все в этой стране живут в клетушках". Наши новоявленные друзья из Ирана подсуетились и накрыли шикарный стол. Конечно, они найдут нам квартиру, подобную этой, покажут европейские магазины и рестораны. Они живут здесь уже четыре года и знают об Индии все. Завтра же мы вместе с ними начнем поход по агентствам недвижимости. Даже занятия в колледже они согласны пропустить. Вечером нас отвезли в Виджая-нагар на мотоциклах, а на следующий день обещали забрать оттуда.

В комнате на полу мы нашли красную розу. Похоже, что кто-то забросил ее в окно. У нас появился тайный поклонник. На первом этаже гостиницы, кроме нашей, была занята только одна комната. Жили там штук пятнадцать-двадцать индийских юношей. Когда наши маршруты пересекались, они молча пожирали нас глазами. На ночь дверь их комнаты запиралась, и на нее навешивали огромный замок, это, наверное, для того, чтобы нам было спокойнее. Существовала еще одна дверь между комнатами, но и она была заперта. Вдруг из-под нее появляется записка. Прочитали. "Вы такие красивые и белые"! Посмеялись, отвечать не стали. Лезет в щель еще одна записка. "Я приду в полночь с синей футболкой. Можете делать со мной все, что хотите". Тут мы вообще упали в истерике. Не совсем понятно, что же имел в виду загадочный автор. Он придет с синей футболкой и подарит нам, как сувенир? Или наденет ее, чтобы мы его узнали, потому что на самом деле придет их очень много? Хорошо, что дверь была заперта, и все, что могли себе позволить наши соседи, это тихонько скрестись в нее до самого утра.

На следующий день мы отправились на поиски квартиры. В первом же агентстве на Brigade Road, нам объяснили, что для того, чтобы снять квартиру в Бангалоре, необходимо заплатить "депозит", т. е. аванс в размере десяти месяцев ренты. Когда постоялец съезжает с квартиры, он уведомляет об этом хозяина заранее, где-то за месяц, и хозяин возвращает ему депозит, если не было никаких задолженностей.

Новые друзья предупредили нас о том, что денежные дела с индийцами надо вести очень внимательно, и до заключения договора с печатями и подписями, никаких авансов не давать. Лучше всего, когда хозяин квартиры надежный, проверенный

человек. У нас не было таких знакомых. Агентство, в которое мы попали, выглядело респектабельно: интерьер дорогой, агент одет модно, а секретарша красивая. Агент предложил посмотреть квартиру, которая по его разумению, нам бы вполне подошла. Он посадил нас в красную сверкающую совсем новенькую Maruti, а сопровождавшие нас Нейсон и Реза поехали следом на мотоциклах. Мы помнили их предостережение: "Ничего не хвалить. Иначе индусы заломят цену". Машина остановилась у нового шестиэтажного дома, который лебедем выплыл нам навстречу из буйного сада. Агент кивнул охраннику, и завел нас в подъезд. Такой подъезд бывает в шикарных отелях, но никак не в жилых домах! Колонны, хрустальные люстры, плитка под малахит и широкая лестница, крытая ковром, уводящая вверх.

— Неплохо, — сказали мы, — вполне сносно. — Агент подвел нас к лифту, и мы отразились в его зеркальных дверях.

— Я первый раз вижу здесь лифт, — просипел Реза, чтобы агент не расслышал.

— Нашел диковинку! — пожали мы плечами. — В России во всех домах есть лифты. — Я вспомнила свой родной — сумрачный, с лампочкой, забранной в железную решетку, чтобы больше не выкручивали, со следами отгоревшего костра в углу.

Лифт остановился на четвертом этаже, агент с безмятежной улыбкой повел нас по просторному светлому коридору и распахнул первую дверь. За ней оказался огромный зал со сводчатым потолком, где высоко-высоко сияли россыпи ярких лампочек. Мягкие диваны и кресла перемежались с живописными фонтанами, скульптурами и пальмами, а в отдалении сиял рояль.Мы подавили восторженное "Ах"! и оно прозвучало как "Ыхм".

— Зал для вечеров, — пояснил агент, — жильцы могут приходить сюда, если им скучно. Кроме того, есть бассейн, бильярд, тренажеры и зал для приемов.

— Еще скажете, что тут всегда течет горячая вода! — усмехнулась Жанна.

— Естественно! — возмутился задетый за живое агент.

— А еще служба скорой помощи, столовая, прачечная и ни одного таракана? — предположила я.

— Пойдемте, посмотрим комнаты, — сказал агент раздраженно. Нам показали несколько комнат, из которых "любая могла бы стать нашей". Стоит ли говорить, что все они были с роскошной мебелью, телевизорами, телефонами и даже ваннами. Тут уж иранцы не могли сдержать восторга. Оказалось, что ванна в Индии еще более редкая вещь, чем лифт. На балконе, кроме экзотических цветов и деревьев, были качели, плетенные из

бамбука, и мы сдались окончательно. "Это мираж! — заговорил Реза вдохновенно. — Вы просто везучие! Европейский уровень. Квартира — люкс"! Мы снисходительно улыбались, уже чувствуя себя владелицами шикарных апартаментов. Пожалуй, сотрудники ICCR, если здесь побывают, упадут в обморок.

— В целом неплохо, — сказали мы агенту, — и когда сюда можно будет переехать?

— Да хоть на днях! — воскликнул он. — Сейчас тут проживают друзья хозяина из Бомбея, приехали отдохнуть, развлечься. Но они вот-вот уезжают, сегодня-завтра.

— Хм, — сказали мы. — А когда мы будем здесь жить, друзья хозяина тоже будут приезжать?

— Что вы! — изумленно взмахнул ресницами агент. — Просто это новые апартаменты, никому еще не сдавались. Никто не потревожит вас, когда вы тут поселитесь. Если желаете, можно сегодня же заключить договор.

Да! Мы желали! Как можно скорее. Переехать в этот дворец в центре города из комнатенки в Виджаянагаре с неспокойными соседями за стеной. Мы заключили договор, Нейсон и Реза его тщательно изучили, и Жанна заплатила агенту депозит. Договорились, что приедем через два дня, и он передаст нам ключ от квартиры.

Собрав нехитрый багаж, мы заверили персонал гостиницы, что из ICCR придут люди и обязательно с ними рассчитаются. Не знаю, почему мы так решили.

Но в агентстве нам заявили:

— Ой! Представляете, эти люди из Бомбея еще не съехали. Не могли бы вы подождать еще два дня?

— Как! — завопили мы, — а где мы будем жить? — Агент развел руками. Делать нечего, пришлось идти к малознакомым персам. Они были кругом виноваты. Не предупредили, что могут быть такие сюрпризы с квартирами, даже если заключен договор.

Через два дня агент начал прятаться от нас. Ему еще можно было позвонить, но либо он заболевал, либо ломалась машина, как будто бы в его жизни наступила черная полоса, и все несчастья посыпались на бедолагу, с тех пор, как нами был подписан договор, вернее с тех пор, как им был получен депозит. Стало ясно, что жить в прекрасной квартире и кататься на качелях мы не сможем никогда. Но деньги нам обещали вернуть.

Сейчас-то я понимаю, что агент показал нам не жилой дом, а просто недавно построенную гостиницу уровня пяти звезд. Удивительно, почему долгоживущих в Индии иранцев нисколько не насторожило, что комнаты были полностью меблированы? В Индии квартиры сдают пустыми, ни столов, ни стульев, разве что

лампочки не выкручивают. А тут телевизоры, фонтаны, рояль! И люди, которые приехали поразвлечься на несколько дней. По-видимому, агенту понадобились деньги, может, нужно было срочно отдать кому-то долг или не терпелось сыграть в казино, и он "развел" нас так красиво и легко. Возвратить сразу всю сумму он не смог. Мы приходили каждый день и брали деньги порциями, а жили в гостинице "Подсолнушек" за пятьсот рупий в день, не представляя, что делать дальше. Первый неудачный опыт выбил из колеи. Бездомные, в чужой стране, мы все-таки решили поучиться, и пришли в колледж на занятия. Там нас с нетерпением ждали работники ICCR.

"Что это такое?! Куда вы пропали?!"

Можно представить, что они пережили, не обнаружив нас в Виджаянагаре. Им доложили, что мы съехали несколько дней назад, никто не знает куда, но в сопровождении неизвестных мужчин с наружностью арабских террористов. В колледже также о нас ничего не было известно. Бедный директор ICCR уже кусал локти и представлял, как будет отчитываться перед русским консулом и нашими родителями. Нас могли обмануть, украсть, продать в рабство и просто убить. И все потому, что наши опекуны нас не уберегли.

— Немедленно дайте свой адрес! Вы должны предупреждать о каждом своем шаге! Где вы живете?

— В гостинице "Подсолнушек", — тихо ответили мы. Было, правда, неловко. Они действительно за нас волновались. А мы просто не привыкли, чтобы нас опекали. Подумав, все-таки решили переехать в общежитие. Надо освоиться и, не торопясь, подыскать подходящее жилье. После занятий сотрудники ICCR повезли нас на рынок закупать матрацы, одеяла и посуду.

— Подумать только! — возмущался мистер Лобо, — сказать, что наше общежитие все равно, что тюрьма! Думаете, не обидно такое услышать? Индийские девушки живут и никогда не жалуются. В следующий раз, прежде чем приглашать в Бангалор русских, я прикажу построить здесь дворец.

Мы молчали.

Глава 3. Овощи, мэм

На ужин мы взяли себе еды из столовой и принесли в комнату, хотя делать это запрещено. Сотни глаз наших соседок внимательно смотрели на нас. В тарелке конечно рис. Ужин готовится просто: в одном большом котле варят рис, в другом — карри. Карри состоит из овощей, приправ и, конечно, чили. Когда все готово, шлепают на тарелку рис, сверху — карри, и кушайте на здоровье. Рис в Индии не солят. Это и ни к чему. Помяв вилкой еду, зачерпываю немного и кладу в рот. "Мама! Роди меня обратно"! Жгучая боль опаляет и горло, и нёбо, и губы, я краснею, из глаз льются слезы. Жанна протягивает бутылку с минеральной водой. Глушу пожар и отставляю тарелку в сторону. Да, в России в общежитии были любители, которые ели хлеб с маслом и соусом чили, и даже такие, которые могли его пить. Но тот соус и сравнивать нельзя с настоящим индийским чили, которым жители этой страны ежедневно заправляют свою еду.

— Не будешь? — спросила Жанна. Я отрицательно помотала головой.

— Столько людей голодает.

— И я с ними поголодаю.

Жанна, когда голодна, может съесть практически все. Но ей тоже не удается осилить первый "общажный" ужин. Выходим из комнаты и идем во двор. Мы видели там мусорные баки, куда выбрасывают остатки пищи, прежде чем мыть тарелки. Нетронутая еда вызывает уйму вопросов у всех девушек, возникших на нашем пути. Вопросы звучат на местном языке — каннада, но в этот момент он нам понятен. "Остро. Слишком остро. Есть невозможно"! — отвечаем мы по-английски и на хинди, выразительно закатывая глаза и показывая на горло. "Айяяй", — покачивают они головами, сочувствуя нам. Засыпаем голодные и злые.

Утро в Индии начинается рано. Еще до рассвета в шесть часов пробуждаются индийские девушки, выходят в коридор и громко выкрикивают имена друг друга.

— Падма!

— Мамла!

— Маджила!

Как будто соревнуются, кто из них голосистее.

— Сейчас выйду, по стенке размажу, — грозится Жанна из постели. На самом деле не выйдет, ей лень выползать из-под одеяла. Далее слышится гром ведер, первые перепалки и не оставляет ощущение, что все это происходит именно за нашей

дверью. Мы спим, не поддаваясь на провокации. Вдруг кто-то ухает чем-то тяжелым в дверь.

— Ну что еще! — рычит Жанна.

Стук повторяется снова и снова, наверное, произошло что-то важное и будить нас велено до победного результата. Я влезаю в штаны и распахиваю дверь. На пороге стоит беззубый худой старик на тонких ногах, в грязной майке и дхоти (кусок ткани, которым мужчины оборачивают себя вместо брюк). Это повар. Ему одному из всего мужского населения города не возбраняется свободно гулять по женскому общежитию. Он весело улыбается кроваво красным от постоянного употребления бетеля ртом.

— Что вам надо? — спрашиваю я.

— Овощи, мэм! — счастливый старик протягивает мне железную миску с вареным зеленым месивом. Я растеряно принимаю ее, и повар уходит. Индийцы сориентировались быстро: не можете есть острое, пожалуйста, вам пресное. А с голоду помереть не дадим.

— Что он принес? — выглядывает из-под одеяла Жанна.

— Завтрак в постель, — улыбаюсь я, подсовывая ей под нос миску пахучего силоса, — хочешь?

— Фу! — отворачивается Жанна. — А что так рано?

— Чтобы с чили не успели перемешать, — догадываюсь я.

Ковыряем завтрак, в нем трудно узнаваемые кабачки и очень редкие куски картошки. Остальная масса похожа на траву с газона, присыпанную какими-то семенами.

— Лучше не стало, — комментирует Жанна, — давай выбросим?

— Давай! — сразу соглашаюсь я. Прикрывая содержимое миски рукой, я воровато пробираюсь к мусорному баку, как будто боюсь, что меня заставят доедать это насильно, если поймают. Подхожу к железному ящику, и там меня ожидает сюрприз — толстая, очень важная обезьяна. Она сидит в мусорном баке, заполняя собой все пространство. Трудно представить, что ей под силу поднять свое необъятное брюхо. Как-то неудобно вываливать на нее пищу, хочется вручить вместе с тарелкой и вилкой. А то еще рассердится за испорченный костюмчик. Но тарелка может еще пригодиться, я быстро опустошаю ее, стараясь не попасть в царственную особу, и бегу прочь, пока она не распробовала подношение. Питайтесь, раз у вас так принято. Пока мы жили в общежитии, я ни разу не видела, чтобы к мусорному баку подходили уборщики. Либо они приезжают рано, пока мы спим, либо обезьяны, вороны и бурундуки справляются сами.

— Я придумала! — говорит Жанна, — мы сварим яйца. Хорошо, что купили электрическую плиту. — Выходим в коридор,

потому что единственная на все общежитие розетка находится там.

-Ух ты! — замирает Жанна с плитой, а я с кастрюлей тоже приостанавливаюсь. К розетке вытянулась длинная очередь девиц с ведрами. Они неукоснительно придерживаются хорошей индийской традиции — омываться с головы до ног каждое утро до восхода солнца. Но поскольку сейчас время холодное, то и вода в душе почти ледяная. Вот они и стараются встать пораньше, чтобы с помощью кипятильников нагреть воду. Похоже, что с мечтой о яйцах нам лучше расстаться.

— Я пропущу вас, — неожиданно говорит девушка с роскошными волосами. Волосы не у всех индусок красивые, как принято думать. К тому же, они постоянно мажут их кокосовым маслом. Оно не только жирное, но и неприятно пахнет. Косы принято украшать живыми цветами, но к концу дня они вянут и осыпаются. А горожанки все чаще стригутся коротко. Мы благодарим девушку, включаем плиту и водружаем на нее кастрюльку. Студентки немедленно собираются вокруг, спрашивают, что мы готовим, и смотрят, как это происходит, как будто варка яиц невероятно увлекательный процесс. Сладкий чай с молоком проще взять в столовой. В Индии его подают в маленьких металлических стаканчиках, не доливая жидкость до краев, чтобы можно было держать емкость. Чтобы приготовить такой напиток, используют не листовой чай, а очень мелкий, почти пыль, и заваривают его прямо в кастрюле с кипящим молоком. Потом добавляют воды.

После завтрака Жанна запирает дверь и затягивается сигаретой. Курить запрещено не только в общежитии, но и на всей территории колледжа. За курение могут даже исключить из учебного заведения и выгнать из общежития. Большинство индийских девушек не курят, а те, кто курят, считаются испорченными. Но что такое слово "запрещено" для русского человека? Как назло в коридоре раздаются голоса, шаги, и вот уже в нашу дверь стучат. Жанна с досадой приминает тлеющее зелье и прячет сигарету, потом широко распахивает окно и пытается развеять дым, размахивая тетрадкой. Я поджигаю пластинку от комаров. В дверь стучат все настойчивее, приходиться открывать. На этот раз нас пришла навестить целая делегация: комендант, а с ней еще несколько женщин, причем одна из них в военной форме. Кто это? Полиция нравов? Женщина в военном принюхивается:

— Что это! — восклицает она, — вы здесь курили?

— Нет, конечно, — защищается Жанна, — пластинки поджигали.

— У пластинок совсем другой запах, — гневно сверкает глазами Леди — острый нюх. — И не надо меня обманывать. Следует подчиняться правилам общежития!

— Каким правилам? — округляет глаза Жанна.

— А вот этим! — показывает блюстительница нравов серенькую невзрачную тетрадку, которой Жанна гоняла дым. — Изучите внимательно. А о курении я доложу директору колледжа.

Осмотрев наш скромный быт, делегация удалилась. Это была проверка с целью узнать, как мы устроились.

— Как вы мне дороги! — в сердцах ругнулась Жанна, когда они ушли. Если Жанне что-то запрещают делать, у нее немедленно портится настроение, бывает, что и до слез.

Директор колледжа, когда мы предстали перед ней на ковре, сказала Жанне:

— Зачем же вы курите, моя дорогая? Разве вы не знаете, какая это пагубная привычка? Нужно ее искоренять. Отвлекайте себя. Захотелось вам курить, а вы бегом в библиотеку, схватились за книжку, начали читать и забыли о сигаретах.

Дневное время мы старались проводить подальше от общежития. Ездили в центр города, посещали рестораны и большие модные магазины. Ходили в гости помыться под горячим душем. Но к семи часам нам неизменно приходилось возвращаться, потому что в это время на общежитие навешивали огромный замок, и опоздавшим дверь никогда не открывали. Каждый вечер производилась перепись населения. Дежурные ходили по комнатам и считали всех, кто там находился. Жанна лезла на стены от тоски. Я пыталась увлечь себя учебой. Здесь начинали учить хинди с чтения длинных поэм, написанных на древних, давно вышедших из употребления диалектах этого языка: авадхи и кхариболи. На уроках мадам переводила поэмы на хинди и тут же на хинди объясняла, что автор имел в виду. Директор колледжа постоянно приглашала нас к себе. Ее интересовали наши дневные отлучки. Она не понимала, почему после занятий мы не идем в общежитие, а постоянно куда то выезжаем. Происходили диалоги примерно такого содержания.

— Куда вы ходили вчера?

— В Cubbon Park.

— В парк?! Зачем вы ходили в парк?

— А зачем ходят в парки? Посмотреть, погулять.

— Я понимаю. Но вы ходили туда совсем одни?

— Мы вдвоем.

— Вы иностранки, мой долг предупредить вас, что Cubbon Park — это гиблое, очень опасное место. Рискованно ходить гулять в такой парк.

Или:

— Я слышала, что вы познакомились с Рупой?

— Да, верно.

— Будьте осторожнее. Эта девушка может вас испортить.

— ???

Она была уверенна, что мы постоянно рискуем жизнью, а самое безопасное место в Бангалоре — это библиотека, и то, если принять меры предосторожности и не разговаривать с незнакомыми людьми. Между тем опасные парки были похожи на обычные, с каруселями и паровозиками для малышей, с планетариями и террариумами, с деревьями древними и могучими, о которых мы столько читали в России: баньянами, манго, кокосовыми пальмами, магнолиями. Индийцы сами нисколько не боятся, а очень даже любят там гулять. Потом мы поняли, что всего опасаться в Индии должны только незамужние девушки. Им нельзя гулять, где заблагорассудится. Выходить из дома полагается только в сопровождении родственников. Нам же лучше было запереться, спрятаться под паранджой и никуда не ходить. Быстро отучиться три года и катить обратно, в Россию, к папе и маме. А семнадцатилетняя Рупа имела смелость разговаривать с представителями противоположного пола. Она могла познакомить нас с индийскими ребятами, и это как-то серьезно угрожало нашему моральному облику.

Директриса — дама эффектная, родом из племени кургов. Курги, хоть и живут в Карнатаке, в южной Индии, отличаются от местных жителей и обликом, и традициями. Они похожи на грузин, устраивают пиршества с боями на саблях, едят мясо и пьют вино. У нее красивое волевое лицо, а весь кабинет увешан щитами и саблями. Она наблюдает нашу жизнь и мечтает уберечь от многочисленных искусов.

— Хватит вам искать квартиру, — принимает она неожиданное решение, — поселяйтесь у меня. Я денег не возьму. Будете готовить русские блюда.

Вот это вариант! Мы непроизвольно пятимся назад. Не вегетарианка — директриса хищно улыбается, глядя на нас.

— Мы ничего, ну совсем ничего не умеем готовить, — говорю я.

— Мы не хотим вас потеснить, — вторит Жанна, — тем более мы уже… приспособились! Нам нравится в общежитии.

— Вот врет, — восхищаюсь я. Интересно, пришла бы в голову декану восточного факультета или ректору университета в России мысль поселить у себя дома индийских студенток? Просто так, из любопытства к чужому народу? Едва ли. Со временем мы приспособимся к общежитию и как следует ознакомимся с его

уставом.

"Переписка девушек из общежития находится под контролем коменданта, который имеет право ознакомиться с содержанием любого письма прежде, чем передать его адресату.

Проживающим в общежитии студенткам не разрешается ходить в кино без позволения коменданта, а также посещать конференции, митинги и другие мероприятия за пределами общежития.

Прежде чем отлучиться из общежития надо получить разрешение коменданта и указать в специальном журнале, куда и когда вы направляетесь и в какое время возвращаетесь.

Только тем посетителям, чьи фотографии и адреса были предоставлены коменданту заранее, разрешается приходить к студенткам в воскресенье с 4 до 6 часов вечера и встречаться с ними в специально отведенном для этой цели месте. Нельзя приглашать родственников, подруг и однокурсниц к себе в комнату.

Нельзя наклеивать на стены плакаты с изображением кинозвезд".

За нарушение этих и других правил девушкам грозили суровые наказания, крупные штрафы, а то и вовсе исключение из такого совершенно безопасного заведения, где каждый вздох под контролем. Вот и представьте себе, какой ловкой должна быть индийская студентка, чтобы идти в обход этим правилам, развлекаться в свое удовольствие и сохранять при этом доброе имя и хорошие отношения с комендантом.

В общежитии был один черно-белый телевизор, смотреть который, разумеется, можно было в определенные часы. Девушки собирались вместе и дружно сопереживали героям каннада фильмов. Когда мы были им в диковинку, они точно также собирались у нас. Всем было любопытно на нас поглядеть. Разговор не клеился, большинство из них не знали ни английского, ни хинди. Только и могли спросить: "Как вас зовут"? и "Что вы будете кушать"? Зато с удовольствием рассматривали наши вещи и тут же друг с другом их обсуждали. Мы узнали, что решетки на окнах — это защита от обезьян. "Но, — предупредили девушки, — обезьяны все равно могут просочиться сквозь прутья и унести ценные вещи. Нужно всегда об этом помнить". Мне не верилось, что местные откормленные обезьяны могут куда-то просочиться, разве что в дверь войти и то бочком. Жанна больше всего боялась крыс, запрыгивающих в окна. Однажды открыв шкаф, она заорала:

— Ну, вот она, смотри! Крыса! Я же говорила. Теперь у нас все заражено чумой!

— Жанна, это мышь, — возразила я.

— Мышь?! Такая огромная.

— Индийская мышь, — настаивала я, — хорошо развитая. Тут и обезьяны большие и тараканы...

— Замолчи! — попросила Жанна. — Здесь невозможно больше находиться.

Почти каждый день мы ездили к персам, с которыми по-настоящему подружились. Рассказывали им истории о своем житье-бытье. С ними можно было пошутить и посмеяться над своими злоключениями, посмотреть американские фильмы или клипы по цветному телевизору, помечтать о том, какую прекрасную квартиру мы себе найдем. Нас вкусно кормили и давали с собой какие-нибудь вещи, чтобы скрасить полутюремный быт.

— Баба! — обратился Реза к Али. — Так они скоро весь дом вынесут. Не лучше ли нам всем вместе жить?

— Правда, — сказал добрый Али, — дом у большой, отдадим вам половину!

— Я на два месяца в Иран еду, — добавил Реза. — Вообще много места.

Мы подумали и согласились. Депозит платить не надо. Мебель покупать не надо. Ренту за квартиру ICCR оплатит. Из общежития сбежим. Красота! Хотя бы на два месяца. А там видно будет.

Глава 4. Сладкая жизнь

Сотрудники ICCR пожелали ознакомиться с условиями проживания в нашей новой квартире. В результате была проведена следующая операция. Мы познакомились с иранской девушкой по имени Казале. Она тоже приехала в Индию недавно, поступила в один из самых дорогих колледжей Бангалора — Бишоп колледж и остановилась у Резы Ширази, своего дальнего родственника, в том же доме, где снимали квартиру наши друзья. Мы уговорили Казале соврать работникам ICCR, что мы собираемся жить с ней вместе. Все мужские вещи были вынесены из квартиры на время, ботинки задвинуты далеко под кровати. Плакаты с полуголыми девицами заменены пейзажами.

— Али, тебе еще не страшно? — спрашивает Реза Сафари, помогающий нам замести следы своего присутствия в квартире.

— А ваши опекуны не будут говорить с моими соседями? — интересуется Али.

— Мы надеемся, что до этого не дойдет.

В назначенный час мы вернулись в общежитие и встретили Леди Мэтьюс и Сури Рао. Они познакомились с Казале. Реза и Али ждали нас с мотоциклами в отдалении. Они приехали, чтобы помочь перевезти вещи. Казале говорила по-английски очень быстро и эмоционально, потому не слишком понятно. Она жаловалась, что на занятиях ей скучно, и болит голова, и еще, что она очень тоскует по дому.

— Ну что ж, расскажи нам, где ты живешь, — просит ее Леди Мэтьюс.

Казале смотрит на нее растерянно.

— Подождите минутку! — говорит она и бежит к иранцам, затаившимся в тени. Там она что-то горячо объясняет, размахивая полными белыми руками.

— Кажется, она не знает свой адрес, — качает головой Леди Мэтьюс.

— Что вы. Просто она очень экспансивная, — возражаю я. Казале бежит назад.

— Так мы поедем смотреть мой дом?! — кричит она.

Следуя за мотоциклистами, Ambassador подъезжает к особняку Vijaya Kiran (Луч Победы). По чистенькому дворику, мимо охранников, мы проводим Леди Мэтьюс и Сури Рао к подъезду и дальше по лестнице, взяв их в плотное кольцо. Показываем им холл, кухню, комнаты наверху. При всем своем к нам недоверии, они не могут не согласиться, что квартира очень хорошая.

— Главное, безопасно! — говорит Жанна. — Вы видели, сколько тут сторожей?

Потом мы провожаем Леди Мэтьюс и Сури Рао до самой машины, чтобы они не зацепились по дороге с индийцами, проживающими в этом доме. Желаемого результата мы достигли, нам разрешают переехать из общежития. Из-под опеки ICCR мы попадаем под присмотр иранцев.

— Что ты надела? У тебя есть еще что-нибудь? — спрашивает меня Нейсон. Мы собираемся поужинать в ресторане.

— Так плохо? — пугаюсь я.

— Хорошо. Но для Индии это слишком.

— Нам просто опасно идти с тобой на улицу, когда ты в таком виде, — поясняет Али, — нужна более закрытая одежда.

— У нее все вещи такие, — предупреждает Жанна.

Конечно, я рассчитывала на индийскую жару, а не на возбудимость местного населения. Осмотрев мой гардероб, иранцы восклицают:

— Вах-вах! Сначала едем в магазин. Только потом в ресторан.

В магазине мне подбирают летний костюмчик и платья без смущающих их вырезов.

— Чудеса, — шепчет Жанна, на радостях она тоже выбирает себе новую одежду.

В другой раз мы приходим домой немного позднее, чем обычно.

— Куда вы ходили?

— На ипподром.

— Как на ипподром? — у иранцев вытягиваются лица.

— Очень просто, — поясняет Жанна, — у нас был только один урок. По дороге в колледж мы всегда проезжаем мимо ипподрома. Решили заглянуть. А там как раз скачки.

Иранцы глядят на нас так, как будто мы только что слетали на луну.

— Это же очень опасное место! Скажите правду, вас туда просто так пустили?

— Конечно! Там толпы народу, одни мужики. Вход стоит пять рупий. Мы заплатили пятьдесят рупий за ложу, очень комфортно, все видно. Купили буклет, где написано, какие лошади в каком забеге скачут. Но ставок не делали.

— Эти девушки такие шустрые, — говорит Реза Али, — мы четыре года живем в Индии и ни разу не ходили на ипподром. Даже близко не стояли!

— Ничего, — говорю я, — не переживайте. Мы все сфотографировали.

— Что стоило нас предупредить? — продолжают сетовать

иранцы. — Вы просто не представляете себе, как рискуете. Это вам не Россия! Здесь дикие люди.

— Обалдеть! — изумляется Жанна. Если забота учителей и сотрудников ICCR ее страшно раздражала, то забота мусульман вызывает слезы умиления.

— Да чтобы в России вот так, ни за что, второй месяц подряд каждый день водили по ресторанам, барам, дискотекам? Дураков нет! — делится она со мной впечатлениями позже. — Вот, что такое настоящее ухаживание!

Иранцы же признались, что для них было потрясением, когда мы согласились ехать с ними в ночной клуб "The Club".

— Мы же тогда были знакомы только неделю! — вспоминают они. — Ехать ночью на мотоциклах неизвестно с кем, неизвестно куда! Вы очень смелые девушки.

Не такие уж мы смелые, просто, воспитанные студенты из благополучных иранских семейств совсем не были похожи на отчаянных головорезов.

В здании Vidjay Kiran иранцы занимали несколько квартир. В одной из них жил Реза Ширази, к нему-то и приехала Казале. Целью ее, как поговаривали, была не учеба, а сам Ширази. Но он устоял перед соблазном: в Иране его ждала юная и очень богатая невеста. Казале — девушка тоже далеко не бедная, утешала себя походами по магазинам. Она скупала золотые украшения и приглянувшиеся индийские наряды. В другой квартире проживал Хусейн. Из всей компании он был самым тихим и робким. Украшением его интерьера в холле были два настенных олимпийских медведя и огромная гипсовая челюсть. Все наши друзья учились в Индии на дантистов. Учеба им давалась нелегко. Больше всех преуспел Али, он добрался до третьего курса. Тридцатилетний Реза Сафари застрял на втором. Хусейн уже четыре года учился на первом курсе. Деньги за обучение и содержание они исправно получали у родителей. Самый младший — двадцатичетырехлетний Нейсон пытался заниматься в Индии своим любимым делом — украшением интерьеров воздушными шарами. Но здесь этот бизнес не был таким доходным как в его родном Бахрейне. Остальные же даже не пытались подрабатывать. Хусейн тихо ждал, пока его сестра устроится в Америке и пригласит его к себе. Отец не спешил посвящать его в семейный бизнес, опасаясь, что "пофигист" Хусейн развалит ему все дело. Вот он и учился на дантиста, но студенческого пыла хватило только на то, чтобы сваять великанскую челюсть. Резе Сафари учеба была также противна, он больше всего любил путешествовать или спать. Успехи Али в учебе объяснялись тем, что его строгий папа требовал отчета за потраченное в Индии

время и ставил ему в пример кузена, который поступил в колледж одновременно с Али и уже успел его закончить. Все эти жизнерадостные прожигатели родительских денег не мучились угрызениями совести, ругали Индию и индийцев, но в то же время не желали возвращаться в Иран, где господствует строгий мусульманский режим и всем заправляют муллы. По телевизору там показывают бесконечные выступления лидеров ислама или игру на национальных инструментах. Даже в жару ходить по улицам можно только в костюме. Женщины носят косынки на головах и темные бурки, потому что без них сразу заберут в полицию, пристыдят и оштрафуют. Мужчинам нельзя заговаривать с дамами на улицах. Впрочем, любые сборища и праздные беседы не приветствуются. Во время намаза надо все бросать и молиться. Большинство людей не являются фанатиками ислама и строго следовать всем правилам им сложно. Открыто выступать против режима иранцы боятся. Часты случаи, когда недовольные пропадают без вести. Только в стенах своего жилища иранцы могут позволить себе расслабиться. Они маскируют на крышах спутниковые антенны, покупают в армянских колониях домашнее вино. Устраивают вечеринки, где женщины сбрасывают свои бурки и платки и оказываются в мини юбках, а потом ночь напролет пляшут под удалые мотивы запрещенных местных и иностранных музыкантов. Запрет на все разжигает желания и придает остроту самым простым и привычным вещам.

Индия — демократичная страна. Люди разных сословий и вероисповеданий живут здесь бок о бок, не ущемляя друг друга. На одном пятачке земли помещаются церковь, мечеть и индуистский храм. Из нашей квартиры слышны и пронзительные напевы муллы (первый раз он кричит в пять часов утра) и аллилуйя Христу. А индусы приводят во двор украшенного блестящей красной попоной слона, чтобы люди могли поклониться священному животному и предложить ему фрукты.

Здесь не существует понятия моды. Замужние женщины на протяжении веков носят сари, красивый и сексуальный наряд. Короткая блузка оставляет открытыми живот и спину. Сари — пять-семь метров ткани — окутывает стан мягкими волнами. Снизу надевают юбку, а ткань закрепляют на талии и на плече булавками, так, чтобы создать живописные складки. Но девушки чаще носят шальвар-камиз, более демократичную одежду. Это комплект из длинных широких штанишек, платья и широкого шарфа — дупатта. Яркие, расшитые цветными нитями, шелковые или льняные, эти наряды никогда не похожи один на другой. Шарфом девушки прикрывают грудь, создавая преграду алчным взорам горячих индийских мужчин. В цивилизованном Бангалоре

популярны джинсы и другие разновидности европейской одежды. В магазинах доступны самые откровенные вечерние платья, сарафаны и купальники. Но, если нарядиться так, что видны колени и плечи, на улицу лучше не выходить. Каждый встречный громко сообщит все, что он думает по поводу вашего платья и вашего тела, а позади увяжется шлейф поклонников. Юноши побойчее будут бежать следом километры и канючить: "Можно я буду вашим другом"?

Здесь есть спутниковое телевидение для всех желающих, шестьдесят с лишним каналов, все современные музыкальные клипы, Fashion TV, новости CNN и BBC, фильмы индийские и американские, популярные сериалы. Огромные, "долби-диджитал" кинотеатры, где в прохладных залах можно посмотреть новые фильмы, всегда набиты до отказа. Пиратские копии любых фильмов на дисках легко доступны всем и свободно продаются на рынках города.

В городе сотни баров и еще больше магазинов, продающих спиртное на любой вкус, ночные клубы и дискотеки, Интернет-кафе на каждом шагу. Из самого глухого района города можно легко позвонить в родной Хабаровск.

Индия завораживает нас. А иранцы капризничают, сетуют на грязь (в Иране, возвращаясь домой с улицы, люди не разуваются, здесь же такой вариант и представить невозможно), жалуются на то, что их везде хотят обмануть и одурачить. Сравнивают Индию со своей родиной, где до сих пор отрубают руку за воровство. Конечно, после таких крутых мер никому и в голову не приходит позариться на чужое имущество. Нам, после российского беспредела, наоборот, люди кажутся добрыми и честными. Иранцы уверенны, что каждый второй индиец — колдун, и сама эта земля волшебная. Поживешь на ней некоторое время, и уже не вырвешься, нравится тебе это или нет. Может, этим они объясняют свои провалы на экзаменах. По-моему, дело проще. Они бойко болтают по-английски, но не смогли выучить правописание, довольно сложный предмет в английском языке. Естественно, им не засчитывают ту абракадабру, которую они пишут на экзаменах. Даже название главной улицы города, где мы живем, персы пишут с ошибками.

Наше утро теперь начинается с тонкого лязга металла во дворе. Это точильщик ножей предлагает свои услуги. Потом звонкими голосами выкрикивают каннарские слова торговцы овощами, которые запруживают своими тележками двор. Молочница приносит молоко. Служанка готовит на кухне завтрак и обед. Она открывает дверь своим ключом, чтобы не будить хозяев. К завтраку мы пробуждаемся и постепенно подтягиваемся

в холл. Иранцы накрывают на стол, и все дружно садятся завтракать. Но брать еду сразу не позволяет этикет.

— Уважаемый Али Мирлоги! Не соблаговолите ли вы первым отведать эти скромные самосы с большого блюда? — начинает ритуал Реза Сафари.

— Что вы, любезный Реза Сафари! — в ужасе отшатывается от стола Али. — Только после вас я осмелюсь попробовать их.

— Я не могу взять самосы с этого блюда прежде вас, о досточтимый и многоуважаемый Али Мирлоги! Пожалуйста, усладите ими свои уста первым! — не сдается Реза.

— Как же я могу! Позор на мою бедную голову, если я дотронусь до них прежде вас, о учтивейший, о тактичный...

— Так! — не выдерживает Жанна. — Я возьму. — Она переносит золотистый индийский пирожок с большого блюда на свою тарелку. — Теперь налетай, ребята!

Иранцы облегченно вздыхают и едят дальше без выкрутасов. Интересно, как они справлялись без нас?

После трапезы, к чаю, Али достает из холодильника десерт — сладости из Ирана. Они никогда не переводятся в этом доме. Знакомые или родственники приезжают из Ирана в Индию и обязательно одаривают ими иранских студентов. Мы жуем вязнущие на зубах сладости с фисташками, которые называются "газ", жуем, потому что они являются теперь неотъемлемой частью нашей жизни. Жизни сладкой и беззаботной. Все же нам не понятно, как можно употреблять "газ" в таких количествах, каким потчуют себя иранцы. Так же, как им не понятно, почему мы едим шоколадную пасту ложкой из банки, а не намазываем ее на хлеб.

Нам ничего не надо делать. Нудный быт остался позади в прошлой, не такой сладкой жизни. Служанка моет посуду и прибирает в квартире. Мусор, выставленный за дверь, уносит смуглый жилистый дед в белом дхоти. Правда стирать свои вещи служанке мы не доверили, потому что видели, как она сворачивает в тугой жгут персидские рубашки и колотит этим жгутом об пол в душевой. Это привычный национальный способ стирки. Так можно обойтись минимумом мыла или порошка. Дырки и выдернутые в процессе нити никого не смущают.

— Не переломимся, сами постираем платья и нижнее белье, — решительно заявляет Жанна. — А постельное пусть колотит, не жалко. — Высушенное белье собирают в охапку и несут вниз в подвал. Там при тусклом электрическом свете гладильщик пересчитывает вещи и молча кивает головой. Утюг у него колоритный — на углях. Позже он приносит домой стопку выглаженного белья и одежды. Плата за одну выглаженную вещь

смешная, всего одна рупия.

Мы готовим изредка, чтобы друзья попробовали блюда русской кухни. Они, правда, не слишком ее жалуют. Борщ называют "овощным рынком в одном котле". Пельмени — это "куски сырого мяса в не проваренном тесте". Они не верят, что нормальную еду можно сготовить быстро. Рис по их методу готовится два часа, при этом он остается рассыпчатым и вкусным. Куриный суп — это, вообще, еда для больных. Оливье они считают своим национальным блюдом. В Иране все ингредиенты перемалывают и перетирают, в результате получается однородная паста, которая тоже называется "оливье", по их мнению, так и надо готовить это блюдо. А мы не привередливые, дружно хвалим иранскую пищу, и довольные персы готовят намного чаще нас. Разумеется, когда устают от еды, которую варит служанка. Особенно здорово у них получается кебаб. Приспособление для его жарки они, так же, как и мы, называют "мангал", и слово "шашлык" им знакомо. Совпадения в наших языках всегда радуют нас.

— Здесь совсем не умеют делать колбас и сосис, — сетует Али. — Какой замечательный в Иране колбас и сосис! — Мы с ним согласны, в России "колбас" и "сосис" тоже вкуснее здешних. Также как в России в Иране пьют черный чай без молока. "Вторячок" — дело немыслимое. Чай должен быть только свежим, иначе гости будут оскорблены и никогда больше не придут. Прием гостей в Иране — тонкая наука. Стол должен ломиться от яств. При этом гостей нужно многократно убеждать попробовать все, что вы предлагаете. Конечно, гости не будут жаловаться при вас, что им чего-то недодали. Зато, позже всем общим знакомым расскажут: "Были на днях у такого-то. Какой ужас! То не поставили, это не подали. Ну и скупердяи"! Ходить в гости к персам очень приятно.

У них тоже есть слово стакан, но так называют кружку. Ватрушка — понджик, сахар — шаккар, утюг — утю. Чюмодан, лак, фитиль, комод, душ, ван, сарафан, абажур, цирк. Всего и не перечислишь. На севере Ирана даже помидор называют помидором.

Нам больше не о чем беспокоиться. Только изъявлять желания.

— Мне надо бы съездить в магазин, в больницу, отправить письмо, выщипать брови...

— Без проблем!

— Я хочу напечатать фотографии, съесть пирожное, потанцевать...

— Мигом организуем!

Женщинам нельзя отказывать. Они впечатлительные. Могут обидеться и заплакать. Они ничего не решают самостоятельно. Их нужно лелеять и оберегать от невзгод и защищать от негодяев, которые встречаются на каждом шагу. Лучше вообще никуда одних не пускать! Если у меня болит голова, или Жанна порезала палец, Али поджигает на блюде специальные зерна и окуривает нас дымом от "назара", т.е. сглаза.

— Я удивляюсь, — возмущается Жанна, — почему это восточные женщины жалуются, что их угнетают? Все их капризы выполняются! Счастья своего не понимают!

Женщин в Иране ущемляют в правах, им гораздо труднее, чем мужчинам устроиться на работу. Даже в жару они вынуждены закутывать себя в бурки, оставляя открытыми только выразительные глаза. Их изначально ставит в неравные условия ислам, заставляя во всем подчиняться мужчине. Они убогие уже потому, что родились женщинами. У мужчин больше возможностей и радостей в жизни. Может быть, поэтому наши иранцы так трепетно относятся к женщинам и стараются скрасить их грустную жизнь.

Мы не променяем свободу на восточные сладости, но поневоле сравниваем защищенную и спокойную жизнь восточной женщины с непростой судьбой женщины русской.

Глава 5. Махарани колледж

Наш колледж — остров джунглей, отгороженный со всех сторон от внешнего мира, находится, на самом деле, в бойком месте. Дешевые рынки, индийские барахолки, излюбленные народом кинотеатры с откровенными рекламами сочных каннарских фильмов, вокзал, автовокзал, ипподром — все, чем знаменит грязный и вульгарный район Majestik ("величественный" в переводе с английского), расположено рядом с нами. Напротив колледжа, через дорогу, высится Центральная городская тюрьма. Мы каждый день наблюдаем очереди родственников заключенных, ожидающих возможности вручить горемыкам передачи. Рядом с воротами колледжа всегда стоят тележки с гуавами, а возле тюрьмы можно приобрести жаренную на углях кукурузу. Девичий колледж магнитом тянет к своим стенам женихов. Бдительная полиция не разрешает им парковать свой транспорт у ворот. Поэтому молодые люди ставят мотоциклы у тюрьмы, и вытягивают шеи, высматривая в пестрой толпе своих возлюбленных. У внешней стороны забора целый день сидят торговцы, предлагающие резинки для волос, бинди — декоративные наклейки на лоб разной формы и цвета, орехи, казинаки, бананы и т. д. — всякую всячину.

Еду можно купить и в столовой. Там очень тесно, поэтому студентки выносят тарелки на улицу и усаживаются на каменные скамейки. Есть надо быстро, действует рэкет. Обнаглевшие обезьяны подходят к девушкам и угрожающе шипят. Вида их оскаленных зубов достаточно, чтобы выронить тарелку. Как оказалось, решетки на окнах это не специфика нашего общежития, их ставят повсюду, защищаясь не от преступного мира, как у нас, а от обезьян. Если оставить дверь открытой, хитроумные твари проникают в комнату и сразу направляются к холодильнику. Все, что нравится, съедают, остальное разносят по всей квартире, рассыпают, проливают, пакостят, одним словом. Во дворе Махарани колледжа им особенно привольно. Можно часами наблюдать, как семьи разнокалиберных обезьян резвятся в ветвях деревьев, воспитывают детенышей, дерутся и вытаскивают друг у друга вшей. Фраза "В Махарани колледже очень много обезьян" неизменно приводит в восторг наших друзей.

В колледже учатся только девочки. Как правило, они не из очень богатых семей. Обучение в Махарани дешевле, чем в других известных колледжах города. Не случайно ICCR определило нас именно сюда, иначе им пришлось бы заплатить большие взносы, которые берут, например, христианские "крутые" колледжи

Болдвин и Бишоп. Программа обучения везде одна и та же, все колледжи входят в состав Бангалорского университета. Студенту, успешно сдавшему экзамены, присваивается степень бакалавра. Чтобы получить степень магистра, необходимо продолжить обучение в университете.

— Да-а-а, — протянула Жанна, впервые переступив порог Махарани колледжа. Это здание не знало ремонта со времен королевы Виктории, в честь которой он был назван Махарани.

— Простенько, — согласилась я. Здесь было бы просто мрачно, если бы окна не выходили в сад с буйной тропической растительностью, а студентки не носили ярких нарядов, сочетая в одежде самые немыслимые цвета. Хорошо хоть парты и скамьи в классах деревянные, а не каменные. Нас немедленно окружает стайка учениц.

— А вы откуда?

— Как вас зовут?

— Вы здесь учиться будете?

— Вы так похожи! Сестры, наверное?

— Молочные, — криво улыбается Жанна. Похожими нас никто прежде не называл. Правда, темнокожие черноглазые девицы с длинными косами и белозубыми улыбками тоже кажутся нам похожими друг на друга. Получив необходимые сведения, они тут же начинают обсуждать нас на незнакомом наречии каннада, смеются и стараются потрогать руками.

— Смотри, кого я поймала! — я снимаю со стены хорошенькую ящерку с прозрачной кожей.

— А-а-а!!! — поднимается визг со всех сторон, и любопытные индийские девчонки кидаются врассыпную. Ящерица для индийца — страшный зверь, хоть она и безобидна. В Индии ее считают омерзительной тварью. Примерно так же, как в России брезгуют тараканами. Зато к тараканам индийцы относятся спокойно. Могут прибить кулаком, а они там размером с мышь полевку, или просто выбросить на улицу, если попался. Местные тараканы отлично летают, но приятнее от этого не выглядят.

Урок всегда начинается с переклички. Учитель называет имена по алфавиту, а студентки отзываются: "да, мэм" или "да, сэр". Дисциплина на уроках армейская, девушки не позволяют себе даже шушукаться. Грозного окрика достаточно, чтобы пресечь любой посторонний шум. Учитель диктует лекцию, и все прилежно записывают. Создается впечатление, что студентки явно кем-то запуганны. Особенно сильно они боятся "сэров".

На уроке английского языка преподаватель читает всему классу абзац текста. Потом указывает пальцем на выбранную жертву и говорит: "Ты"! — Жертва встает, опустив голову. Сэр

Фарук умеет очень выразительно вращать глазами. "Скажи, что ты поняла из этого абзаца?". — Студентка сильнее вдавливает голову в плечи, как будто боится, что ее ударят. "Ну"?! — в голосе сэра сквозит раздражение. "Хорошо, скажи тогда, где должна находиться лошадь, впереди телеги или позади"? Никто не смеется. Каждая девушка боится, что перст страшного сэра укажет в ее сторону и придется держать ответ. Глаза учителя едва не выпрыгивают из орбит. Он поднимает на ноги весь класс и ждет вразумительного ответа. Двоечницы стоят до конца урока.

В другой раз мы изучаем на английском языке роман о жизни африканского племени. Преподаватель — милая пухленькая индусочка, с чувством, в меру драматизируя, рассказывает нам о характере главного героя романа Оконко. Класс слушает ее, затаив дыхание. Неожиданно она прерывает повествование и с благожелательной улыбкой обращается к девушке, сидящей за первой партой:

— Как тебя зовут, милая?

— Кабриз, — отвечает та и встает (отвечать преподавателям принято стоя). И тут наша учительница начинает задыхаться, дергаться в судорогах.

— Пошла вон, Кабриз! Духу твоего, что б здесь не было! — На этот раз не только Кабриз испугалась. Весь класс привстал и приготовился к бегству. А учительница отдышалась и продолжила мягким голосом:

— Вот таким Оконко был в гневе.

Наша учительница по социологии обладала высоким и пронзительным голосом. Приходилось затыкать уши, оберегая барабанные перепонки, или пропускать уроки — здоровье дороже. Студентки усердно строчили лекции под диктовку. "Проблем не будет, — решили мы, — все, что пропустим, потом перепишем". И, когда подвернулся случай, попросили у сокурсниц тетради. Как же мы изумились, увидев написанную там абракадабру. Ни безграмотно составленных слов, ни, тем более, предложений невозможно было понять. Я внимательнее присмотрелась к прилежным девушкам и обнаружила, что некоторые и вовсе не утруждают себя написанием букв. Чертят в тетрадях волнистые линии, а со стороны выглядит так, как будто они пишут. Это меня поразило. Понятно, когда на уроке скучно, не слушаешь, рисуешь картинки. Но волнистыми линиями зарисовывать лист за листом, это уже страшно. Позже мы выяснили, кто из девчонок сообразительнее, лучше учится, хорошо знает английский язык и пишет без ошибок. Нам посоветовали купить "digest" — книжечку с возможными экзаменационными вопросами и ответами. Достаточно их выучить, чтобы получить проходной балл на

экзаменах. Необходимость посещать занятия, вообще, отпала, но без определенного (довольно большого) процента посещаемости к экзаменам просто не допускали, поэтому мы старались, время от времени, там появляться. Сколько было выдумано причин, оправданий прогулов, сколько принесено справок! После довольно продолжительного путешествия к морю пришлось сочинить целую историю. Единственный знакомый врач в городе — дантист, к его помощи мы постоянно прибегали, когда нужна была справка. "Ну что можно дантисту делать с тобой полтора месяца"? — задумался он. Версия была такая: упала с мотоцикла, повредила челюсть, из-за мелких, но сложных внутренних переломов не могла ни есть, ни пить, ни целоваться. Ждала, пока срастется как надо. Только в справке он написал все хитрыми медицинскими терминами. Я отнесла бумагу в колледж. Директриса читала, читала, так ничего и не поняла:

— Что с тобой случилось?

— Челюсть сломала. — Она смотрит недоуменно. Здоровая веселая девушка. Все на месте. Хорошо еще, что индийцы не замечают нашего загара, мы все равно кажемся им белыми.

Индианки тоже не все добросовестно посещали занятия. Наша подруга Туша заглядывала в Махарани еще реже, чем мы. Она училась в двух колледжах сразу и одновременно подрабатывала в модельном агентстве, времени на учебу конечно не хватало. Учителя журили ее, но не особенно, понимали, что девочка умная и без их помощи справиться. Ее сообразительности и способностей оказалось достаточно, чтобы получить хороший проходной балл. К нам тоже стали приставать меньше, после того, как мы успешно сдали первые экзамены. Больше половины девушек провалили экзамены с треском. После волн в тетрадях я уже не удивлялась тому, что из ста возможных баллов по предмету можно набрать пять.

Большинство учениц Махарани колледжа не стремились получить образование. Просто их родители еще не подобрали дочкам достойных супругов и опасались, что девушки будут болтаться дома без дела. А в строгом учебном заведении за ними с пристрастием наблюдали учителя. Кроме того, за образованную дочь приданного полагается давать меньше, потому что она имеет шанс получить работу и приносить доход семье. Закон 1963 года отменил "даури" (приданное). Для тех, кто его требует, предусмотрено наказание — шесть месяцев тюрьмы или штраф. Но практически все семьи невест не нарушают древнюю традицию и продолжают платить "даури".

Девушки в Индии не выбирают себе женихов по сердцу. Они должны полагаться на выбор родителей. Зачастую молодушка

видит своего мужа до свадьбы лишь несколько раз и почти не общается с ним. Жених приходит на смотрины невесты и тоже молчит, беседуют родители. Они расспрашивают соседей, на глазах которых выросли юноша или девушка, советуются с уважаемыми людьми. "Моей сестре понравился жених, которого вчера приводили, — сообщает Рупа. — У него усы, как раз такие, как она хотела". Жениха подбирают из той же касты, к которой принадлежит семья невесты. Семьи должны быть одинакового социального уровня. Хорошо, если дети росли в похожих условиях, в семьях, соблюдающих одни и те же традиции, тогда и позже у них не возникнет разногласий, а любовь придет, когда они узнают друг друга, поживут вместе. Большое значение придают астрологическому прогнозу, будущие супруги должны соответствовать друг другу и по гороскопам. Разве смогут молоденькие несмышленые дочери учесть все эти важные факторы, выбирая себе суженного?

Но все-таки индийские девушки и до свадьбы встречаются с юношами. Как бы не предостерегали их родители, они влюбляются, и, как правило, не в тех, в кого надо. Все, что в России принято делать вечером, здесь происходит днем. Поприсутствовав на первом уроке, юные студентки, ищущие приключений, отправляются на MG или Brigade Road. Утром переполнены все кафе, открыты бары, устраиваются дискотеки. В помещениях зашторивают окна и создают ночь средь бела дня. Включают громкую музыку, иллюминацию и самозабвенно танцуют. В пять вечера дискотека заканчивается и молодежь идет по домам, чтобы рассказать родителям, как славно они провели время в колледже и библиотеке. На таких дневных "вечеринках" встречаются, в основном, одни и те же люди, которые хорошо знают друг друга. Из нашей группы к "тусовке" принадлежала Рупа, о чем родители, понятно, не подозревали. Она по доброте душевной решила приобщить и нас к развлечениям современной молодежи и безмерно радовалась фурору, который белые подруги произвели на ее многочисленных друзей. Но нам было откровенно скучно с ними общаться, и к веселым утренникам мы не пристрастились.

Говорят, есть хорошие фильмы, плохие и индийские. Почему-то принято считать, что индийские фильмы неправдоподобные. Только в Индии мы поняли, что фильмы эти верно отражают индийскую действительность и тонкости взаимоотношений. Влюбленные юноши, действительно, ведут себя, как сумасшедшие. Они выжигают имена красавиц у себя на запястьях, пишут письма кровью, клянутся в вечной верности. Но горе той, которая им поверит! Жениться они, все равно, предпочитают на

той девушке, которую выберут родители. А кровь для страстных писем часто берется из куриной печени, и циничные девушки об этом знают. Они задаривают возлюбленных розовыми открытками, плюшевыми сердцами и стихами примерно такого содержания: "Я люблю тебя, это факт. А теперь... любишь ли ты меня? Как только я закрываю глаза, вижу перед собой одну вещь — это твое лицо". Донжуаны бросают жребий, пускаются во все тяжкие, пытаются соблазнить девиц. Девушка тоже может играть на чувствах, уверять поклонника в любви, гулять с ним неделю-две, пока обнадеженный друг радостно тратить на нее деньги. Потом целомудрие побеждает, и коварная искусительница вспоминает о любимых родителях, которых она не желает больше расстраивать своим неправильным поведением. Все это похоже на игру, и в дураках остается тот, кто больше увлекся. Рупа рассказывает:

— Моей подруге так нравится мой бывший парень. Она в него по-настоящему влюбилась, вчера на дискотеке сделала ему предложение.

— Что она ему сделала?!

— Она подошла к нему и сказала: "Я тебя люблю". Тогда он ответил: "Ну ладно, я тебя тоже люблю". Рупа, подумав, добавляет. — Это он сказал, чтобы заставить меня ревновать и вернуться к нему.

— Ну, Рупа, ты слишком высоко себя ставишь. Может, он искренне ее полюбил.

— Нет, он сказал Пуните (еще одной подруге), что не верит больше ни одной девушке. И намерен теперь только флиртовать, так жить спокойнее.

— Рупа! А ты предупредила об этом свою подругу?

— Да, но она уверенна, что заставит Судхира ее полюбить.

Рупа на распутье. Выбирает жениха.

— Гурупрасад и тот парень, который пропустил нас на дискотеку бесплатно, оба из моей касты, за них я могу позже выйти замуж. А Мохан — просто очаровашка. А Сунил такой хорошенький! Анил очень порядочный, зрелый. Кого же предпочесть?

Идем с ней по пыльной раскаленной мостовой, солнце греет нещадно.

— Ух, — говорит Рупа, вытирая пот со лба, — подъехала бы к нам шикарная красная машина, а в ней обалденные модные парни. Они открыли бы дверь и сказали: "Девчонки! Давайте мы вас прокатим". Рупа задумывается, прокручивая в мозгу соблазнительное видение, и продолжает: "А мы бы ответили: "Еще чего!"

Каждый день во дворе Махарани колледжа девушки-подружки расчесывают и переплетают друг другу косы, примеряют цветы, рисуют бинди, красят ногти. Они показывают друг другу фотографии своих обожателей или календарики с изображением популярных актеров и без устали рассказывают о достоинствах существующих или мнимых кавалеров. Красивые (большая редкость), симпатичные и страшненькие индусочки, в отличие от русских девушек, на сто с лишним процентов уверены в своей привлекательности и востребованности у мужского пола. В повседневной жизни они почти не красятся, не носят обуви на каблуках, не сидят на диетах, из европейской одежды осмеливаются носить только джинсы и футболки. При этом они уверены, что мужчины не спускают с них глаз, и таинственной улыбкой дают понять, что им известно все об их гнусных намерениях. "Мой брат не пускает меня одну из дома, — говорит объемная курносая толстуха Гаятри, темная, как сама ночь, — он всегда провожает меня до остановки, чтобы никто не пристал ко мне по дороге". Как правило, отношения мальчиков и девочек до свадьбы не заходят дальше флирта, походов в кино, парки и любовной переписки. Девушка, поддавшаяся соблазну и уступившая домогательствам парня, становится изгоем в обществе, если о ее "преступлении" станет известно. Замуж не выйдет не только она, но и младшие сестры. Так что индийские девушки очень осторожны. Повздыхают, пострадают и довольствуются родительским выбором. Но многое меняется даже в Индии. Родители Туши поженились по любви, нарушив традицию. Потом все-таки не сошлись характерами и разъехались. Ответственно воспитывали двух дочерей, девочки жили то с мамой, то с папой. Туша, как и мама, выбрала себе половинку сама. Они с Арджуном были преданны друг другу и неразлучны. Девушка прожгла себе ладонь сигаретой, чтобы побудить Арджуна бросить курить. Будучи беспутным студентом Арджун пил пиво и курил марихуану. Вместе они ходили на дискотеки и в ночные клубы. От бурной страсти она ему уступила. Когда они решили пожениться, родители Арджуна пришли в ужас. "Только не бангалорская девушка"! Бангалорские девушки считаются в Индии развязными и распущенными, потому что в этом городе слишком доступны гнилые плоды европейской цивилизации. Но сыночек уперся — только Туша станет его женой. Она принадлежала к высшей касте браминов, зато он был из очень состоятельной пенджабской семьи. Закончив колледж, они поженились. Арджун увез Тушу в небольшой город в Пенджабе, где у отца была своя фабрика. Через год мы снова встретились с Тушей, как всегда подтянутой и стильной, в

Бангалоре. Они не развелись. Просто жить в Пенджабе ей не понравилось.

— Утром встаешь, — рассказывает она, — и первым делом цепляешь на себя кучу золотых украшений. Носить можно только сари. Всех дел — следить за служанками. "Почему здесь пыль не протерла? Почему цветы несвежие в вазе?" Днем сидим дома со свекровью. Она тоже мается, каждый день велит слугам мебель переставлять в доме. Пойдешь в свою комнату, включишь телевизор, свекровь непременно рядом взгромоздится. "Какой стыд! Какой срам! Как ты можешь это смотреть"! Это она музыкальный канал MTV комментирует. Муж придет с работы, свекровь сразу к нему: "Сыночек! Побудь с мамочкой"! К жене, сына ревнует! Арджун тоже изменился. Все запрещать стал. К родителям подлаживаться просил. А раньше так свободу любил! Собрала вещи, сказала, что уеду. Он мне: "Ну, потерпи немного, свое дело открою, в Дели переедем". А я ему говорю: "Когда откроешь свое дело, тогда и перееду". Так и расстались, а какая любовь была! Куда делась? — удивляется Туша. В Бангалоре она сняла квартиру, устроилась на приличную работу, возобновила связи с модельными агентствами и поступила на очередные курсы. И сразу воспрянула духом, современная независимая индийская женщина Туша.

Экзамены в Махарани колледже сдают раз в год, в мае-июне. Есть промежуточная сессия в октябре, но это только для тех, кто не сдал какой-нибудь экзамен. Студент с хвостами переходит вместе с ними на следующий курс. Можно закончить колледж, а потом еще нескольких лет сдавать проваленные в прошлом экзамены, каждый раз за отдельную плату. Диплом, разумеется, выдается только тем, кто все сдал. В медицинских колледжах по-другому. Там пока все экзамены не сдашь, на следующий курс не перейдешь. И плата за пересдачу очень высокая. В Махарани же — все за копейки. Но подход к приему экзаменов одинаково суровый. Теорию сдают письменно. У каждого студента есть свой экзаменационный номер. Указывать свое имя на листах для ответов запрещено и карается исключением. Эти номера заранее нарисованы мелом на партах. Расстояние между студентами такое, что как не вытягивай шею, списать не удастся. Да, прежде чем войти в аудиторию, студенты оставляют все свои вещи у входа. С собой берут ручку. Листы для ответов выдают экзаменаторы. В назначенный час они вскрывают конверт с вопросами, поступившими из Бангалорского университета, и раздают студентам листки с перечнем вопросов. Как правило, там восемь или девять вопросов по всем крупным разделам изучавшегося предмета. Отвечать надо подробно. На экзамене по

хинди все вопросы написаны тоже на этом языке. По другим предметам вопросы даются на английском и на языке штата. За три часа необходимо дать развернутые ответы на пять вопросов.

Студентки лихорадочно строчат и могут исписать три-четыре тетради для ответов (каждая 6-8 листов). Но многословие не гарантия успеха. Достаточно и одной тетради, если ответы четкие и правильные. В аудитории находится человек пять-шесть взрослых: преподаватели и полицейские в гражданской одежде. Они зорко следят за экзаменующимися, пресекают любой шум или неосторожное движение, ходят вдоль рядов. За шпаргалку студента выводят из аудитории и на три последующих года лишают возможности сдать экзамен. Списать практически невозможно. Для индианок экзамены — настоящий стресс. Рассказывали о случаях самоубийств накануне испытаний, приступах и обмороках во время оных, но нам столкнуться с экстремальными ситуациями не довелось.

Учеба нас особенно не обременяла и экзамены тоже. Максимальное количество балов, т.е. сто из ста, не ставят никому. Выше шестидесяти баллов — это уже первый класс. восемьдесят баллов и выше получают только гении. В разных университетах соответствие классов и баллов несколько различается. А от сессии до сессии, как и везде в мире, живут студенты весело.

Глава 6. Выпускное паломничество

— Жанна! Смотри, как интересно! Старшекурсники едут в путешествие по индийским храмам. Колледж все организует: проезд, питание!

Жанна заглядывает в проспект о поездке.

— Главное, изумительно дешево! — хмыкает она.

— И абсолютно безопасно, — киваю я.

— Лучше уж поехать на Гоа, самим, чтобы некому было нас обсуждать.

— На Гоа в любой момент можно съездить, — возражаю я, — а тут за такие деньги увидеть так много мест...

— За такие деньги так укатают, что свету белому рад не будешь! Подумай, что будешь есть? Ты же нос воротишь от индийской пищи!

Она права, мне мучительно трудно проглатывать слипшийся безвкусный рис, неважно, разбавлен он простоквашей или пересыпан какими-нибудь питательными зернами. А на чудесное лакомство идли-вада (такой же популярный в Индии завтрак, как яичница с беконом у англичан) я даже смотреть не могу без дрожи. Но разве это причина, чтобы отказаться от возможности посмотреть Тируванантапурам и Каньякумари?

— Ты как хочешь, а я пожалуй поеду. — Жанна смотрит на меня удивленно, обычно решения принимает она. Подумав день и ночь, она решается на поездку.

Это хорошая индийская традиция — небольшое путешествие выпускников после окончания колледжа. Они сами выбирают маршрут, согласовывают его с директором, сбрасываются на расходы. Администрация колледжа договаривается насчет транспорта, размещения и выделяет сопровождающих. Мы пока еще на первом курсе, но нас соглашаются взять с собой. Всем приятно, что иностранки хотят поехать вместе с индийскими девочками.

Приобретаем благотворительную путевку и готовимся к поездке.

По инструкции необходимо взять с собой теплую одежду, одеяла, посуду, фонарь. И тут же оговаривается, что багаж необходимо сделать как можно легче. "Неужели мы будем носить рюкзаки на себе?!" — опечалилась я. Мне нравится ходить пешком даже на далекие расстояния, но перетаскивать тяжести не люблю, да и не могу. Для поддержания сил необходимо было приобрести что-нибудь компактное и питательное в расчете на шесть дней. В магазинах широкий выбор. Продаются даже

таблетки для космонавтов, но мы выбрали печенье, непростое, дорогущее, по девяносто рупий за пачку, со всеми компонентами, необходимыми для поддержания жизни. Еще запаслись шоколадом и таблетками от тошноты и поноса и сразу почувствовали себя спокойнее.

Всего в путешествие собрались пятьдесят девочек и четыре преподавателя. И эта толпа должна была погрузиться в один автобус.

"Один автобус? — удивился Али. — Странно. В нем тридцать два места, как же туда поместится пятьдесят четыре человека? А расстояния... большие: Карнатака, Тамилнаду, Керала! Маршрут дней на десять, не меньше". Друзья решили, что затея эта нереальна. Оставалось проверить, действительно ли это так.

В назначенный день путешественники и провожающие собрались во дворе колледжа. Царила веселая неразбериха. Автобус должен был приехать в четыре часа, но приехал в шесть. Это для Индии обычная история, так что никто даже не волновался из-за такого пустяка. К транспортному средству ринулись все разом, по части быстро занять места индийцы все мастера. Пока самые шустрые лезли в двери, самые умные закидывали вещи в открытые окна на сидения. Но и мы не зевали, так как знали, что мест меньше, чем желающих ехать. Нам достались два места за кабиной водителя, и, довольные, мы разместили свои рюкзаки с одеялами под ногами, оккупировав себе жизненное пространство на предстоящие дни пути. Как и ожидалось, не всем удалось разместиться, но девушки не унывали, они принесли стулья из колледжа и расставили их в проходе. Уже смеркалось, когда автобус тронулся в путь.

Мелькают за окном знакомые и незнакомые улицы, зажигаются первые фонари и вывески ресторанов и магазинов, спадает дневная жара. А в душе сверкает необъяснимая радость, я отправляюсь в неизведанные места и предвкушаю приключения, и все в этот вечер и после будет по-другому, а не привычным образом. Картинки за окном меняются, сердце веселится. Магнитофон работает на всю мощь, заливаются переливчатыми трелями популярные индийские певцы. Ехать в автобусе по Индии интересно. Здесь не бывает безжизненных пространств. Город сменяют поселки, поселки сменяют деревни, деревни перемежаются кокосовыми или банановыми плантациями, рисовыми полями, озерами и реками, в которых непрерывно моются люди и стирают яркие сари и белые дхоти. Стада буйволов или волов, процессии со слонами, люди, толкающие тележки с фруктами, движутся вдоль дороги навстречу проезжающему автобусу. То и дело впереди вырисовываются

храмы и церкви, крепости и средневековые замки, которые не выглядят заброшенными. Беднота, собрав из разного подручного материала скромные лачуги, копошится вокруг них, разводит огонь, жарит кукурузу, жует тростник. Тепло, и не беда, что вся жизнь проходит под открытым небом. Такое впечатление, что всю дорогу показывают жизненный нескучный и ненавязчивый документальный фильм. Даже ночью не покидает ощущение, что я нахожусь среди тысяч и тысяч людей на этой древней земле. Но они настолько гармонично вписываются в эту среду, что их присутствие не раздражает, и мне не жаль делить с ними звезды, тонкий запах цветущих магнолий и ласковый южный ветер.

В большой кабине водителя разместились пятеро молодых мужчин. Они оживленно болтают друг с другом. В Индии нет правила "хочешь жить — не отвлекай водителей", поэтому они постоянно общаются с посторонними, даже на крутых виражах горных дорог, не говоря уж о равнинах! Мы подумали, что все эти люди будут время от времени крутить баранку, ведь путь предстоит долгий, и им придется заменять друг друга. Очень скоро выяснилось, что водитель у нас один. Правда, у него есть помощник, который протирает стекла, выбегает из автобуса в трудных местах, чтобы показать, как проехать, и энергично жестикулирует, когда мимо окон проплывают другие транспортные средства. Правила вождения в Индии заключаются, по-моему, в том, чтобы уметь распознавать жесты всех шоферов на дороге и быстро, верно на них реагировать. Остальные четверо оказались поварами.

Рано утром мы прибыли в какой-то перевалочный пункт, где можно было умыться и привести себя в порядок. Индианки побежали в душевые, вымыли головы и переоделись в свеженькие шальвар-камиз. В Индии принято окатывать себя с головы до ног водой каждое утро — ритуальное омовение. А вот ходить два дня подряд в одном и том же наряде не принято. Если индианка случайно останется у подруги на ночь, то скорее позаимствует у той платье, чем появится дважды в одном и том же одеянии. Только у нас с Жанной были рюкзаки, остальные девушки прихватили с собой громоздкие квадратные чемоданы дизайна времен колонизации. Еще бы! Надо же куда-то сложить наряды на шесть дней! Хорошо, что в России с этикетом проще.

На стоянке была пара столовых, и помимо блюд нашей бесплатной походной кухни можно было купить дешевой еды на стороне. Чудесное печенье приберегли. Ближе к полудню мы приехали в Мадураи — город в южном индийском штате Тамилнаду. Здесь находится знаменитый храм богини Минакши.

"В храм не пропустят в обуви, — объявили наши

сопровождающие, — давайте оставим ее в автобусе и пойдем в храм босиком". Все согласились. "Ну что же, — кивнула Жанна на высокое, покрытое каменными рельефами здание храма, перед которым остановился наш автобус, — недалеко, пойдем". — К тому времени она уже перестала бояться чесотки и другой заразы. Сюрприз заключался в том, что храм, который мы увидели из окна, не был храмом Минакши! По пыльной, замусоренной и заплеванной улице оживленного тамильского городка мы шагали минут двадцать. Ощущение было не из приятных, но все идут, и мы идем.

Храмовый комплекс поразил размахом. Две тысячи лет тому назад город Мадураи был столицей южной династии Пандьев, а богиня Минакши (та, чьи глаза напоминают двух рыбок) была их покровительницей. По преданию, еще до того, как Пандьи стали королями, муж и жена из этого рода взмолились о ребенке. Сама богиня Парвати явилась им в образе маленькой девочки в жертвенном огне. Три груди вместо двух было у нее. Но бог Шива предсказал, что третья грудь отпадет сразу, как только девушка встретит своего мужа. Девочка выросла и стала знаменитой воительницей, она добилась царства для Пандьев. А во время битвы в Кайлаше ей повстречался сам Шива. Пророчество сбылось, лишняя грудь отпала, и они с Шивой поженились. В образах Минакши и Сундарешвары они остались в Мадураи навсегда. Каждый год, в апреле-мае празднуется их свадьба. Тяжелые мурти, статуи богов, устанавливают на огромные каменные колесницы. А потом сотни людей, объединив усилия, прокатывают эти колесницы вокруг храма. В другое время колесницы стоят во дворе, и кажется, что они просто памятники эпохи, и никакой силой их нельзя сдвинуть с места.

На первый взгляд, в Индии очень много богов, но люди часто поклоняются одним и тем же богам под разными именами. В основном индусы делятся на три группы: вишнуитов, шиваитов и шактиев. Вишнуиты больше всех богов почитают Вишну, бога-спасителя, который воплощается на земле, когда особенно тяжело, чтобы бороться с несправедливостью. Кришна считается одним из его воплощений. Они также почитают его жену, прекрасную Лакшми. Шиваиты, прежде всего, поклоняются Шиве, созидателю и разрушителю, вершителю судеб. Он как сама природа, может быть милостив и жесток. Это бог воспроизводства и сексуальной силы. Он образец идеального мужа, поэтому к нему обращаются молодые девушки с просьбами послать им достойного мужа. Но в другом аспекте он — бог аскетизма. Тогда его изображают обнаженным, со спутанными волосами, с третьим глазом во лбу и в ожерелье из черепов. Этим третьим глазом он

испепелил бога любви Каму, когда тот ему досаждал. Позже он смилостивился и воссоздал Каму заново. Шактии поклоняются богине-матери. Шакти — женская энергия в процессе творения. Это также супруга Шивы, ее называют Дургой, Парвати, Кали и другими именами. Союз Шивы и Шакти особенно почитаем. Символически их вечный союз изображен в форме лингама и йони, мужских и женских детородных органов, которые также являются объектами поклонения. Эта конструкция отдаленно напоминает яйцо на поставке. Даже в магазинах сувениров размеры ее сильно варьируют, она может быть не больше наперстка или выше человеческого роста.

Территорию ансамбля со множеством внутренних двориков и водоемов для омовения украшают восемь башен — гопурамов. Многочисленные ярусы, составляющие башни, сужаются к вершине. Самое высокое сооружение — пятьдесят метров. Сверху донизу они украшены горельефами. Рельефные изображения культового содержания ярко раскрашены в синий, красный, золотой, белый цвет. Богатство украшенных фигурами колон, залов, коридоров храмового комплекса поражает воображение. Особенно выделяется знаменитый тысячеколонный зал бога Шивы. Среди колон, украшенных скульптурами богов, героев, драконов, танцовщиц, музыкантов, нет одинаковых.

Мы отбились от группы и потерялись. Было интересно наблюдать, как верующие подносили к мурти богов расколотые на две половинки кокосы и светильники на топленом масле — дипаки. Еще они покупали белые липкие шарики и кидали их в статуи, загадывая желания. Если шарик прилипнет, то желание сбудется. Петляя по многочисленным залам, мы оказались в месте, где не было прихожан. Трудно было в такое поверить. Полуголый жрец сосредоточенно читал молитву, а мы подсматривали за ним, спрятавшись за колонной.

"Посмотри, как интересно падает свет, — прошептала Жанна. — Иди, встань там где-нибудь, а я тебя потихоньку сфотографирую". Полосы света шли наискосок и, пересекаясь друг с другом, образовывали световую решетку во мраке храма. Но только я вышла позировать на этом загадочном фоне, как тотчас же жрец обернулся и, показав необычайную проворность, подскочил к нам и начал выталкивать прочь. Смысл его тамильской брани был вполне ясен. Не хинду тут делать нечего, а потому, вон из храма! Он пытался разбить фотокамеру, но нам удалось скрыться. Во всех индийских храмах есть внутреннее святилище — дом-чрево, где обитает главная освященная мурти — статуя, в которой присутствует божество. Иностранцам там делать нечего и нам в том числе.

Убегая от возмущенного жреца, мы оказались на базаре, который тоже находится на территории храма. За нами увязались продавцы цветов, открыток и браслетов на ноги. Пришлось скрыться от них в музее, в котором было несколько залов, и множество мурти богов, на любой вкус. Тут разрешалось фотографировать экспонаты, заплатив пять рупий. Нам показали "звучащие" камни. Ударяя по ним, можно было извлечь двадцать четыре звука разной высоты. После посещения музея мы вышли во двор и наконец-то встретились с группой. Оказалось, что учителя с ног сбились, разыскивая нас, они велели впредь ни в коем случае не отбиваться от остальных. Все дружно двинулись к автобусу, босиком. Обувь можно было оставить и рядом с храмом. Есть специальные хранилища для обуви при каждом большом индуистском храме, сдаете обувь — получаете бирку. Зато нам не пришлось стоять в очереди. В храм Минакши приходят до десяти тысяч паломников в день.

Следующая достопримечательность находилась в Каньякумари, южном городке, расположенном на самом краю полуострова Индостан, там где встречаются воды Бенгальского залива, Индийского океана и Аравийского моря. Бывают дни, когда отсюда можно увидеть заход солнца и восход луны одновременно. Согласно плану, мы должны были любоваться закатом в Каньякумари, но он застал нас в пути. Навсегда запомнилось медленно розовеющее небо с причудливыми грядами облаков, многоцветные горы, как у Рериха на картинах, и четкие силуэты пальм.

Приехали в гостиницу затемно, но высмотрели все-таки неподалеку забегаловку, в которой продавались жареные цыплята. Это были жгучие цыплята, настоящие цыплята-драконы, но какие же они были вкусные! А наши полезные печеньица, стратегический запас, оказались на вкус редкостной гадостью. Потом мы еще долго сидели на ступенях, ведущих в гостиницу, наслаждаясь вечерней прохладой приморского городка. Какой-то прохожий, заприметив белые лица, немедленно предложил нам пива. Пришлось ретироваться, и после суток, проведенных в автобусе, мы спали по-настоящему крепко.

Утром на крыше гостиницы встретили восход. Наблюдение закатов и восходов такое популярное развлечение в Каньякумари, что крыши многих домов специально приспособлены для этих целей. Город Каньякумари произвел доброе впечатление. Маленький, чистый, спокойный, с красивым собором на берегу моря, с вереницей рыбацких лодок на пляже. Если б я родилась индианкой, то, пожалуй, согласилась тут жить. В этот день мы не рассматривали город, а поехали в Сучитрам, в храм Шивы, где

вместе со всеми совершили положенный ритуал. Обошли вокруг статуи Шивы, который выглядел как Ганеша, слоноголовый бог, сын Шивы. Нам объяснили, что это он просто принял его образ. Бросили монетку на поднос подошедшему брахману, и умылись священным огнем. А на лбу нам нарисовали пятно из красного порошка кумкумы — знак того, что мы совершили паломничество в храм. Во дворе храма была еще одна статуя Шивы, в виде аскета, находящегося в пещере. А рядом — статуя быка Нанди, ездового животного бога. Мы заплатили другому жрецу монетку и шепнули на ухо Нанди свои желания. Теперь Нанди был обязан передать наши просьбы Шиве. Здесь тоже были огромные каменные колесницы, на которых божества вывозят из храма по праздникам.

Позже нас повезли на пляж Ковалам. Дорога туда опять изумила. Керала не зря считается самым красивым штатом Индии. По обе стороны дороги сверкали чистые озера, окаймленные стройной чередой пальм, зыбко отражавшихся в темной воде. Во всех озерах цвели лотосы. Индианки и мы тоже высовывались из окон и ахали от восторга: "Смотрите! Лотосы! Белые. А здесь красные. А здесь снова белые"! Остановили автобус, и вышли фотографироваться.

Знаменитый пляж Ковалам не произвел особого впечатления. На Гоа есть пляжи красивее. Были здесь живописные рестораны, сплетенные из пальмовых листьев, на песчаном берегу, гостиницы при них, пальмовые рощи, красные скалы и художественно разбросанные камни, и море ласковое, всегда теплое. Но купаться-то было нельзя! Купальники мы не взяли. Зачем только набрали с собой столько теплой одежды и одеял? Солнце жжет невыносимо, а на море можно только смотреть.

Один знакомый иранский художник говорил нам, что в центре пляжа, где скалы, всегда сидит продавец зеленых камней. На них удобно вырезать узоры. Он очень просил разыскать продавца и приобрести эти камни. Пол часа мы разъясняли учителям, для какой цели нам необходимо идти в другой конец пляжа. Им совершенно не хотелось оставлять нас без присмотра, но идти куда-то по такой жаре тоже было лень. В конце концов, отпустили на двадцать минут. Учителя опасались не зря. Стоило нам покинуть группу, как из-за камней появились коварные люди с коварными предложениями.

— Дешевые комнаты на ночь!

— Мадам говорят по-английски? Вот здорово! А у меня есть замечательный гашиш. Может, покурим?

— Ах, вы путешествуйте с колледжем? Под надзором? Какая жалость. В другой раз приезжайте одни. Сразу обращайтесь ко

мне!

— Всего доброго! Увидимся позже!

Никто ничего не знал о продавце зеленых камней.

Когда мы вернулись, девушки были перевозбуждены и мокры с головы до ног. Они купались в море в одежде. Индусы всегда так делают. Редко кто умеет плавать, поэтому они радостно плещутся в прибрежной волне, брызгают друг на друга, падают в воду и хохочут. Мужчины могут снять брюки и рубашки, но девушкам обнажаться неприлично, если только они не модели и не получают за это большие деньги. Зато теперь им не было жарко. Мы завидовали. Но в джинсах в соленую воду не полезли.

После пляжа нас отвезли в столицу Кералы Тируванантапурам, накормили и предложили на выбор самим прогуляться в зоопарк или в музей киноискусства. Почти все разбрелись по кафе или просто слонялись по улицам. Здесь мы открыли для себя новый напиток — соленый ласси. Он готовится из простокваши и здорово утоляет жажду. Потом мы приехали в храм, посвященный Шри Падманабхасвами, проще говоря, одной из реинкарнаций Вишну. Но нас туда не пустили. Не пустили даже индийских девушек, которые были не в сари. Правда, в сари можно было обернуться тут же, рядом с храмом, за умеренную плату. Храм только для индусов, так что в сари мы или без, не имело значения. Мы узнали, что упомянутая реинкарнация Вишну покоится внутри храма на священной змее, и пошли в сувенирные лавки. В шкатулке, купленной в тех местах, у меня до сих пор хранятся украшения.

Название города Каньякумари переводится как "Царевна-девица". Считается, что Парвати, прежде чем стать женой Шивы медитировала здесь и мечтала о супружестве. Кроме этого, она в одиночку разбила легионы демонов и освободила землю от их власти. Пилигримы со всей страны приходят, чтобы выразить богине свое почтение. В храме Кумари Амман мужчины снимают не только обувь, но и рубашки. Недалеко от города находится остров, где есть храм, посвященный Деви Канье и музей индийского деятеля Вивекананды. На остров мы добирались на пароме. Доска запретов инструктировала строго "На пароме можно только сидеть. Не фотографировать. Вещи крепко держать". Оказалось не зря. Волны у берегов Каньякумари настоящие океанские, и паром несет на скалистый остров каждый раз, как в последний. Хорошо, что ехать туда только пол часа. Прежде всего, нас, конечно, разули. В индуистских храмах всегда чисто. А тут весь остров был словно выскоблен и вымыт с мылом, ходить по нему было приятно. Мы увидели божественный след Парвати, огромный, обнесенный решеткой. В него кидают

монетки и цветы. Посетили музей Вивекананды и зал для медитации. В этом зале было темно, только светилась голубым светом знаменитая индийская мантра, звучащая как "ОМ". С этим звуком Вселенная появляется из небытия.

На пути к гостинице нас встретил скромный мальчик, увешанный гирляндами разноцветных бус из бисеринок и кружевной проволоки.

— Сколько?

— Двадцать пять рупий.

— Что?!

Через пять минут торга оказалось, что бусы стоят две рупии. За такую цену у него скупили все. Тут же повесили на шею, и шли как приверженцы одной секты.

Разместившись в автобусе, поехали в Кодайканал. Ехать пришлось далеко, в сумерках подъехали к горам, а подъем и вовсе проспали.

— Как хоть горы называются? — спросила я индианок.

— Просто горы, — изумленно подняла брови одна из них, — невысокие же.

На самом деле это были Западные Гаты. Горный курорт Кодайканал расположен на южной стороне хребта Палани, на высоте две тысячи сто метров над уровнем моря. Пока доехали до места продрогли, а в гостинице оказалось холодно, как в склепе. Быстро достали теплую одежду, закутались с головою в одеяла (все-таки хорошо, что взяли!), и все равно ночью стучали зубами. Громкоголосые индианочки проснулись, конечно, раньше нас и, окатив себя, как следует, обязательным утренним душем, весело носились по гостинице с мокрыми волосами.

— Бррр, как холодно!— делились они впечатлениями друг с другом. Вода в кране ледяная, я замерзла, пока умывалась.

— Вы же все простынете! — возмущалась Жанна.

— Русские мерзнут? — спросила мадам, преподавательница хинди. — Не может быть. Нам известно, что в России очень холодная зима.

Да, но у нас есть отопление, горячая вода и меховые шубки. Незакаленные, мы не можем падать на снег в тоненьких сари, как это делают индийские актрисы на съемках в Гималаях. А они при этом катаются по снегу и поют страстные песни. В медовый месяц индийские новобрачные обожают ездить в Гималаи. Также как наших тянет на море, их тянет на снег.

Нам не слишком повезло с погодой, все замечательные виды, которые обычно открываются с здешних высот, были скрыты густыми белыми облаками. Все покатались по озеру на катамаране и вокруг озера — на лошадях. Нам предложили

экскурсию к водопадам, но мы с Жанной ездоки неважные. А индианки все держались в седле бесстрашно. Когда они успевают всему научиться? Один водопад мы все же посмотрели. В окрестных лесах было целое скопище обезьян. Они ждали, что туристы покормят их чем-нибудь вкусненьким. Мы отдали им мерзкие печеньки. Обезьянки плакали, но ели. Они даже чили едят. А потом мы пошли в тибетский ресторан, где готовят пельмени, жаренные и вареные, но называют их момо. В магазине у горца приобрели себе расшитые яркими узорами шерстяные куртки, так что теплой одежды стало больше. Наше путешествие близилось к концу, уезжать не хотелось. По пути нам встретилось несколько автобусов с выпускниками. Юноши студенты при виде нашего транспорта орали, как сумасшедшие и пытались выпрыгнуть на ходу.

Дорогу вниз мы не проспали. Было страшно. Наш водитель, по-видимому, новичок в этих местах, ехал осторожно и сигналил на каждом повороте. Еще бы, дорога узкая, кажется, что не разминуться на ней даже с лошадью. Всякий раз, когда автобус замирал над пропастью перед неизвестностью, екало сердце. Кудлатые, густо белые, плотные облака льнули к скалистым выступам, а между ними открывались виды на гладкие озера, крошечные деревни и новые горы. А когда заходящее солнце подсветило всю эту картину розовым тоном... Господи, нет у меня слов, описать чудо твоего творения.

По плану, последним из списка наша группа должна была посетить храм в Палани. Мы спустились с гор поздно ночью, и были уверены, что нас сразу повезут в Бангалор. Но автобус остановился. Мы вышли у огромной отвесной скалы, и сдали обувь служителям храма. Храм находится на самой вершине скалы, туда ведет крутая лестница, даже представить себя на ней страшно. Но нам предложили воспользоваться железной дорогой. Да-да! Железная дорога проложена в скале почти под прямым углом, по ней маленький вагончик тянут железным тросом вверх и вниз. Мы обрадовались, а потом пожалели. Очень неуютно в этом вагончике, особенно когда глядишь на скрипящий, до предела натянутый трос. Вот уж аттракцион так аттракцион! Висишь вертикально над пропастью, а далеко внизу огоньки. Какой красивый город Палани!

Храм Малайковил посвящен Муругану, почитаемому на юге сыну Шивы, богу войны. На вершине скалы находится небольшой городок, где живут служители храма. Перед ним красуется статуя павлина — ездового животного Муругана (в других местах известного как Сканда и Картикейя). Мы прибыли как раз в тот момент, когда мурти Муругана вынесли на вечернюю прогулку.

Полуобнаженные мужчины несли горшки с молоком, украшенные павлиньими перьями, в жертву богу. Другие отбивали такт на барабанах. Третьи плясали ритуальный танец так слаженно и заразительно, что хотелось присоединиться. Глубокой ночью, под южным неподвижным небом, на высокой скале, я наблюдала древнее языческое действо при красном свете факелов. Границы времен и стран вдруг стерлись, и голова закружилась от незнакомого чувства. Но учителя не поддались гипнотическому действию танца и сказали, что пора возвращаться. Спускались по лестнице, так оно надежнее. Ноги потом долго дрожали.

В Бангалор мы вернулись счастливые и переполненные впечатлениями.

Мне не хотелось бы жить в Индии, но путешествовать по ней необычайно интересно. Одной жизни уж точно не хватит, чтобы изучить все редчайшие, неповторимые памятники в этой стране, прикоснуться к древние тайнам, которыми обладает ее терпеливый, дружелюбный народ.

Глава 7. Город утренней зари

В офисе ICCR нас познакомили с новым проектом для иностранных студентов. Спонсоры организовывали интернациональный лагерь в городе со звучным именем Ауровиль — Город Утренней Зари. Мы полистали брошюру об этом удивительном месте и узнали следующее:

Ауровиль не принадлежит никому в частности, он принадлежит всему человечеству, но чтобы жить в нем, надо посвятить себя Божественному сознанию.

Ауровиль — это место нескончаемого обучения и постоянного прогресса. Здесь трудится молодежь, которая не стареет.

Ауровиль — мост между прошлым и будущим, в городе используют все преимущества научных открытий.

Ауровиль — место материальных исследований и духовных поисков во благо человечества.

Было о чем подумать.

— А что мы там будем делать? — осторожно спросила я. Мистер Лобо заговорщически улыбнулся:

— Жить. Общаться. Учиться. Посмотрим, насколько вы коммуникабельны и способны приспосабливаться к новым условиям. Вам предстоит быть в полной гармонии с природой.

Мы согласились. Хотя вопросов было много. Как нас будут посвящать Божественному сознанию? Что делают в Ауровиле с теми, кто вдруг постарел? Изгоняют? Или у них просто вечно юное состояние души? Все было туманно.

Персы сказали, что мы наивные дуры. Нас просто заманивают в лагерь. А любой лагерь — это логово разврата, в котором кишат моральные монстры.

— Там, кстати, будет пляж, — невзначай обронила Жанна.

— Ну, что мы вам говорили! — воскликнули персы. — Ни в коем случае не купайтесь. А лучше откажитесь от поездки, пока не поздно.

Поздно. Как зомби мы потянулись к загадочному городу будущего. Вскоре пришло пригласительное письмо, сообщавшее о том, что проживать в Ауровиле мы будем с двадцать пятого мая по первое июня. Нам предлагали приехать в Мадрас (Ченнай), в офис ICCR, сотрудники которого должны были организовать дальнейшее передвижение.

— Зачем нам делать такой крюк? — возмутилась Жанна. — Поедем сразу в Пондичерри. Оттуда до Ауровиля — рукой подать.

Ночной автобус из Бангалора в Пондичерри ехал восемь

часов. Прибыли мы ранним утром. В нашей брошюре указывалось, что до Ауровиля от Пондичерри десять километров. Рикша запросил сто пятьдесят рупий, и мы принялись отчаянно торговаться, он уступил половину суммы, но мы были недовольны, десять километров — это же ерунда, пешком пробежать можно за два часа. Но рикша знал, за что бился. Ехать пришлось далеко и долго. Дело в том, что Ауровиль состоит из разрозненных поселений, причем его территория перемежается с землями, принадлежащими храмам и сопутствующим деревням. Десять километров — это расстояние до Ауровильского пляжа, а нам надо было попасть в поселение, которое называлось "Братство". Дорога была ужасной, моторикшу трясло, водитель ругался. Интересная особенность местных темнокожих водителей — разговаривать с пассажирами на родном тамильском языке, при этом им все равно, понимают их или нет. Они задают вопросы и сами на них отвечают. Едем. Вокруг ни души. Скоро мы стали жалеть водителя, по нашей милости забурившегося вглубь индийского лихолесья. Но вот в лесу появились указатели. Выгрузив нас у стрелки с надписью "Братство", ворчливый водитель умчался прочь, пустым, как он и предвидел. Здесь не нашлось кандидатов в пассажиры.

Мы огляделись. Место — залюбуешься. Иллюстрация к сказке "Белоснежка и семь гномов". Только у каждого гномика есть свой маленький дом и прудик с лотосами. Между ними аккуратные тропинки, чтобы ходить в гости, а обедают они, по-видимому, все вместе за большим столом на улице. Пальмы и бамбук привносят в нашу сказку восточный колорит. Однако, похоже, что Белоснежек здесь никто не ждет. Везде замки и тишина. Вот она гармония с природой! Все, что оставили от программы. Будем жить вдвоем в лесу возле запертого домика. Но наша негромкая беседа разбудила смуглого принца в шортах, который подошел и поинтересовался, кто мы такие.

— Студенты от ICCR, — представились мы, — приехали для эксперимента.

— Да, это к нам, — мягко улыбнулся Раджив, — но почему вас только двое?

— Остальные едут через Мадрас, — предположили мы.

Раджив выдал нам ключ от комнаты, а его жена Фальгуни предложила завтрак: хлеб и плод папайи.

В нашей группе должно было быть десять человек, но кроме нас приехало еще четверо: негр Бенсон из Кении, Сони и Рам из Непала и таджик Саид. Бенсон изучал социологию в Делийском университете, Сони и Рам учились на факультете экологии в Бангалоре, а Саид приехал из Нагпура. С ними прибыл

руководитель нашей группы, сотрудник Мадраского ICCR. Он очень удивился тому, что мы с Жанной повели себя так самостоятельно. Первый день все общались и знакомились друг с другом.

— Какое счастье! — не мог прийти в себя Саид. — Я уже начал забывать, что такое русский язык. Представляете, в Нагпуре никто не говорит по-русски!

— Представляем, — смеялись мы, — занесло же тебя в такую дыру!

Сидевший рядом парень — индиец в кепке и в темных очках (мы приняли его за туриста), долго прислушивался к нашему разговору и явно чему-то радовался. Сейчас начнет приставать, перемигнулись мы с Жанной, и точно!

— Как дела? — спросил он по-русски. — Меня Риши зовут, я по России очень скучаю.

Оказалось, что Риши шесть лет учился в Кыргызстане. Также как мы, он участвовал в какой-то программе и был направлен на бесплатное обучение в Бишкекский университет, где даже получал стипендию. Изучал он компьютерную грамоту еще в те времена, когда персоналкам предшествовали громоздкие вычислительные машины. Три года тому назад вернулся на родину и устроился на работу в престижном французском исследовательском центре в штате Керала, где на его попечении было двадцать пять современных компьютеров. В Ауровиль он приехал на каникулы, потому что заинтересовался принципами, руководствуясь которыми существовало здешнее общество.

Четыре человека, говорящих на русском языке, — это уже банда. Любознательный Бенсон требовал, чтобы мы все, о чем говорим, ему переводили. Сам он развлекал нас страшными историями из жизни в Африке. Он же научил меня нескольким словам на суахили, которые я до сих пор помню. Собравшись вместе, мы попросили Раджива рассказать об Ауровиле.

— Пожалуй, мне следует начать с Интегральной йоги, — приободрился Раджив.

— Куда же без нее, — не удержалась Жанна, — нет, ты продолжай, продолжай! — Раджив укоризненно взглянул на нее.

— Наш учитель Шри Ауробиндо полагал, что человек — это не венец творения, а переходное ментальное существо, его эволюционное призвание — прийти к более высокому уровню сознания. Цель Интегральной йоги — это богоосуществление при жизни. Я понятно говорю?

— Нет, не очень.

— Надо стремиться к тому, чтобы жить осознанно, совершенствоваться каждую минуту своей жизни, тогда придет

понимание природы вселенского разума, человечество поднимется на следующую ступень, материальные клетки преобразуются, тело станет нерушимым и вечным!

— Значит, о нестареющей молодежи в брошюре говорилось в буквальном смысле? — воскликнули мы.

— Конечно! Возникновение богоподобного человечества приведет к изменению условий жизни, к гармоничному сосуществованию людей и природы.

— Кто-нибудь в Ауровиле уже перешел на следующую ступень? — хрипло спросил Бенсон.

Раджив покачал головой.

— Мы не можем этого утверждать. Ауровиль обязан своему появлению Матери — соратнице Шри Ауробиндо, у нее возникла идея ускорить процесс духовного преображения человечества — создать город-модель того общества, о котором мечтал Шри Ауробиндо.

— Что за Мать? — спросила я. — Как ее звали?

— Для нас она Мать, — упрямо тряхнул головой Раджив.

Позже мы, конечно, узнали, что ученицу и соратницу Шри Ауробиндо звали Мирра Альфасса, была она из Франции и жила в Пондичерри с 1920 года. Через шесть лет Ауробиндо вверил ей духовное попечительство над учениками и ушел в уединение, с тех пор ее стали называть Матерью. В ашраме в 1964 году был задуман Ауровиль — всемирный город, где мужчины и женщины всех стран могли бы жить в гармонии, выше верований, политики и вне национальных различий. Эта идея была принята и поддержана правительством Индии. Место выбрали неподалеку от Пондичерри. С 1968 по 1973 год Мать руководила строительством Ауровиля. План города привиделся ей в виде разбегающейся галактики. За воплощение идей Матери взялся французский архитектор Роже Анже. Мать говорила, что город уже существует на тонком плане, и нужно только спустить его вниз. Роже Анже разделил город на районы. В центральной части находится территория мира, от нее радиально расходятся районы: западный — Международный, южный — Жилой, восточный — Культурный, северный — Промышленный. Город окружен зеленым поясом. Юнеско, правительственные и неправительственные организации в Индии и за рубежом финансируют различные проекты. Пожертвования приходят и от частных лиц со всего мира. Ауровильцы трепетно относятся к экологии: не используют химикаты, насаждают леса, бережно обращаются с ресурсами. Все необходимое для жизни стремятся производить сами. Стараются избавиться от пагубного влияния денег. Жители Ауровиля обеспечиваются бесплатной

вегетарианской пищей, образованием и медицинским обслуживанием. Мать мечтала, что этот город станет местом, где стремления духа и забота о прогрессе будут важнее, чем удовлетворение желаний и страстей, чем погоня за удовольствиями и материальными благами.

На следующий день нам предстояло увидеть душу города — храм Матери, Матримандир.

Стемнело рано. Электричество рекомендовалось экономить. Раджив пригрозил, что разбудит всех к завтраку в семь часов, поэтому мы неохотно разбрелись по своим домикам. Утром нас созвали к столу при помощи небольшого, но громкого колокола. В этот раз мы ели хлеб и манго.

— А теперь, — довольно хлопнул в ладоши Раджив, — разбираем велосипеды и едем смотреть Матримандир.

— Разбираем что?! — в два голоса ахнули мы с Жанной.

— Велосипеды!

— А мы не умеем ездить на велосипедах.

— Как?! — воскликнул Раджив. — Все умеют ездить на велосипедах!

— Все, кроме нас.

— Но, разве я не говорил вам, что в Ауровиле... — Раджив был обескуражен, — экологически чистый транспорт?

— А твой мотоцикл? — заулыбались мы приветливо, — ты же отвезешь нас к Матримандиру? Не увидеть такое чудо будет просто несправедливо!

Конечно, мы добились своего. Раджив уверенно мчался вперед, только ветер свистел в ушах.

— По-моему, ты сам рад, что не приходится вертеть педали, — заметила я.

Фальгуни везла на мотоцикле Сони, а мужская часть коллектива доблестно занималась велоспортом. Мы выехали из зеленого оазиса поселения "Братство" и оказались на бескрайнем просторе красной пустыни. Такой голой и безлюдной была раньше вся эта земля. Но в 1968 году сюда съехались энтузиасты из разных стран, чтобы построить новый город. Они привезли с собой родную землю и сложили по горстке в специально изготовленную урну в форме бутона лотоса. Эта урна — символ единения всех народов — до сих пор находится там. Вокруг нее амфитеатр — чашеобразное сооружение сто метров в диаметре, выложенное красным камнем. Несколько раз в год ауровильцы собираются здесь, жгут костры и медитируют. После церемонии закупорки урны большинство людей разъехались, но энтузиасты остались превращать пустыню в город мечты. За тридцать лет ауровильцы оживили землю, вырастили джунгли. Рубить деревья

на территории Ауровиля сейчас запрещено.

Храм Матримандир посвящен Вселенской Матери, так как она помогает человечеству преодолеть ограничения его сегодняшнего состояния. Матримандир был задуман в виде огромного шара, покоящегося на двенадцати лепестках. Шар, покрытый позолоченными дисками, сияющий в солнечных лучах, окруженный садами и парками символизировал рождение нового сознания, стремящегося появиться на земле.

В 1997 году, когда мы приехали в Ауровиль, Матримандир еще не достроили. Его только начали покрывать позолоченными дисками. На открытках того времени запечатлен каркас гигантского шара, сфотографированного на фоне огненно желтого заката. Никакое золото не может соперничать с этим живым солнечным светом, наполняющим храм.

Нас повели в мастерскую, где изготавливали диски из нержавеющей стали и покрывали позолотой. Мастера рассказали, что столкнулись с проблемой: тонкий слой благородного металла быстро стирался с поверхности дисков, его смывали дожди и царапали птицы. Тогда рабочие стали крепить поверх позолоты маленькие кусочки стекла. Треугольные стеклышки вплотную примыкали друг к другу. Нам показали два диска, застекленных таким образом. Это настолько кропотливый труд, что, я предполагаю, строители придумали какой-нибудь другой вариант. Матримандир был открыт для посетителей только один час в день, чтобы посторонние люди не мешали возводить храм. Вход бесплатный, но желающих много, пришлось постоять в очереди. Мы поднялись по спирали в верхнюю полусферу, во внутренний зал, облицованный белым мрамором. Пол был покрыт белым ковром. В центре покоился большой хрустальный шар, его специально заказывали в Германии. Солнечный свет, отраженный системой зеркал, проходил через отверстие в верхней полусфере и падал на хрустальный шар. А шар мягко освещал весь зал. В храме нельзя было разговаривать, только медитировать. Матримандир предназначен для тех, кто хочет пробудить свое сознание. Шри Ауробиндо учил, что почитание Матери не должно стать религией, потому что религии разъединяют людей. Массовых служб или медитаций в храме не проводилось. Никаких парков, садов и озер вокруг Матримандира во время нашего посещения еще не было, незавершенными были также лепестки в основании шара — маленькие комнатки для медитации с обещающими названиями: "Гармония", "Искренность", "Мир"... Мы отдохнули под баньяновым деревом, на длинной скамье поместилась вся наша группа. Сфотографировались на память. Баньян рос здесь задолго до того,

как родилась идея об Ауровиле. Во время инаугурации на дерево надевали медное кольцо с надписью на тамили и французском: "Ауровиль — город служения истине". Потом мы пришли к амфитеатру и посмотрели на урну. В тот день здесь было безлюдно.

Обедали мы в огромной столовой, где кормили бесплатно всех жителей Ауровиля. Туристы должны платить, но мы приехали по специальной программе, и ели даром. Раджив пересчитал свой выводок, и мы организованно прошли к столам. Неделю пребывания в городе нас кормили исключительно вегетарианской несытной едой. Посуду убирали сами, но не мыли. На обед отводился один час. Поэтому городские жители накатывали сюда многолюдной волной, быстро ели и расходились.

После обеда нас привезли в библиотеку на полуденный отдых. Мы с Жанной совсем не устали, но нашим велосипедистам, конечно, хотелось расслабиться. Путешествия на велосипеде в сорокоградусную жару (а дороги в Ауровиле нарочно не асфальтируют) тяжелы.

— Отвези нас на пляж! — пристали мы к Радживу. Но Раджив отказался наотрез. Возможно, у него были другие дела. Библиотека стала постоянным местом нашего времяпровождения. Только однажды отдых в библиотеке заменили просмотром фильма в небольшом кинотеатре. Фильм был про родину Бенсона Кению.

Следующим пунктом программы была школа. Здесь нас встретила милая улыбчивая индианка Дипти, она обещала рассказать о методах образования в Ауровиле. Школьников не было, мы попали сюда во время каникул. Дипти призналась, что не имеет высшего образования и продолжает учиться вместе с детьми. В школах Ауровиля изучают те же предметы, что и повсюду. Но особое внимание уделяют эстетическому воспитанию и играм, развивающим детей физически. Высших учебных заведений в городе нет, и желающие получить хорошее образование вынуждены покидать Ауровиль. Зато все дети обучаются серфингу, верховой езде, участвуют в различных проектах, играют в театре, мастерят, рисуют, общаются на многих языках. Здесь стремятся ориентировать учеников не на сдачу экзаменов и получение сертификатов, а на то, чтобы в полной мере развить их способности. Дипти сказала, что подростков в городе мало, они стремятся сделать карьеру, покорить большой мир. Однако годам к двадцати пяти многие возвращаются. Повзрослев, молодые ауровильцы понимают, что выросли в хорошем месте.

Ближе к вечеру мы все-таки попали на пляж — открытое побережье Бенгальского залива. Волны здесь большие и злые, и почти всегда ветер. Нам, разгоряченным за день, было все равно, лишь бы вода. Многие местные купальщики занимались серфингом. Моя детская мечта! Конечно, волны тут не такие роскошные, как в фильме с молодым Киану Ривсом, но все же впечатляют. За чередой высоких водяных валов следовали довольно скромные, и мне удалось выплыть в океан. Остальные не стали испытывать судьбу и остались прыгать у берега. Я тоже плавала недолго, поняла, что меня быстро относит к Мадрасу. К тому же, кто-то сильно ужалил ногу. Я поискала медуз вблизи, но ни одной не обнаружила. Раджив объяснил потом, что это просто морские блохи. Чего только нет на белом свете! Это были первые блохи, посягнувшие на меня. Времени обсыхать не было, мы быстро собрались и поехали домой. В лагерь прибыли в кромешной тьме. Ауровиль плохо освещается, фонарики, а лучше шахтерские лампы, пришлись бы к месту. Не поужинав, мы сразу разбрелись по комнатам.

— А на завтрак — банан с корочкой хлеба, — предсказала Жанна.

Раджив позволил нам спать до девяти. Утром мы увидели, что Риши тоже обзавелся мотоциклом, видимо взял на прокат у кого-нибудь из местных. Теперь он мог подвозить еще одного человека. Число почитателей велосипедного спорта явно уменьшалось. Дороги в городе будущего трудны, мотоциклы и велосипеды вместе с ездоками падали, скоро мы ходили в синяках и ссадинах и участливо спрашивали друг друга:

— Ну, как твоя нога?

— Ничего. А твоя рука?

Все дни были насыщены экскурсиями.

Нам показали ферму, паровую кухню, деревню с настоящими прялками, плантацию странных деревьев папайя, полых внутри, угостили большими зелеными пупырчатыми плодами (джек-фрутами). Они оказались не очень вкусными. Мы делали земляные кирпичи с помощью особой установки и смотрели, как из них возводятся здания. Это очень дешевый способ постройки, но в сезон дождей земляные кирпичи размываются водой, и все нужно строить заново. Быстрее всего можно соорудить хижину из бамбука и банановых листьев, но ее тоже трудно поддерживать в хорошем состоянии. Все жилища пользуются спросом у разнообразной тропической фауны. В дома заползают насекомые, крысы, мыши и даже змеи. Американский фермер рассказывал нам историю о мстительных кобрах, которые возненавидели одну приезжую семью и одного за другим убили всех ее членов.

— Это же невероятно! Это чудовищно! — поминутно восклицал фермер. — Какая жестокая судьба!

— Да уж, — согласилась мы и стали внимательнее смотреть под ноги.

Каждый житель Ауровиля строит дом по своим средствам. Но он не может его продать или подарить кому-либо. Все, что нажито человеком в Ауровиле, принадлежит городу. Если есть деньги, жить здесь можно на широкую ногу, и это не возбраняется. Шри Ауробиндо говорил, что бедные не должны тяготиться своей бедностью, а богатые не должны обращать внимание на свое богатство. Здесь много иностранцев-чудаков, которые бывают в Ауровиле наездами. Они приезжают за экзотикой, за вдохновением, и, прежде всего, ценят возможность отдохнуть от зацикленного на материальных ценностях западного мира. Но это не мешает им быть успешными бизнесменами у себя на родине. Мы побывали в жилище у экстравагантного австралийца. Хозяина не было дома, но поскольку мы проделали длинный путь вглубь джунглей, нас все равно пустили внутрь. Австралиец для постройки использовал популярный бамбук, но дом его больше напоминал дворец, чем хижину. Мы долго бродили по комнатам, лестницам и верандам зажиточного Робинзона Крузо. Вся мебель и вещи были изготовлены вручную с отменным вкусом.

Позже я как-то ехала в поезде с парой путешественников из Австралии. Заглянув в купе, сразу захотела ретироваться — передо мной предстали косматые люди в каких-то лохмотьях. Но, приглядевшись внимательнее, поняла, что они одеты в костюмчики, стилизованные под древность. Все было продумано до мелочей: украшения, бусы из когтей и зубов, сумки, прически. Только вместо дубинки — почему-то гитара. Четвертый сосед по купе — индус всю дорогу рассматривал их с недоумением, с его точки зрения они были одеты как нищие, а белые люди и бедность для индийца понятия несовместимые. Указывая на художественные дыры в одеяниях, индус ворчал: "Совсем денег нет, что ли?"

Тогда в Ауровиле нам казалось, что из лесу явится хозяин бамбуковых хоромов, одетый в звериные шкуры. Но он так и не пришел.

Француз, взявший себе индийское имя Павитра, выстроил дом из белого камня на берегу океана. Огромные окна и открытая веранда позволяют ему любоваться шикарным пейзажем в любое время суток. Здесь он рисует картины, пишет стихи и мемуары. В зале с синими колонами и изысканными скульптурами стоит рояль. Свои картины и художественные фотографии Павитра подписывает подходящими изречениями из трудов Шри

Ауробиндо и Матери и продает.

Жить, не обращая внимания на богатство, многим удается неплохо. Море, пальмы, братство, приветливые аборигены, возможность потакать своим причудам. Людям, которые приехали в Ауровиль без денег, в поисках социального рая, приходится туго. Содержание, которое они получают за свой труд, минимально. Работа рассматривается в Ауровиле не как способ для добывания средств к существованию, а как возможность выразить себя, развить способности. Люди могут заниматься разработкой своих идей, никто им не мешает, но на это тоже нужны деньги. Многие замечательные идеи так и остаются нереализованными, что, конечно, не способствует поднятию духа у их авторов. Климат здесь не идеальный. Нет зимы, но бывают проливные дожди и удушающая жара, парализующая всякую жажду деятельности. В Ауровиле много русских, которые приехали сюда после перестройки. Большинство еле сводит концы с концами. Зато у русских лучше, чем у представителей других национальностей, получается жить и работать в коммунах. Лучше всех, на мой взгляд, в Ауровиле прижились индийцы. Раджив, Фальгуни, обаятельный Раджа и другие, с кем нам довелось общаться, всегда были веселыми, бодрыми, по-доброму подтрунивающими над туристами. Они-то и стали для меня символом той загадочной ауровильской молодежи, которая не стареет и умеет радоваться жизни, а не тяготиться ее трудностями.

В Пондичерри мы посетили ашрам Шри Ауробиндо. Здесь находятся могилы Матери и учителя Интегральной йоги. Дом Ауробиндо превращен в музей, от которого у меня осталось тяжелое впечатление. Шри Ауробиндо при жизни получал много странных даров от своих почитателей. В доме полно чучел разных животных, голов тигров, леопардов, оленей. Они глядят отовсюду мертвыми стеклянными глазами. Разговаривать нельзя, люди падают на колени тут же на лестницах и в комнатах, молятся, окуривают помещение благовониями. Стороннему наблюдателю кажется, что молитвы возносятся этим звериным головам. Ауробиндо коллекционировал изделия из слоновой кости. Коллекция занимает несколько шкафов и тоже представлена для обозрения. Здесь же продаются книги, написанные Шри Ауробиндо и Матерью. Они переведены на многие языки. Мы приобрели одну самую маленькую книжку на русском. Стоит эта литература недешево.

В ашраме кормят всех посетителей бесплатно, но дурно. Мы с Жанной взяли по миске сока манго и потянулись за простоквашей, но нам твердо сказали, либо то, либо другое. Зато

рис и воду можно брать ведрами.

Потом нас водили по разным цехам при ашраме, где шьют, пекут, стирают и тачают обувь. Таким образом, работой обеспечиваются многие граждане. Вечером мы гуляли по набережной. Местная достопримечательность — позолоченный памятник Махатме Ганди. Скульптура защищена от дождя навесом, похожим на зонтик. Мы улучили момент, проникли в ресторан и устроили себе пиршество. Фруктово-овощная диета, к которой приручали нас в Ауровиле, давно перестала радовать, и жареная рыба показалась райским угощением. Мы осуществили еще один коварный план — купили вина и пива, и тайно провезли на территорию нашего поселения. Распивать спиртные напитки здесь строго запрещалось. Даже для того, чтобы покурить, Жанна пряталась подальше за деревьями. И вот под покровом темной ауровильской ночи, дождавшись пока все экспериментаторы уснут, четверо нарушителей: я, Жанна, Бенсон и Саид — тихо выпили все вино и пиво. Бенсон предлагал разложить пустые бутылки веером возле дома Раджива, но до вандализма не дошло. Мы хорошо относились и к Радживу, и к руководителю нашей группы. Это был единственный случай потребления спиртного за неделю. Никто не страдал без зелья, но студенты, они же и в Африке студенты: выпить сообща, особенно там, где недозволенно — нет действа притягательнее. Риши оказался трезвенником.

— Наверное, ты в Бишкеке перепил, — предположила Жанна.

— Я в Бишкеке не пил, — возразил Риши.

— С русскими в общаге жил и не пил? — не поверила Жанна.

— Не пил. И ребята из моей комнаты тоже перестали пить.

— Дела! — присвистнули мы, — что и мяса не ел?

— Нет, конечно, — отшатнулся Риши. — И других отучил. У нас в комнате никто, кроме меня, готовить не хотел, скоро все вегетарианцами стали.

— Молодец! — похвалила его Жанна.

— Нам надо чаще с тобой общаться, — заметила я.

— Приезжайте в Кералу, — живо откликнулся Риши. — Там такая красотища! У меня двухэтажное бунгало, все расходы оплачу!

Оказавшись в семнадцать лет на чужбине, Риши проявил завидную твердость. Мы вспомнили своего учителя Арунима из Бенгалии. Он сокрушался о том, что после учебы в Питере, стал "опущенным" брахманом (т.е. опустившимся). Океан пересек, водку пьет, говядину ест.

Риши часто готовил еду и в нашем лагере. Он был просто чудесным парнем, который рад помочь в любом деле. Непалка

Сони это мгновенно оценила. Они много общались, и Сони не переставала им восхищаться. Но как-то раз она сказала что-то вроде: "Ты не представляешь, как повезет твоей теще!" — и с тех пор Риши стал ее избегать. Оказалось, что любые намеки на женитьбу он воспринимал слишком болезненно, так как мечтал уйти в горы и стать отшельником. Но отец Риши почему-то не одобрял его выбор.

Мы все сдружились в этом лагере. Мне были понятны мечтательные улыбки старых ауровильцев, которые приехали сюда первыми и начали строить город с нуля. Сколько было веры, энтузиазма, восторга от плодов дел своих. Пожалуй, им действительно удалось познать человеческое единство, о котором писала Мать. Мы тоже чувствовали себя счастливыми и влюбленными в ауру этого красивого места, где нас везде привечали по-дружески, охотно рассказывали обо всем, что нам хотелось узнать. Мы вернулись в Бангалор, переполненные впечатлениями, и когда в ICCR спросили наше мнение о лагере, воскликнули:

— Это было здорово! Нам очень понравилось!

Группа, которая поехала в Ауровиль вслед за нами, не разделила наших восторгов. Студенты сочли программу унылой, а время, проведенное в лагере, потраченным зря. Их руководителем был Сури Рао из бангалорского ICCR.

— Ни дискотек, ни развлечений. В девять вечера — отбой. Еда — отстой. А велосипеды! Они мне до сих пор в кошмарных снах снятся! — жаловался Сури Рао. — Ну что вам могло понравиться?

Мы улыбались загадочно:

— А гармония с природой?!

— А божественное существование!

— А проявление красоты во всем многообразии жизни!

Мы переписывались с Радживом и Фальгуни, и даже с нашим руководителем из Мадраса. Дружба с Риши и Бенсоном длилась многие годы. Все мечтали вернуться в Ауровиль когда-нибудь. Сделать это не довелось. Но он остался в сердце — Город Утренней Зари. Пусть сопутствует его жителям удача.

Глава 8. В солнечном городе

Шло время. Мы успешно сдали экзамены за второй курс. Впереди нас ждали заслуженные каникулы и задуманные странствия. Друзья иранцы удивлялись: отчего этим неугомонным русским на месте не сидится. Они уверяли нас, что в Индии смотреть нечего, разве что Гоа. Но мы стремились в Гималаи.

Индийский центр по культурным связям организует для иностранных студентов туры и экскурсии по стране в образовательных целях. Конечно, мы подавали заявки на такие туры, заполняли анкеты, указывали свои предпочтения. Но вот парадокс, мне предложили путешествие по Наниталу, т.е. желанные горы, а Жанне предстояло отправиться в Калькутту и близлежащие земли.

— Я не поеду в Калькутту! — возмущается Жанна. — Это рассадник заразы!

Мы в Индии почти два года и давно перестали бояться этой нестерильной земли. Но Калькутта действительно средоточие грязи и кишечных инфекций, там даже по меркам Индии много нищих и прокаженных. Тот, кто жил в Калькутте, наверняка возразит мне, что это, прежде всего, старинный город с богатейшими библиотеками, культурными традициями, великолепными храмами. И будет, конечно, прав. Нам не довелось побывать там. Но позже мы прочитали заметку в ежемесячной газете "Students News Letter" как раз о путешествии студентов в этот город. Двадцать пять часов ехали они по железной дороге из Дели в Калькутту, а потом еще сутки на автобусе до города Пури в Ориссе. Половина студентов отравилась едой, дорога, как в насмешку, пролегала среди безбрежных полей без единого дерева. Сотрудники ICCR сбились с ног в поисках туалетов для измученных стыдливых студентов. Если не считать этого дорожного конфуза, путешествие всем понравилось. Самым ярким впечатлением (судя по заметке) было посещение дома матери Терезы и коллективное фото на ее могиле.

Жанна решила ехать со мной. Не прогонят же ее, если она явится в Дели! Разве что не оплатят расходы. А после тура в Нанитал, мы планировали самостоятельно добраться до Манали.

— Билеты в Индии покупаются так, — предостерегает нас Али. — Приходите на вокзал. Идёте в правое крыло. Там кассы и длинные предлинные очереди. Когда вы часа через три доберетесь до вожделенного окошка, вам скажут: "Билетов нет".

Он все еще надеется, что мы одумаемся и никуда не поедем. Но нам повезло, мрачные прогнозы не оправдались. Мы сразу приметили кассу, у которой стояло всего человек пять, подошли поближе и прочитали неброскую надпись: "Касса для пожилых людей, инвалидов, борцов за свободу и туристов".

— Кристина! Разве ты не борец за свободу? — восклицает Жанна.

— Еще бы! В любое время дня и ночи!

Мы легко приобретаем билеты как туристы, хотя визы у нас студенческие, и льготы на нас не распространяются. Должно быть имеют эффект наши обворожительные улыбки.

В день отъезда трусит мелкий, но все усиливающийся дождь. Мы собираемся очень медленно.

— Сомневаюсь, что вы сегодня уедете, — снова "каркает" Али, — в это время на улицах везде пробки. А ваш поезд, между прочим, отправляется через полчаса.

Наконец мы садимся в моторикшу, и мчимся к вокзалу. Дождь уже хлещет потоками. Справа и слева сверкают молнии, завывает ветер. "Хрясть"! — это ломается пополам дерево и падает на машину, которая маячит перед нами на расстоянии трех метров. Наш водитель ловко огибает место аварии и торопится дальше. На вокзале мы едва успеваем выяснить, какой поезд наш, и запрыгиваем в первый попавшийся вагон. Поезд трогается. Вода течет ручьями, пассажиры в тамбуре сочувственно нас разглядывают. Поезда в Индии длинные, с двадцатью — тридцатью вагонами. Но наш вагон особенный, с кондиционером, один единственный на весь состав. Где он находится, никто толком не знает, но все охотно указывают дорогу. Мокрые и ошалевшие от спешки и переживаний мы несколько раз пробегаем туда сюда по составу. Людно, очень людно. Свободных мест нет. Все вагоны плацкартного типа, только полок на треть больше, чем в российских поездах. Находим, наконец, наш родной вагончик. Тут просторно, полки широкие, их по две, как и положено. От прохода купе отгораживают плотные синие шторы. Ковровые дорожки, занавеси на окнах, постели и одеяла. Холодно, как в Арктике. Немедленно переодеваемся в сухую одежду, чтобы не простыть.

— Чаааай! — раздается жалобный и трогательный клич. — Чаай! Кофе. Чаааай!

Это ходит по вагонам человек с железной бочкой, и наливает всем желающим горячий кофе и чай. Предлагают завтрак, обед, ужин и всякую снедь в промежутках. Так же, как россияне, индийцы убеждены, что в поезде еда — лучшее развлечение. Делать нам нечего, и мы читаем справочник для

путешественников "Lonely planet". В нем есть карты, адреса гостиниц и отзывы бывалых туристов. Иногда мы ходим греться в тамбур. Погода "за бортом" знойная. Ехать в поезде не так интересно, как в автобусе. За окном один и тот же унылый пейзаж — красная потрескавшаяся от суши земля и пыльные пальмы. В другой раз мне довелось ехать по тем же местам с австралийской парой. "Вот и Австралия такая же, — грустно вздохнула женщина, глядя в окно, — большая красная пустыня".

Мы в Дели. Кажется, поезд еще не успел остановиться, а в него уже просочились странные мужчины с красными жгутами на головах. Это что еще за банда?! Они бросаются к нашим вещам. Значит, это кули — носильщики. У кули особенность, не договорившись о цене, хватать вещи, водружать их на голову и на высокой скорости мчаться с ними вперед, так, что хозяин остается далеко позади. Потом они все-таки поджидают его, но в месте, где оказывается слишком много других товарищей кули, и там они называют цену за оказанную услугу. Цена кажется вам несправедливой, но приходится платить, потому как проблем с мафией кули никому не хочется. Мы вцепились в свои рюкзаки мертвой хваткой, и разочарованные кули побежали к другим пассажирам. Выход на перрон из прохладного вагона равносилен вступлению в сауну. Еще бы! Мы прибыли в Дели в самое жаркое время. В мае-июне здесь 45 градусов и выше. Нас сразу окружают люди.

— Нужна гостиница?

— Такси?

— Какая-нибудь помощь?

Все очень любезны, но в "Lonely Planet" написано, что эти люди нас обманут, поэтому мы их игнорируем и идем, насвистывая, с беззаботным видом праздношатающихся, которым не нужны ни гостиница, ни такси. Ничто не выдает в нас туристов, разве что рюкзаки за плечами. Идем туда же, куда все, и верим, что придем, куда хотим. Один особенно назойливый мужчина все же пытается завязать с нами беседу.

— Мадам, с какой страны вы приехали?

— Из Англии, — отвечаем мы, не задумываясь.

— О! Англия — это здорово! У меня есть девушка в Англии!

— Что ж тогда ты здесь торчишь? — осаждает его Жанна.

Послушать этих индийцев, так у них, куда ни плюнь на карте, есть девушка. Неправда. Это их заветная мечта о любовнице — иностранке, не больше.

Район, выбранный нами для поселения, называется Пагаргандж. Мы и не пытаемся обращаться за помощью в ICCR. Будем жить там, где живут просвещенные европейцы: на улице

Главный Базар, где много дешевых гостиниц и ресторанов.

Серьезно задумываемся: нужен ли нам кондиционер? Номера с кондиционерами стоят дороже. Лучше заплатить, чем испечься, решаем мы и долго торгуемся с сикхом в гостинице "Джайсалмер". В номере есть телевизор, но на пару с кондиционером они не работают.

— Почему?!

— Нет света, мадам.

В Дели перебои с электроэнергией. Электричество отключают несколько раз в день. За что же тогда платить?

Замерзнув ночью, когда электричество не отключают, мы решаем, что кондиционер — излишняя роскошь. Наше следующее пристанище — гостиница "Вишал". Одна из самых дешевых и к тому же пользуется спросом у иностранной братии. Едва ли наши родители пришли бы в восторг, увидев наше окружение! Сейчас в России тоже в моде разорванные в интересных местах джинсы, наколки и пирсинг, прошивающий уши, губы, языки, пупки и брови, но тогда все эти аксессуары были нам в диковинку. Лохматые, запыленные, татуированные иностранцы в одежде "кто что нашел на большой свалке", сидят за столиками в заведении с претенциозным названием "Кафе Лордов", а чистенькие и вежливые официанты подносят им стейки и свеже выжатые фруктовые соки.

Мы посмотрели много номеров в гостинице "Вишал". Маленькие, мрачные комнатки, выложенные коричневым или белым кафелем, напоминали общественные душевые.

— Я хочу, чтобы комната была светлая, ты понял? — настаивает неутомимая Жанна. — Окна! Окна! Ты понимаешь, что я говорю? — Бой понял ее прекрасно. В комнате, куда он, наконец-то привел нас, было целых три окна!

— Как хорошо! — радуется Жанна. Мы сгружаем у кровати наш нехитрый багаж. Бой улыбается и выходит. Тут я замечаю, что дверь в душевую вся исписана комментариями постояльцев.

"Все, что я имел, у меня вытащили через окно, — пишет один из потерпевших, — не знаю, как вы, а я сегодня съезжаю!"

"И я согласен, что прислуга ворует", — вторит ему другой. И так далее в том же духе. Пришлось отставить свои рюкзаки подальше от окон.

Вечером нас заинтересовало объявление о дискотеке. У официантов, которые все всегда знают, мы выяснили, где состоится упомянутое веселье. Велорикша отвез нас темными улочками к гостинице, вид которой претендовал даже на некоторую звездность.

Мы спускаемся в цокольный этаж, в зал, где должна быть

дискотека. На лестнице нас встречают восторженные негры:

— Девчонки! Вы на дискотеку? Так это сюда!

В совершенно темном и пустом зале играет музыка.

— Так тут же никого нет! — восклицаем мы и порываемся убежать.

— Как это никого нет! — обижаются негры. — А мы кто? И вон в том углу тоже люди.

За руки они тянут нас в зал. Здесь есть холодное пиво, и мы остаемся. Постепенно народ подтягивается, начинаются пляски. Негры кружат вокруг нас, как коршуны вокруг добычи. Если верить рассказам Валида (негра из Саудовской Аравии, однокурсника Али), все негры в Пахаргандже торгуют наркотиками, их не пускают ни в какие гостиницы, даже такие, как "Вишал". Но тут они как раз и являются инициаторами и устроителями дискотеки. Диджея зовут Питер, а как зовут остальных, мне не удается запомнить, они все похожи в темноте. Во время танцев вдруг замечаю, что у меня начинают разматываться ремни набрюшника с деньгами. Умнее, конечно, было бы оставить их в гостинице, а не тащить с собой ночью на сомнительную дискотеку. Откуда-то льется на пол вода, скоро приходится складывать обувь на столы и закатывать штанины. Не понятно, то ли это так задумано, то ли произошла авария. Половина людей пляшет, а половина вытирает воду тряпками.

Перед закрытием дискотеки прощаемся с неграми и выходим на улицу. Мы в полной растерянности, куда идти, не представляем. Земля вокруг устлана спящими телами. Индийцам жарко спать в помещениях, и они ночуют на земле, неподалеку от своих домов. Темнота, ни одного зажженного фонаря, только здесь и там белеют дхоти. Стараемся ни на кого не наступить.

— Пойдем, например, туда, — предлагаю я, и мы двигаемся в выбранном наобум направлении в надежде выйти на широкую улицу.

— Куда же вы, девочки? — слышим мы вкрадчивый голосок и вздрагиваем, это появляются наши знакомые негры, темные даже на фоне ночи.

— Отель "Вишал" — это в ту сторону! — поясняет Питер, а может, и не Питер. Приходится им поверить, не признаваться же, что мы заблудились. Сострадательные негры провожают нас до гостиницы, клянутся в вечной дружбе и снабжают большим количеством своих имен и телефонов. Мы заверяем их, что с утра позвоним. Ребята долго жмут руки на прощание, как будто бы проверяют, насколько благожелательно мы к ним относимся, вдруг мы расистки и только притворяемся хорошими? Кстати, негры приходят в ярость, когда их называют неграми. Надо

говорить "черные парни".

Быстро взлетаем на последний этаж отеля. В комнате тепло, как в домне. Мало того, что в Дели 47 градусов, так еще комната под самой крышей. Наши тела плавятся на матрацах. Утром время от времени я приоткрываю глаза и вижу, как с крыши за нами наблюдают индийские юноши во все три распахнутые окна. Потом даже они исчезают.

— Жанна! — говорю я, — мы так долго спим, что даже индусам надоело на нас смотреть.

У хозяина отеля требуем перевести нас в другую комнату, ниже этажом и с кулером. Интересно посмотреть, как он выглядит. Это огромное сооружение шумит как вертолет, но толку от него никакого, он перегоняет горячий воздух с улицы к нам в комнату. Не в состоянии ничего придумать, снова зовем боя. Оказывается, в кулер надо заливать воду, тогда появится охлаждающий эффект. Бой набирает воды, потом вскакивает прямо на кровать и, мастерски заправив кулер водой, спрыгивает с нее очень гордый собой.

— Так, — говорит Жанна, уставившись на следы грязных ног на своей постели. Многие индийцы, в том числе и упомянутый мальчик всюду ходят босиком. — Теперь простыни поменять надо.

Мальчик страшно удивляется. Он расправляет простынь и смахивает с нее руками отпечатки своих серых пяток.

— Вот так хорошо, мадам? — интересуется он любезно. Жанна смеется.

Как люди живут в такой жаре? Это же просто наказание! Наши соседи — туристы из Бельгии, целый день лежат на кровати, вяло шевелят ручками и ножками. Иногда они спускаются вниз за бутылками минералки. А потом катают эти холодные бутылки по своим горячим телам. Мы с Жанной все-таки решаемся посмотреть достопримечательности. Зря что ли так далеко ехали? Ловим рикшу.

— Вези нас в Bahai-temple!

— Нет, давайте сначала в магазин! — неожиданно возражает он. Некоторые магазины платят рикшам хорошие комиссионные за то, что они привозят к ним клиентов.

— Ладно! — соглашаемся мы, но мы только посмотрим, а покупать ничего не будем.

В магазине "Сага" царит чудесная прохлада. Мы нахваливаем кашмирские шали и обещаем вернуться сюда с целым автобусом попутчиков-туристов и все скупить. Но к украшениям относимся скептически.

— Что это за камень? Мрамор?

— Почему это кольцо такого темного цвета? Оно что медное?

— А нет ли у вас перстня с большим камнем?

— Так, а еще больше? И еще? Ну, это уже, извините, как тарелка!

Надеюсь, рикша получил достойные комиссионные.

Храм Бахаи построен в виде цветка лотоса, его фото часто появляется в журналах. Внутри он больше напоминает зал для конференций. Тысячи босоногих прихожан тихо рассаживаются на протертые до блеска скамьи и молятся. Разговаривать нельзя. Адепты любой веры могут войти в этот храм и обратиться с молитвой к своим богам. Достопримечательности осматриваем в ускоренном темпе из-за дикой жары.

Лал Кила — Красная крепость, красиво смотрится снаружи. Изнутри стены поцарапаны и пестрят надписями "Здесь был Сунил" или "Кавита, я тебя люблю!" На мемориальных камнях надписи, которые сообщают о том, что раньше все постройки в крепости были украшены золотом, серебром и драгоценными камнями. Но западные варвары все это вывезли.

Индийцы очень любят достопримечательности и постоянно их посещают. В Лал Килу они приходят ближе к вечеру, когда не так жарко, и располагаются на травке.

Правительственное здание и Ворота Индии нам показал Риши, исключительно дружелюбный индиец из Дели. Он пять лет изучал компьютерные технологии в Бишкеке, и хорошо говорит по-русски. Мы встретились и подружились с ним во время путешествия в Ауровиль. Риши познакомил нас с Тимуром из Бишкека. Тимур изучает в Индии санскрит.

— Бедняга! — пожалели мы его. — Санскрит очень тяжелый предмет. Сложнее латыни. Наши уроки санскрита во Владивостоке напоминали работу дешифраторов.

— Да ничего сложного! — скромно опускает глаза Тимур. — Главное, написать сочинение на выпускном экзамене. Мы всегда пишем на одну тему: Калидаса — мой любимый поэт.

Риши спешит на работу, а мы с Тимуром отправляемся в тибетский ресторан. В Дели есть целый квартал, заселенный тибетскими беженцами. В этом районе можно дешево снять квартиру, но никто кроме тибетцев там не селится. Узкие улицы, высокие стены, настороженные взгляды тибетцев. Много монахов. Все монахи — крепкие, мускулистые, бритые, в ярких желто-бордовых одеждах. Один из них поманил нас к себе и поинтересовался, не хотим ли мы поменять у него валюту.

Ресторан — чудо! Пельмени жареные, пельмени в бульоне, пирожки — и все просто даром. Плохо только, что вышли из ресторана уже затемно. С трудом разыскали велорикшу, похоже,

что они этот район тоже не жалуют. На велорикше я чувствую себя как на колеснице: шатко, валко, открыто со всех сторон. Не успели мы далеко отъехать, как нас нагнала другая колесница, оттуда выскочили тибетцы, преградили дорогу нашему рикше и сказали, что зарежут его, если он двинется с места. Оказывается, они приняли Тимура за тибетца, и позавидовали ему. Две таких красотки на одного показалось им много. Надо отметить, что прохожие индийцы пытались за нас вступиться, но пьяные тибетцы так агрессивно на них нападали, что те отступили. Нам удалось самим уладить дело. Когда они выяснили, что все мы иностранцы, то крепко пожали нам руки и отпустили с миром. Самого активного звали Лобсанг. Имя запомнилось, потому что мне когда-то нравилась книга его тезки Лобсанга Рампы "Третий глаз". Потрясенный Тимур долго извинялся за то, что подверг нас такой опасности.

— Первый раз тут такое вижу!

— Ну и нас тут раньше не было! — оправдывались мы. Тимур хотел проводить нас до самой гостиницы, но за пределами тибетского квартала уже не было так страшно. Мы приглядели маленькую желтую машинку, наш любимый вид транспорта в Индии, и распрощались с Тимуром. В моторикше не страшно, едет быстро, главное не выпасть.

Вернувшись в Пахаргандж, мы и не подумали укладываться спать, а пошли пить чай в гостиницу "Вивек". Ресторан гостиницы "Вивек" находится на втором этаже, из окна открывается замечательный вид на улицу Главный Базар. Оказалось, что и прохожим внизу также неплохо видно посетителей ресторана в эти самые окна.

— Так, — сказала Жанна, — негр внизу с любопытством сюда посмотрел. Наверное, мы его знаем.

— Их уже двое, — добавила она через некоторое время, допивая вторую кружку чая, — теперь они дефилируют туда-сюда по улице вблизи отеля. Мы будем пить чай, пока они не устанут ждать и не исчезнут. Еще один пришел!

Мы заказывали чайник за чайником, а неутомимые африканские друзья караулили нас. Иногда они пропадали, но ненадолго. Значит, просто подпирали стену где-нибудь неподалеку.

— Пей медленнее, — шипели мы друг на друга. В ресторане "Вивек" мы просидели два с половиной часа. Потом один из черных парней набрался наглости и поднялся наверх.

— Так! Что это за дела? — начал он к нам придираться. — Я сегодня не выходил из дома до пяти вечера, все ждал вашего звонка.

Мы пожаловались на занятость. Официанты, увидев негра, заявили, что ресторан закрывается. Пришлось идти на улицу, ругая себя за легкомыслие, и оправдываться перед десятком случайных людей. Мы ведь нарушили обещание и не позвонили. Они шли за нами вплоть до гостиницы Вишал, оттуда их прогнал прочь суровый хозяин.

— Почему эти люди с вами? — отчитал он нас позже. — Вы что знакомы?

Мы все отрицали. У нас много темнокожих приятелей в Бангалоре, они компанейские и веселые. Эти негры из Пахарганджа были слишком уж настырные. На следующее утро мы уехали в Нанитал.

Глава 9. Нанитал

Нанитал — это известный в Индии горный курорт. Он был основан англичанами, как и многие другие. Сейчас он больше популярен у индийских туристов. В жаркие месяцы, когда в Дели душно, и многие люди гибнут от перегрева, индийцы спешат в Нанитал, чтобы провести там каникулы или хотя бы выходные. Нанитал — подножие Гималаев, горы здесь небольшие, зеленые, с плавными контурами. Множество живописных озер привлекает туристов красотой и прохладой. Озеро, вдоль которого идет главная улица города, Мол, тоже называется Нанитал. О нем сложена трогательная легенда, немного странноватая для европейского понимания. Жена Шивы, Сати, услышав, что Шива умер и никогда больше не оживет, кинулась, как положено, в погребальный костер. Но муж ее все-таки ожил и успел спасти некоторые останки супруги. Ослепленный горем он метался по Индии и кое-что растерял. Так вот, озеро Нанитал — это один из зеленых глаз красавицы Сати. Рядом построен посвященный ей храм. По главной улице ездят велорикши, а в горы можно карабкаться пешком или верхом на лошади.

Местные жители в Нанитале совсем не похожи на людей из дола. Между собой мы называли их горцами. Они спокойны, бесстрастны и лишены любопытства, которое так раздражает в жителях Индии. У многих горцев голубые или серые глаза. И торгуют они иначе, чем остальные индийцы.

— Сколько стоят эти тапочки? — интересуемся мы, к примеру.

— Восемьдесят.

— А если со скидочкой?

— Восемьдесят — это со скидочкой. Без скидочки сто пятьдесят.

Повсеместно горцы тверды насчет своих цен. И так все дешево, считают они, не хочешь, не бери. Уставшие от манго и ананасов мы мечтали о сливах и абрикосах. Торговец сидел спиной к своему товару и что-то увлеченно подсчитывал, наверное, убытки, так как половина фруктов в его ящиках уже сгнила. К нему подошел покупатель и робко спросил:

— Сколько стоят эти бананы?

— Двадцать рупий, — буркнул горец, не отрываясь от своего занятия.

— Отдай по семнадцать. — предложил покупатель.

— По семнадцать другие, зеленые, — уточнил горец.

— Да, нет же, ты мне хорошие отдай по семнадцать! —

просил покупатель.

— Хорошие по двадцать, не хочешь покупать, ешь зеленые, — отрезал горец и снова сосредоточился на своих подсчетах.

Самый популярный сувенир в Нанитале — свечи. Есть свечи-апсары, свечи-Будды, свечи — кони. Они похожи на расписные статуэтки, и жечь их жалко. Свеча горит, к примеру, и в голове Будды образуется выемка, все больше и больше. Уличные торговцы предлагают купить у них спальные мешки и кнуты. Последние предназначаются для лошадей, которых здесь много. Почти все индийцы уверенно держатся в седле. Они очень бояться спускаться с гор пешком, создают заторы на крутых улицах города. Но если под индийцем — лошадь, ему все нипочем. Я поднялась на лошади в гору только раз, и натерпелась страху. По той же дороге снуют машины, все гудят, шум стоит невероятный. Похоже, что дикие трели гудков больше действовали на нервы мне, чем привычной ко всему лошади. Лошадки в Нанитале гладенькие и чистенькие, мы с ними с удовольствием фотографировались.

В нашем нанитальском лагере было тридцать три человека: семь китайцев, три вьетнамки, три афганца, три маврикийца, одна фиджийка, одна девушка с Карибских островов, бангладешцы, непальцы и три негра из Кении. Были еще две девушки из России, которые изучали технику индийских танцев в Мадрасе, и казашка Айман, которая училась танцевать в Дели.

Руководитель лагеря получил прозвище мистер Кушан за выдающийся живот, размером с хорошую подушку. Но особенно запомнился всем водитель. Его мы прозвали Парикмахером за роскошную черную бороду и пышную шевелюру. Он поминутно смотрелся в зеркало и причесывался. Горы в Нанитале не высокие, дороги нормальные, сюда едут все, кто умеет мало-мальски водить машину, может быть, поэтому аварий в Нанитале больше, чем в Манали, где действительно высоко. Наш водитель, занятый своей особой, не вписывался в повороты, сшибал столбы по краю дороги и доставил нам много мучительных мгновений, когда мы дрожали за свои жизни. Жанна несколько раз выпрыгивала из автобуса, когда он зависал над пропастью, настолько ей было страшно. Парикмахер зловеще усмехался в бороду.

Организован лагерь был ужасно. Развлекательную программу составляли экскурсии туда, где ничего нет. Каждый вечер мистер Кушан сообщал нам, что завтра мы едем куда-нибудь в Раникихет или Алмору, куда три-четыре часа езды на автобусе с Парикмахером, а о том, что мы там увидим, не говорилось ни слова. Мы с Жанной съездили на такую экскурсию лишь однажды.

В Раникихете нам показали два маленьких храма, подобные которым, можно было найти и поближе к Наниталу. Больше на провокации Кушана мы не поддавались и сверялись со справочником насчет местных достопримечательностей. На следующий день группу повезли в Национальный парк имени Джима Корбетта. Джим Корбетт родился и жил в Индии, охотился на тигров-людоедов и написал много историй о своих подвигах. Англичане не считали его благородным сахибом (потому что он не был рожден в Англии) и даже не разрешили ему вступить в эксклюзивный яхт-клуб в Нанитале. Сейчас в этом клубе одни индийцы.

Заповедник имени Джима Корбетта был создан, чтобы восполнить численность перебитых им некогда тигров. Мы отказались от поездки. В этот день с нами произошла курьезная история. В комнате не работала розетка, мы пожаловались администратору гостиницы, и он пообещал прислать электрика. Мы сидели в скверике у гостиницы и беседовали, нежась на солнышке и любуясь цветами. Вскоре к нашему столику подошел полуголый парень, босой, но в дхоти.

— Suck it, madam, suck it (сосите это) — сказал он.

— Маньяк! — мигом отреагировала Жанна. — Придурок!

— Подлец! — Вскочили мы в негодовании.

— Электрик, — покачал головой парень.

— Ах, "socket", — заулыбались мы, сразу сменив гнев на милость (socket — розетка).— Конечно, пойдемте к нам в комнату! Мы ждем вас с самого утра!

Электрик починил розетку и быстро ушел, ему был непонятен приступ бурного веселья, душивший ненормальных мадам.

Вернулись наши "лагерные" с экскурсии. Злые-презлые. В парк они не попали. Войти на его территорию можно было только, заплатив 600 рупий с человека. За эти деньги разрешалось провести в парке сутки и выделялся джип. Мистер Кушан развел руками и сообщил, что у него в кармане всего-то пятьсот рупий. Пришлось возвращаться ни с чем. Стоило ради этого трястись в автобусе четыре часа! Некоторые студенты вспылили и остались ночевать в парке за свой счет. Другие справедливо возмущались тем, что Кушан не предупредил заранее об условиях посещения парка. Предполагалось, что в кэмпе ICCR платит за все.

В другой раз нам пообещали показать прекрасные виды снежных гор. До смотровой площадки протянута канатная дорога, прокатиться по которой для многих было бы в новинку и в удовольствие. Но студентам сказали, что канатная дорога неисправна и предложили пройтись наверх пешком. Группа

альпинистов, наверное, обрадовалась бы такому походу, но ленивые островитяне и расслабленные негры были разочарованы. Никаких намеков на снег там и в помине не было. Обещанные виды можно наблюдать только зимой. Мы оказались самыми ленивыми и благополучно доехали до смотровой площадки по неисправной канатной дороге.

— Надо поближе держаться к этим девушкам, — заметил Муртада, — они знают, что почем. На вершине можно было сфотографироваться в национальных гуджаратских костюмах, вышитых маленькими зеркалами, что мы и сделали.

Ближе к концу пребывания в этом лагере, мы решились поехать с другими студентами смотреть закат в горах. Столько было проколов, а все еще на что-то надеялись. И вот опять, подвергая свои жизни опасности, с шофером-Парикмахером, взбираемся в гору. Дорога оказалась в неисправности, и часть пути пришлось идти пешком. Добрались до лесничества, окруженного забором. Встретили нас недружелюбно, попросту предложили убираться вон. Около часа Кушан торговался с лесниками, чтобы нам разрешили постоять за оградой. В конце концов, нас пустили, и мы заняли места на склонах и на деревьях и воззрились на солнце, которое было все еще довольно высоко.

— Сейчас я расскажу вам, как все это будет, — сказал Муртада, — я слышал, что солнце в Нанитале садится между двух гор.

Солнце садиться не торопилось, и студенты занервничали. Приблизительно через час светило медленно и неохотно поползло вниз. Между гор оно явно не попадало.

— Ветер, — обреченно вздохнул Муртада.

Друзья-китайцы принялись дружно фотографировать закат, афганцы — друг друга в романтических позах. Муртада тоже взял фотоаппарат и сфотографировал своего друга Азиза на дереве. Уже было сумрачно, и негр Азиз был едва различим.

— Зачем ты его сфотографировал? — удивились мы. — Ведь ничего не будет видно!

— А это не важно, он же знает, что там находится, — махнул рукой Муртада. К тому моменту как солнце все-таки село, все замерзли и поспешили к автобусу. Кушан пересчитал своих подопечных.

— А где наши черные парни? — спохватился он.

— Да вон они с деревьев слазят, — успокоила его Айман.

В следующий раз мы посетили музей все того же легендарного Джима Корбета. На парадной стене висела фотография Джимми на фоне гигантского, размером со слона, тигра-людоеда, убитого им, и увеличенная копия письма

Джимми. В углу комнаты стояла полуразвалившаяся раскладушка, на которой возможно спал Джимми. В стеклянном ящике лежали тарелки и капканы, не исключено, что они тоже принадлежали ему.

Кормили отвратительно. А мы-то были уверены, что северо-индийская кухня лучше южно-индийской. Ничего подобного. В Дели мясо не популярно и его трудно добыть, наши знакомые почти стопроцентные вегетарианцы. А в лагере давали рис, черный горох и пресный сухой хлебец — роти. Хорошо, что мы нашли на Моле дешевый тибетский ресторан, там, в основном, и питались. Иногда обед выдавали в дороге в аккуратных белых коробочках. Содержимое коробок — вегетарианские котлеты и сэндвичи, студенты скармливали животным, оказавшимся поблизости. Один раз это была корова, в другой раз — олень.

Еще в нашем лагере были дискотеки в зале для конференций. Магнитофон хрипел. Кассет было всего три, музыка быстро надоела, и народ вяло подергивался. Но мистер Кушан настаивал, чтобы мы развлекались. Он потихоньку спросил у Айман, нет ли у нас русских, выпить чего-нибудь.

— Алкоголь? Ни в коем случае! — не раскололась Айман, — вот пепси, пожалуйста. В пепси были намешаны капли для сексуального возбуждения, которые мы не поленились купить в магазине, чтобы посмотреть, как они действуют. Кушан от пепси отказался. Решено было неграм не давать снадобье, так как их все равно ничего не берет. Больше всего нам хотелось напоить маврикийца — высокого, большеглазого, положительного. Поэтому я подсела к нему поближе и завела светскую беседу, о том, как плохо в этом лагере, и как замечательно было в других. Ненавязчиво я предложила маврикийцу пепси, но он отказался. Играла медленная музыка.

— Хочешь потанцевать? — поинтересовалась я.

— Да-да! Конечно! — обрадовался маврикиец, и мы поднялись с мест.

— Ну, так иди и танцуй! — сказала я. Не пьешь пепси, зачем ты такой нужен. Потом пепси распространяла Айман. Точнее она просто сидела в темноте у столика и хитро блестела глазами. А бутылка стояла рядом. В результате, всю пепси выхлебали афганцы, которые и без этого на взводе. Я особых изменений в их поведении не заметила, но Айман утверждала, что "они были другие", и что, благодаря нашим каплям, "афганский парень влюбился в папуаску". Роман завязался у Абдурахмана и танцовщицы с Фиджи, ни для кого это не было секретом. Они той ночью долго ворковали прямо перед дверью в нашу комнату. Хоть кому-то помогло!

— I am sorry for all people in this camp (мне жаль всех людей, кто участвовал в этом кэмпе), — не уставал повторять Муртада.

В Дели нас привезли поздно вечером, но целых и невредимых. Высадили у офиса, который находится вдали от всех дорог, такси и рикш, а оттуда все уже должны были добираться сами. Трогательно было видеть, как обнимаются и прощаются студенты, обмениваются адресами и клятвами в вечной дружбе, как будто они провели вместе десять лет, а не десять дней. Мы поехали ночевать к Айман. Наше путешествие еще не закончилось! Мы собирались ехать в Манали, уже без сопровождающих, вдвоем.

Глава 10. Земля Ману

Манали находится в штате Химачал-Прадеш, в краю живописных гор и недоступных ледяных вершин. Дорога из Шимлы, столицы штата, до Манали считается одной из самых высокогорных дорог в мире (три-четыре тысячи метров над уровнем моря). Можно доехать из Дели до Шимлы на поезде, а потом добираться автобусом. Но проще сразу из Дели ехать на автобусе до Манали. Путешествие занимает шестнадцать-двадцать часов. Автобус, на который мы взяли билеты, долго колесил по городу и повсюду собирал пассажиров, пока, наконец, все места не были заняты. В путь мы отправились уже вечером, и только через четыре часа, глубокой ночью, остановились у придорожной столовой — дхабы. Дхаба была огромна, она вместила в себя пассажиров десяти автобусов, которые здесь припарковались. На одной из стен висела доска с подробным меню на языке хинди. Вот где он нам пригодился!

Мы выбрали столик, за которым уже сидел косматый нервный японец, он как-то странно ерзал, жестикулировал, шевелил губами и, кажется, блуждал где-то в своем мире. Но на наше появление он отреагировал и немедленно поинтересовался, откуда мы взялись. Мы соврали, что прямо из Англии. "Айнгланд!" — осклабился японец и сообщил, что тоже едет в Манари. Буквы "р" и "л" он путал, и, когда официант пришел за заказом, японец попросил принести ему "Lice and dal" — вши с чечевицей, но был все же понят.

Подкрепившись, мы уютно устроились в автобусе, но поспать не удалось, окно не закрывалось плотно, и оттуда проникал холод. Индийцы не делали резких движений, чтобы согреться, а просто завязали на головах носовые платки, и им, по-видимому, сразу стало тепло. К сожалению, такой способ утепления для других наций не работает. Мы мерзли в свитерах и одеялах до самого утра, пока не освободились сидения рядом с плотно закрытыми окнами, а потом наблюдали, стуча зубами, как индийская матрона в легком сари то и дело распахивает окно и любуется рассветом. На коленях она держала голого младенца, слегка прикрытого полотенцем. Индусы не так уж теплолюбивы, как принято думать, и легко приспосабливаются к перепадам температур на своей родине.

После посещения Нанитала, расположенного в предгорьях Гималаев, нам казалось, что все горы в мире одинаковые: округлые, зеленые и кудрявые. Но, чем дальше полз по бесконечному серпантину автобус, тем выше дыбились кручи и

нависали над узкой горной дорогой скалы. Как допотопные гребенчатые животные выползали они из-за поворотов нам навстречу. Страшно не было. Водитель вел автобус уверенно и спокойно, не то, что экстремал — Парикмахер. Вскоре пейзаж разнообразила река Биах, льющаяся чистым серебром на ровных участках долины и скачущая, пенная, бешенная в теснинах среди нагромождения огромных валунов, поблескивающих слюдой. Появились и снежники. Впервые приблизились мы к горам — шести-семи тысячникам. По преданию, первый человек Ману спасался здесь от потопа, имея каждой твари по паре, как и ветхозаветный Ной. Воды потопа сюда не дошли, а само место получило название Манали, что означает Дом Ману.

Сейчас Манали — современный город, оживленный и шумный. В семидесятые, восьмидесятые годы он был излюбленным пристанищем хиппи со всего мира. Сейчас они ищут места, где спокойнее: маленькие деревни в долинах Куллу и Парбати. Манали делится на старый и новый город. Как правило, в новом Манали селятся только индийцы. Здесь шикарные отели, много магазинов, шумные базары. Именно сюда едут в свадебные путешествия новобрачные из благополучных семейств. Пузатые владельцы джипов приезжают оттуда в старый Манали на экскурсию, чтобы посмотреть, что там вытворяют хиппующие европейцы. В индийский джип набивается немыслимое количество любопытных пассажиров, не меньше, чем в наш автобус. Ведут они себя не лучшим образом, беззастенчиво разглядывая белых людей, как при посещении зоопарка.

Мы, разумеется, выбрали для жизни старый Манали. Рикша перевез нас через мост, которым обозначается граница между старым и новым городом. Дальше мы пошли пешком искать гостиницу. Я терпеть не могу переносить тяжести и готова была сбросить рюкзак в первой попавшейся гостинице, но неумолимая Жанна морщилась всякий раз, когда ей называли цену комнаты в разных отелях. "И почему ты стала такой экономной?! — ругалась я. — Кто еще недавно швырял деньгами? Самолеты ей подавайте, шелковое белье и чистую воду! А теперь пять долларов за номер жалеешь!"

Тут-то и встретился нам человек, который предложил комнату всего за 130 рупий, причем со всеми удобствами и даже с горячим душем. На вопрос, где находится его гостиница, он неопределенно махнул рукой и сказал, что недалеко. После крутого подъема дорога внезапно кончилась, но наш проводник показал на выщербленные в скале ступеньки, по которым он бодренько побежал вверх, а нам пришлось тащиться за ним.

Я думала, что сорвусь и умру, пока карабкалась по смешным,

едва обозначенным выступам, а Жанна, с рюкзаком выше собственного роста (в нем были фен, утюг и другие полезные вещи), упорно ползла к дешевому уюту. Мой жалкий вид и затравленный взгляд поведали нашему проводнику о многом, он помог мне стащить рюкзак и взгромоздил его на свои плечи. Гостиница "Rock-Top" (Вершина Скалы), которую мы увидели на открывшемся взору гребне, оказалась не нашей гостиницей. Вздохнув, мы последовали дальше по узкой тропке, над беснующейся где-то внизу Биах. У каждого поворота проводник останавливался, поджидая нас, и говорил, что его гостиница уже рядом. Мы невольно предположили, что, не успев приехать, попались в лапы какого-то "разводчика", и сейчас он заведет нас в лесные дебри, где его поджидают сообщники. Появилась какая-то веселая нервозность, и даже сил прибавилось. Наш Сусанин бодро спешил вперед, не ощущая тяжести моего рюкзака. Тропу то и дело пересекали ручьи, и надо было перескакивать с камня на камень, чтобы не промочить ноги, да к тому же переводить Жанну в опасных местах, чтобы рюкзак не утянул ее в пропасть. И вот, когда мы уже не чаяли добраться до места, перед нами неожиданно возник приют для усталых путников "Скалистый путь". Хозяин не без гордости пригласил нас войти. Двухэтажная гостиница расположилась в горах, на небольшой террасе, вдали от суеты Манали. Она утопала в яблоневых садах, а вид, открывшийся с наших высот, заставил сердце радостно дрогнуть от предчувствия счастья. Внизу шумела горная река, где можно было купаться в жаркую погоду и загорать на больших камнях. Словно свечи из темного хризолита высились огромные ели на дальних склонах, а за ними сияли нетронутыми снегами две далекие вершины. Благодать! Когда через несколько лет я снова приехала в Манали, меня сразу потянуло именно сюда. Здесь даже в комнатах стоял упоительный яблоневый дух. Широченные кровати и резные шкафчики — все из яблоневого дерева. При гостинице была кухня, где готовили завтраки для туристов. В тот раз мы очень устали, все-таки двадцать часов тряски в автобусе, и поэтому сразу легли спать.

Проснулись в кромешной тьме от голода. Вышли на улицу и не смогли увидеть даже друг друга. Огляделись. Высокое небо казалось сотканным из звезд, расстояния между ними почти не было. Восхитились, но голод остался. Как дойти до ресторана по горной тропке, с которой мы днем едва не свалились, и представить страшно. Нужен фонарь, но у нас есть только фен и утюг. А соседи все из Израиля. Жанна меня подзуживает:

— Иди и выпроси у евреев фонарь!

— Почему я?!

— У тебя вид располагающий, может, дадут.

Поднимаюсь на второй этаж, деликатно стучу в дверь.

— Что такое? Кто там?

— Добрый вечер... Ммм... Я вот по какому поводу. Не найдется ли у вас совершенно случайно лишнего фонаря?

В комнате жили две девушки и двое юношей. Помолчали они некоторое время, посомневались и спрашивают:

— Как это вас понимать, "лишнего"?

— Не совсем лишнего, — спохватилась я, — мы в ресторан хотим пойти, а потом я его обязательно верну!

— А что такое фонарь? — спросил молодой человек, который плохо понимал по-английски. Подруга прочитала ему целую лекцию о фонарях на иврите. Я стойко ждала и думала, без фонаря не уйду! Ребята поняли мой настрой и решились выделить мне фонарик.

— Помните, это очень драгоценная вещь, — наставляла меня девица, протягивая маленький черненький фонарик, которым пожертвовал парнишка с плохим английским. — Нам важно знать, когда вы его вернете?

— А он у вас один, что ли?

— Конечно, нет! У каждого есть фонарь, но это не значит, что они нам не нужны!

— Хорошо, — пообещала я, — через два часа.

По дороге мы очень боялись, что фонарик погаснет, светил он слабовато. Когда мы вернулись, наши благодетели уже спали. Рано утром в дверь постучали. Открываю — на пороге парень, завернутый в полотенце. Мне не знакомо его лицо, а он не помнит, как слово "фонарь" звучит по-английски. Стоим и смотрим друг на друга. Он говорит:

— Трр-трр-брр...

— Torch? — подсказываю я.

— Ага! — радостно кивает юноша и, вздохнув с облегчением, получает назад свою драгоценную вещь. Друзья его, наверное, всласть поиздевались: "Эх ты, Синамон, прошляпил фонарь! Отдал неизвестно кому, простая твоя душа"!

Вслед за Синамоном к нам заглянул английский мальчик.

— Мы организуем небольшой сабантуйчик. Только очень ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ. Приходите со своими одеялами вон за ту гору.

— Да! Да! Обязательно, — вежливо улыбнулись мы. Только удивились, почему на такой эксклюзивный сабантуйчик приглашают первых встречных.

После английского мальчика к нам залетело трудноописуемое существо. У него были взъерошенные волосы цвета цыплячьего пуха, оно покачивалось и перепархивало с

места на место, как будто ощущало себя воздушным шариком. Молодой человек из Австрии поведал нам, что без ума от Манали, где так много веселых дискотек. На следующий день он порхал вокруг гостиницы с вихрастым гребнем из ярко рыжих волос. В Манали много хиппующей молодежи, в основном, израильтян. Для них этот город давно не заграница. И местное население приспособилось: неплохо говорит на иврите. На иврите красуются вывески над лавками и магазинами. Однажды в ресторане к нам подошел молодой израильтянин.

— Извините, — спросил он, — вы случайно не из Изхраиля?

— Нет, — ответили мы.

— Как хорошо! А то тут все из Изхраиля. Надоели!

Еврейские девушки вяжут маленькие мешочки, чтобы складывать туда зажигалки и вешать их на шею. Это очень удобно, кто-нибудь попросит зажигалку, ты протягиваешь ее, не снимая с шеи, и мало вероятно, что такая полезная вещица "уйдет".

Через два дня пребывания в городе нас всюду узнавали. До Манали тогда еще не докатилась волна русских туристов и мешочников. Когда хозяин телефонной будки узнал, что мы из России, он долго удивлялся и все повторял окружавшим нас израильтянам, что людей из России видит впервые. Те не могли вникнуть, где тут экзотика, они в Израиле на русских вдоволь насмотрелись. Не только язык великий и могучий выучили, но и "Катюшу" при случае могли спеть.

Когда мы выходили на главную и единственную улицу старого Манали, продавцы магазинов радостно орали:

— Россия! Россия! Красота!

Местное население в Манали похоже на тибетцев. Есть и настоящие тибетцы, много их ресторанов, где предлагают разнообразные момо, блюдо похожее на пельмени или вареники, в зависимости от начинки. Украшениями торгуют, в основном, выходцы из Кашмира. Мы ласково обзывали их "кошмаринами". Покупать у них что-нибудь не обязательно, главное пообщаться. "Кошмарины" наливали зеленый чай, предлагали гашиш, закидывали удочки на предмет того, чтобы составить нам компанию на дискотеке, и жаловались, что бизнес в Манали не идет, не то, что на Гоа. У каждого продавца, как правило, есть магазин на Гоа. Когда сезон на море заканчивается, они приезжают сюда. В Манали тоже не плохо, но море прельщает кашмирцев больше: там тепло, дискотеки чаще, а, главное, покупатели богаче, не то, что здешняя голытьба. Они молчат о том, что сбывают на Гоа гашиш в пять раз дороже, чем покупают в Манали. Внешне кашмирцы похожи на кавказцев. Они с

удовольствием рассыпают перед нами груды драгоценностей. Мы просим их не беспокоиться, так как все равно ничего не собираемся покупать.

В одном из ювелирных магазинов нас заворожили необычные подвески — фигурки, у которых голова костяная, покрытая тонкой резьбой, а тело — прозрачный кристалл. Особенно хорош был индеец с аметистовым торсом. Продавец неожиданно согласился уступить его нам всего за четыреста рупий (десять долларов), но тут подоспел настоящий хозяин изделий — европеец Джерри и объявил настоящую цену изделия в полторы тысячи рупий. Эх, повременил бы хоть минутку, и беспечный индийский мальчик, которому поручили только присмотреть за товаром, продал бы нам это ювелирное чудо.

Одежда в Манали в основном привозится из Непала, можно купить недорогие теплые вязаные свитера, кофты, носки с узорами. В городе все носят шляпы, самые разные: с полями и без, колпаки, таблетки, тюбетейки, береты. Мы не удержались и тоже приобрели шляпы. Стоит один раз купить что-нибудь в магазине, и продавец становится твоим другом и радостно здоровается при следующей встрече. До хрипоты в горле кричали нам "Доброе утро" булочники, у которых мы брали выпечку. Даже предлагали булочки в долг. У одной булочной посетителей встречал понурый ослик. Скоро он околел, может от старости, а может от трудной жизни, и труп его три дня валялся, как будто напоминая о превратностях бытия даже в этом праздничном мире.

Однажды мы зашли в парикмахерскую, чтобы выщипать Жанне брови. Там очередь. Парикмахер бреет налысо еврейскую девушку. Вокруг гора из роскошных черных локонов. Парикмахер выговаривает клиентке, что она зря себя уродует, но продолжает брить. Куда деваться, раз деньги уплачены. Наколки, пирсинг, бритые головы — это модно и стильно у хиппующих красоток. Только редкий мужчина это понимает. Все друзья хозяина парикмахерской высказывают девушке в лицо, что они о ней думают. На глазах у нее наворачиваются слезы. Но подруга поддерживает землячку:

— Ничего, ничего, я всю жизнь была лысой, — заявляет она гордо, — всю сознательную жизнь.

В парикмахерскую заглядывает наш знакомый продавец, похожий на веселую лягушку. Он из южной Индии и страшно радуется, когда мы говорим по-тамильски "ойёёёёёё", что значит "вот это да!"

— Что здесь происходит?! — восклицает он. — Ты, девушка, с ума сошла? А вы что тут делаете? — обращается он уже к нам.

— А мы тоже решили побриться, ждем, когда очередь

подойдет.

— Что?!!! Не смейте! — кричит продавец. — У вас такие прекрасные волосы!

— Нет, — капризничаем мы, — это и модно, и никаких затрат на шампунь...

— Если вы это сделаете, клянусь, я брошусь в реку и утону! — угрожает самоотверженный парень.

Бритая девушка робко глядит в зеркало на свое жалкое отражение.

Глава 11. Гималаи

В Манали популярны походы в горы. Маршруты предлагаются разные, рассчитанные на два дня или на две недели. Некоторые туристы идут в походы самостоятельно, пользуясь картами. Другие нанимают проводников. Следует быть осторожными, не помешает выяснить, насколько человек, называющий себя проводником, благонадежен. Лже-проводники могут завести подальше в горы, убить и отобрать все ценное. Останки в горах найти практически невозможно. В Манали много листовок с фотографиями без вести пропавших туристов.

Мы тоже мечтали о походе, особенно после того, как впервые увидели яка. У этого длинношерстного животного даже ног не видно под густой шубой, они кажутся такими милыми и уютными и безропотно переносят поклажу на далекие расстояния. Мы бы не пошли далеко, чтобы не потеряться. Например, наняв проводника с парой яков, отправились бы в соседнюю деревню Вашиштх. Туда можно доехать на моторикше по довольно напряженной трассе за 20 минут. Вашиштх похож на Манали обилием гостиниц, магазинов, туристов и ширпотреба для туристов, но есть там и изюминка — горячие сернистые источники. Лечебная водичка наполняет мраморные бассейны для богатых людей, скромные купальни с деревянными перегородками для тех, кто победнее, она же щедро льется из колонок, доступных всем желающим.

Дорога в Вашиштх неописуемой красоты, с видами на величественные снежники. Мы представляли, как шли бы по ней с яками, а удивленные водители многочисленных транспортных средств тормозили бы от неожиданности и сигналили нам. Где-нибудь посреди дороги мы бы заставили проводника поставить палатку и разжечь костер и сварили бы обед, в упор не замечая признаков цивилизации. К сожалению, наш поход остался в мечтах, а в Вашиштх мы просто съездили на моторикше.

Там мы не поленились вскарабкаться по крутой лестнице в кафе с хорошим обзором на вершине горы. Сверху все прекрасно видно: и исцеляющихся водами местных жителей, и храм, зажатый со всех сторон домами и банями, и бирюзовую гладь бассейна, и синие горы вдали. За соседним с нами столом собралась компания из трех англичан и садху. Садху, завернутый в оранжевые тряпки, выделялся на фоне остальных черной бородой, нечесаной шевелюрой и взглядом человека, познавшего истину. Садху подсаживаются к иностранцам, чтобы их просветить, а за просветление учителей угощают обедом, чаем и

гашишем — бизнес такой. Но в этой группе разговаривал почему-то не садху, а англичанин средних лет, рыжий, в очках, с толстой тетрадью, исписанной цитатами. Он вычитывал в ней что-то о карме, смысле жизни и спрашивал: "Что вы думаете по этому поводу, садху?" Продвинутый собеседник почесывал бороду и отвечал что-нибудь вроде: "Духовные материи первостепенны. Любовь матери к детям — вот перед чем мы преклоняемся..." Но человек его не слушал, а искал следующую цитату. Садху тосковал, он то и дело бросал умильные взоры в нашу сторону, но не было повода отвязаться от нудного англичанина. Через полчаса бесед о духовных истинах и путях их достижения англичан вдруг спросил садху: "А где это вы купили такие чудесные ботиночки и сколько они стоят?" Довольный садху подробно им ответил, но он рано обрадовался, через минуту его снова погрузили в метафизические дебри. И садху забормотал устало: "Бесконечность бесконечна, мораль — наш долг, подчинение желаниям ведет в бездну". Спас его маленький мальчик, который быстро-быстро тараторил на своем языке и куда-то звал его. Наверное, он говорил: "Папа, папа, хватит в садху играть. Мама сердится, корова не доена, некому траву косить, пойдем отсюда". Садху грациозно поднялся, расправил одежды, кивнул всем с улыбкой, прощающей грехи, и удалился вслед за ребенком.

Как и большинство других туристов в Манали мы обедали в кафе Иш, откуда открывался чудесный вид на шумную речку Биах, или в ресторане Moon Dance. Порции в ресторанах рассчитаны на весьма прожорливых индивидуумов. Закуска "картошка жареная фри" горой возвышается на тарелке. Десерт "яблочные пирожки" это не два пирожка, а все двадцать. Когда приносят заказ, кажется, что столько невозможно съесть. Но на свежем горном воздухе получается. Алкоголь в Манали не популярен, зато курение — давняя традиция. Горы поросли конопляными кущами. Курят все и вполне свободно. Туристы в восхищении оттого, что могут курить повсеместно, и делают это особенно демонстративно. Достают зелье (в основном это чарас — очищенный гашиш) из специальной коробочки, толкут его, чуть ли не в ступе пестиком, перемешивают с табаком и забивают в трубку — чилим. Чилимы продаются разные, на все вкусы, есть даже инкрустированные драгоценными камнями, очень красивые. Туристы попроще достают чарас из ботинка, разминают в руке и скручивают косяки из газеты. Приобрести чарас можно в любом магазине. Официанты в ресторане непременно поинтересуются:

— Почем брали? — и ехидно заметят, что у них есть дешевле и лучше.

В ресторане еврейской кухни официанты почти всегда в разной степени обкуренные, поэтому свой заказ там надо ждать вечность. Мы повторяли несколько раз незамысловатый перечень блюд, которые хотели бы отведать: салат, сиззлер и жареный цыпленок, но видно у парня в одно ухо влетало, а в другое вылетало, цыпленка мы так и не дождались.

— Не включайте, пожалуйста, в счет жареного цыпленка, — обиженно заявили мы, когда пришла пора рассчитываться, — вы его не приносили!

— Какого цыпленка? — вяло удивился официант.

А в кафе "Вершина" официант постоянно извинялся.

— Вот ваш чай, — говорил он, — извините.

"Плюнул туда, что ли"? — недоумевали мы.

— Извините, ваш гамбургер, — виновато улыбался официант.

"Уронил, не иначе"!

— Извините, — подходил официант снова, — мне почему-то кажется, что я уже могу это забрать?

Но самые замечательные официанты были в кафе "Moon Dance". Мы восхищались их сильными, гибкими телами и невозмутимой грацией. Энергия в них бурлила и требовала выхода, и, чтобы как-то сбросить ее, эти пять дюжих молодцев постоянно переставляли стулья, столы и прилавки. А мы шептали друг другу: "Посмотри, какие у нас официанты! Когда мы пойдем с ними в поход"?

Однажды вечером в кафе Иш нас познакомили с женщиной из Австралии, учительницей английского языка у тайцев. Она с таким восторгом отзывалась о дискотеках в Манали, что мы почувствовали себя старомодными. Мы знали, что на дискотеках в Манали играет только транс-музыка, и не стремились туда попасть. Но Теннис, наша новая знакомая, предвкушала танцы и новые знакомства. Узнать, где будет дискотека ночью в Манали непросто, все указывают разные пункты сбора. Австралийская дама утверждала, что знает нужных людей. Мы договорились встретиться с ней вечером в кафе "Moon Dance." Неприлично не побывать ни на одной дискотеке!

В тот же день к нам привязался японец:

— Вы знаете русского диджея Сашу?

— Ну, знаем, — ответили мы.

— А он сегодня играет?

— Нет, ничего об этом не слышали.

— Жаль, — огорчился японец, — он всегда играет очень хорошую музыку.

Русского диджея Сашу мы встретили в Вашиштхе. Это был высокий парень с хвостом и жутковатой улыбочкой — черные

пеньки вместо зубов. Он живет в Индии уже двенадцать лет. Мы случайно познакомились с его другом: обедали в маленьком кафе при гостинице, и разговорчивый хозяин, узнав, кто мы такие, рассказал, что у него живут русские парни, и привел Виталия. Виталий оглядел нас критически:

— Если вы живете в Индии два года, то почему такие белые? — спросил он.

— Да, ты тоже не коричневый, — возразили мы. Он, по-видимому, имел в виду то, что мы отличались от местной европейской публики, не носили мятую одежду, причесывались и даже красились слегка.

— А зачем в Индию приехали?

— Учиться.

— Где там, в Бангалоре, можно учиться? — озадачился Виталий. — Буддизм, астрология или еще что-то?

Мы объяснили, что изучаем обычные предметы в университете, и духовных гуру пока не ищем.

Виталий был не разговорчив, но оставил свой московский телефон.

— Будете в Москве, звоните, если негде будет остановиться!

Через год с небольшим в славном городе Майсуре, на юге Индии, мы прогуливались с нашими друзьями Фирузом и Навбахор, студентами из Узбекистана. Они учились в Майсуре на журналистов. Чудесные люди, Навбахор — умница, отличница, Фируз — отзывчивый, очень гостеприимный, обаятельный человек. И вот на площади, перед шикарным, подсвеченным огнями дворцом Махараджи, пробирается к нам босой и обросший богодул. Ничего удивительного в этом нет, в Индии постоянно просят милостыню. Но этот тип вместо того, чтобы клянчить "бакшиш", интересуется, не угостят ли его мадам гашишем! Джентльмен Фируз пытается отогнать бродягу, объясняя ему на местном наречии (он умел общаться на многих языках) о том, что просьба его неуместна. Но бродяга лишь качает головой и тычет пальцем в нас с Жанной:

— Манали! — восклицает он. — Помните Сашу?

— Какого Сашу? — лепечем мы.

— Диджея Сашу, — удовлетворенно причмокивает губами нищий. — Я тоже знаю Сашу.

Кое-как от него отбились.

— Да-а-а, — протянул озадаченный Фируз.— Какие у вас знакомые, оказывается, есть колоритные!

Возвращаемся в кафе "Moon Dance", где у нас была назначена встреча с Теннис. Веселая австралийка сразу познакомила нас с друзьями. Одного из них звали Умар, а другого Алекс. Они не

признались нам, из какой страны прибыли. Алекс сказал только, что его брат работает в России, и сам Алекс несколько лет жил в России, и когда-то свободно говорил на русском языке, а теперь помнит только отдельные фразы. Все вместе мы отправились искать таинственную дискотеку. Сначала переправились через Биах, потом полезли на крутую гору и очутились в сосновом бору. Было темно и тихо. Тропинки находили с помощью фонаря.

— Куда мы сейчас тащимся? — прошептала Жанна. — И с кем? Ты знаешь этих людей? Я их сегодня в первый раз вижу! Они не из Ирана, не из Таджикистана, а говорят на фарси. Это наталкивает на мысль, что они из Афганистана! Зарежут нас где-нибудь тут под кустом. — Но у меня не возникло абсолютно никаких дурных предчувствий. Идти по темному лесу, неведомо куда, было легко и весело.

Вышли к какому-то строению, которое при ближайшем рассмотрении оказалось храмом, и сделали привал. Алекс пытался общаться с нами по-русски, мы отвечали на фарси. Все были пьяны и веселы, особенно Теннис. Парни восхищались ее способностью заводиться с пол-оборота. Из сумрака появились какие-то люди. Теннис накинулась на них с вопросами. Оправившись от испуга, люди сообщили, что никакой дискотеки они в глаза не видели. Но мы ее нашли! Через пол часа шатания по лесам набрели на пляшущих в темноте евреев. Их выдавала музыка. Танцполяна не была освещена, всю энергию забирала хрипящая музыкальная система. В лунном сиянии покрашенные в разные цвета люди выглядели загадочными пришельцами с иных планет.

Теннис сразу растворилась в толпе танцующих. Алекс, сославшись на головную боль и нелюбовь к таким развлечениям, исчез в какой-то сторожке. Умара мы плохо запомнили в лицо, может, он и был где-то рядом. Немного попрыгав вместе со всеми, мы утомились. Они все заправились экстези и другими стимуляторами, и могли теперь скакать до рассвета. А нам, отведавшим немного простого пива, музыка только резко била по ушам. На поляне не продавали веселящие напитки, да что там говорить, ничего не продавали, нельзя было достать даже минеральную воду. К тому же мы потеряли фонарь, и не могли уйти, пока не рассветет. Так и дремали на травке. Утром, вернувшись домой, долго выбирали из одежды колючки. Больше на дискотеки в Манали мы не ходили.

В кафе "Moon Dance" постоянно крутится у столиков мальчишка лет двенадцати из семьи бангладешских беженцев. Родители его и другие родственники остались в Калькутте, а пацан прижился в Манали. Он дружит со многими клиентами

кафе, однажды подошел и к нам:

— Вы из какой страны?

— Из России.

Он подумал и выдал тираду:

— Россия была большая страна, силища, а теперь уже не то. Рассыпалась на куски.

— Ты что в школе учишься, да? — рассмеялись мы.

— Нет, я новости смотрю. Все время люди с автоматами. Трах-тарарах. Скажите мне что-нибудь по-русски.

— "КАК ТЕБЯ ЗОВУТ", — предложили мы. Мальчишка старательно заучивал эту фразу.

— Теперь я не забуду этого никогда, — хвастался он. — Не забуду вас и "КАК ТЕБЯ ЗОВУТ" не забуду. Нас Хоссайн действительно помнил, а вот фразу "КАК ТЕБЯ ЗОВУТ" учил каждый день заново.

— Красивые вы, очень красивые, — твердил он. Наконец, мы не выдержали:

— Ты тоже красивый!

С тех пор он ходил важный, бил себя в грудь и говорил: "Я красивый"!

— Почему вы встречаетесь с Алексом?! — возмущался Хоссайн. — Он что вам нравится?

— Прикольный парень, — не отпирались мы.

— Если полюбите Алекса, — пригрозил Хоссайн, — я его убью.

Десять дней в Манали пролетели быстро, уезжать не хотелось. Мы так и не выбрали время для похода, не съездили в Ладакх, расположенный еще ближе к суровым, безмолвным вершинам (правда, добираться туда надо два дня на автобусе от Манали, с ночевкой в пути). Мы не посетили тибетские монастыря и буддистские храмы. Нужен хотя бы месяц! Устроиться бы на работу в организации вроде Lonely Planet, Discovery, Клуб путешественников. Тогда всю жизнь можно ездить по планете в свое удовольствие, открывая для себя и других что-нибудь неизведанное, да еще получать за это зарплату!

До сих пор помню, как медлили мы, прежде чем войти в автобус, который увезет нас в Дели из благословенной земли Ману. Мы передавали друг другу внушительный, склеенный из двух бумажечек Rizla, косяк, затягиваясь ароматным чарасом. Наверное, только в Манали чарас пахнет так вкусно, и безмятежная атмосфера гор и облаков манит попробовать веселящую травку даже тех, кто безразличен к таким развлечениям.

Глава 12. В индийском Голливуде

Мы вернулись из Манали в Бангалор к началу занятий и в день приезда встретили на улице Ананда. Ананд — молодой кудрявый индиец, завсегдатай бангалорских дискотек, очень толстый и темный, с обиженно оттопыренной нижней губой, похожий на бегемотика. Длинные волосы он завязывал в хвост.

— Как здорово, что я вас встретил! Именно сегодня! Вам несказанно повезло!

— ???

Выяснилось, что в Бангалоре как раз идет shooting — съемки тамильского (за что не ручаюсь) фильма, и Ананду поручили рекрутирование массовки.

— Я вас беру! Это очень интересно. И деньги заработаете.

— Вообще-то, нам надо ходить в колледж.

— В колледж всегда успеете! А shooting бывает не каждый день.

— Но мы же ничего не умеем делать...

— А ничего и не надо делать!

Надо сказать, что предложения сниматься в кино мы слышали неоднократно, но наши иранские друзья неизменно отговаривали нас. Они уверяли, что нет в мире людей опаснее тех, которые занимаются кастингом. Их предложения всегда звучат заманчиво и невинно. Они обещают роскошный антураж, славу, деньги за съемку в каких-нибудь приличных сценах вроде восстания сипаев, но на самом деле их интересуют только порнофильмы. Они обязательно воспользуются нашими ангельскими ликами и приставят их к голым развратным телам, а потом нашлепают эти фотографии на коробки с дешевым нижним бельем. Осрамят на весь свет и по деньгам надуют. Стоит один раз согласиться участвовать в съемках, и, как веревочке не виться, а результат один — опустимся мы на моральное дно.

Но в тот момент друзья гостили в Иране, а мы были предоставлены сами себе.

— Пойдем, а? — подзуживала меня Жанна. — Персам ничего не скажем.

— А кем мы будем в этом вашем shootinge? — колебалась я.

— Да просто студентами, — ободряюще засмеялся Ананд. — Вы же хотели учиться. Вот и будете учиться, но в кино.

— Разве он похож на сутенера? — толкнула меня в бок Жанна.

— Нет, только на бегемота, — вынуждена была согласиться я.

— Приходите вот по этому адресу завтра к девяти утра, —

объяснил Ананд, сообразивший, что мы сдались на уговоры. — Одежда ваша, все, как обычно.

— На следующее утро мы подъехали к какой-то огромной plaze и пару часов слонялись без дела. Как всегда, в Индии никто никуда не торопился. Тем не менее, отлучаться куда-либо, нам не позволили.

— Будьте здесь. В любой момент может начаться action.

От других статистов нам удалось выяснить, что сегодня будут снимать сцену в ночном клубе.

— Вот и верь твоему хваленому Ананду, — буркнула я.

— В ночном клубе даже интереснее! — тряхнув кудряшками, сказала Жанна.

В помещение, где проходили съемки, напустили искусственного дыма, который должен был изображать сигаретный смрад, и включили подсветку. Нас усадили за столики. Хозяин бара, подмигнув нам, наполнил кеги пивом.

— Ну вот, — обрадовалась Жанна, — хоть посидим по-людски.

Наконец-то привели главного героя. Его усадили за стойку, уставленную пивными кружками, и закапали глаза слезоточивой жидкостью. В этой сцене герой должен был неумеренно пить, думать о своей возлюбленной и рыдать. То ли она его отвергла, то ли он вообще не знал, как к ней подступиться, а может, у него были еще какие-то серьезные проблемы. Не так-то легко узнать, в чем суть действия индийского фильма. Создается стойкое впечатление, что сценарий пишется по ходу дела, а актеры знакомятся со своей ролью уже на съемочной площадке.

Итак, юноша Кунил плакал над кружкой. А мы создавали фон, и тоже готовы были разрыдаться от избытка въедливого дыма.

В тот день была отснята еще одна сцена — наши танцы на дискотеке. Дыма было столько, что актеры начали по-настоящему задыхаться, кашлять и кричать: "Воздуха!"

Музыка громыхала, поэтому вопли статистов никто не слышал, а наши гримасы и корчи сошли за экстаз, в который ввергла нас убойная индийская дискотека.

Вечером нас подбросили до дома на мини грузовичке приятные юные студенты. Они поведали нам о том, что фильм будет о любви, что играет в нем сама Сонали Бендре — очень известная индийская актриса, и никому неизвестный начинающий актер Кунил.

— Как? Вы не знаете Сонали Бендре? — изумились студенты. — Впрочем, вы, наверное, не смотрите индийские фильмы.

Они охарактеризовали Сонали Бендре, как очень красивую,

длинноногую, с потрясающей фигурой, но заносчивую актрису. Она ни с кем из них не согласилась сфотографироваться.

— Эта актриса получает 50 тысяч рупий за съемочный день! — восхищались коллеги по актерскому ремеслу.

Н-да. Мы получили всего-то по 350 рупий, меньше 10 долларов.

— И все-таки мы их сами заработали, — не сдавалась Жанна, — и пива выпили, чем плохо? Не пошли бы, сколько своих денег профукали! А со съемок никуда не выпускают, кормят, хочешь, не хочешь, а сэкономишь.

Мне тоже shooting пришелся по вкусу. К тому же в Манали мы поистратились, и деньги были кстати.

На следующий день нам довелось увидеть Сонали Бендре. Народу было гораздо больше, чем в ночном клубе. Снимали огромный конференц-зал, где учителя вручали Сонали Бендре, в благодарность за отличную учебу, позолоченный приз, похожий на гигантскую пепельницу, а мы, сидевшие в зрительном зале, неистово хлопали ей. Приз был внушительных размеров, и Сонали явно злилась на его немалый вес. Но куда же ей деваться от лавров?! Вчерашний плачущий герой тоже был здесь, он хлопал громче всех и от души радовался успехам возлюбленной.

Мы получили денежки, а режиссер сказал:

— Завтра вы должны прийти на съемку в пять утра.

— Еще чего? — возмутились мы.

— Ни в коем случае не опаздывать!

Обычно я не могу разбудить Жанну к началу занятий в колледже, ни к первой паре, ни даже ко второй. А тут, представьте себе, она встает в четыре утра, съедает тарелку пельменей, потому что индийская пища (особенно дармовая) непитательна, и мы, одевшись потеплее, мчимся на моторикше к зданию Vidhana Soudha, рядом с которым будет проходить обещанный shooting. Что это, тяга к искусству или все же банальные меркантильные помыслы?

Vidhana Soudha — что-то вроде местного Кремля, здесь заседает правительство штата. Это внушающее уважение гранитное здание с колоннами и львами, конечно же, памятник архитектуры и визитная карточка города. По сценарию фильма Бангалорский Кремль — обыкновенный колледж, где учатся Сонали и Кунил, а также наши скромные персоны. Киношникам необходимо было снять сцену, в которой студенты утром идут в колледж. Им разрешили с условием, что утро будет очень ранним, и съемки не помешают работе министров. Мы собрались во тьме и мгле неприветливого июльского утра. Оно выдалось на редкость туманным. Съемки не начинались, но нас никуда не

отпускали.

— Вот-вот туман развеется, и будем снимать.

Сонали Бендре приехала к восьми часам.

— Какая вопиющая наглость! — орала Жанна. — Они могли бы всем сказать прийти в восемь. Что за отношение?!

Чувствовалось, что Жанна возненавидела Сонали всеми фибрами своей невыспавшейся души. Но приезд актрисы никак не ускорил события. На ровно подстриженной травке под окнами кабинетов министров мы расстелили кашмирские шали и, прижавшись друг к другу, легли досматривать прерванные сны. Индийцы только улыбались и разводили руками:

— Ох уж эти иностранки!

Шло время, туман исчез, но никто не торопился нас будить. Мысль о том, что все уже ушли, не давала мне покоя. Зря беспокоилась, про русских звезд никто не забыл. Часиков в одиннадцать всех собрали и отвезли в полуразрушенный дворец. Они пропустили утреннее время, положенное им для съемок у здания правительства, и решили вместо этого снять интерьер класса, в котором мы все учились. Мы с Жанной сидели за первой партой, а Сонали — за второй, но на вопросы учителей блестяще отвечала она. Кунил непрерывно пялился на нее со своего места у окна.

— Так, Ананд, за этот день ты даешь нам по пятьсот рупий, — попробовали мы накатить на нашего протеже.

— Что случилось, девочки? — взмахнул ресницами Ананд.

— Это был долгий день, Ананд. Очень долгий. Ради чего мы вставали в такую рань?

— Девочки! Это работа. Вы знаете, сколько платят остальным ребятам? Половину того, что получаете вы, — стыдил нас Ананд. — А с вас я даже не имею никаких комиссионных!

— Пятьсот рупий, Ананд. Иначе мы больше не придем.

— Вы не можете не прийти! — всполошился Ананд. — Вас уже задействовали в нескольких сценах. Вдруг придется что-либо переснять?

Пятьсот рупий он так и не дал, чем очень нас обидел. На следующий день мы не пошли сниматься. Тем более, что нас опять попросили приехать к пяти утра (вдруг тумана не будет).

— Здоровье дороже, — решили мы, — не хватало нам почки отморозить на министерских лугах.

Вернулись персы, привезли фисташек, угроза голода перестала существовать.

Мы не смотрели этот фильм, не знаем, сохранились ли в нем сцены с нашим мимолетным участием. Но одну песенку из него довольно долго передавали по каналу V, где показывают

музыкальные клипы. Мы поделились с персами опытом работы в их отсутствие. Оказалось, что им тоже известна Сонали Бендре, и они жалели о том, что не удалось увидеть ее воочию. Начались студенческие будни.

Впрочем, скоро знакомая из Ирана, персидское имя которой, Маниджа, все произносили на индийский лад — Маниша, а чаще просто называли Мама — джан, повезла нас на новый кастинг. Маниджа — женщина лет сорока пяти, жила в Индии с двумя взрослыми дочерьми. Армянка по происхождению, христианка, она в молодости вышла замуж за иранца из известной тегеранской семьи. В Иране веками живут армянские колонии и хранят свои обычаи. Без памяти влюбленный иранец не обратил внимания на увещевания шокированной семьи. Маниджа обладала особой яркой и тонкой красотой, хрупкостью и нежностью, трогательной беззащитностью, перед которой он не мог устоять. К тому же она прекрасно танцевала испанские и арабские танцы. Но супружеского счастья не получилось. Хотя, как рассказывали персы, у Маниджи было все, чего может пожелать капризная женщина. Но ей было неуютно в огромном доме с бассейном и слугами, в доме с чуждыми ей традициями. Когда дети выросли, она покинула своего нежного супруга и переехала в демократичную Индию. Сын остался с отцом, а дочери последовали за Маниджей. Они жили втроем в маленьком домике по соседству с нами. Дочки учились в колледже, отец оплачивал их образование, но на содержание давал мало денег, так как обиделся на упорхнувшую жену. Дочки бывали в Иране, Маниджа туда больше никогда не ездила. Они вели полубогемный образ жизни, у них постоянно гостили артисты, музыканты, художники и случайные люди, относившие себя к высокому искусству. Как-то нас познакомили с иранским художником, который делал свои картины из обычных перьев. Его мастерство было настолько уникальным, что государство Ирана превратило дом, где он жил, в музей. Все, что он делал, непременно становилось национальным достоянием: ни продать, ни вывезти свои картины из страны он не мог. Мы видели книгу с репродукциями его картин. Поверить, что такие фантастические полотна сделаны из простых куриных перьев просто невозможно! От вдыхания паров ядовитых красок, которыми он пользовался, чтобы выкрасить перья, художник заработал рак легких, и решил не дожидаться смерти в постели, а все отмерянное ему время провести в путешествиях по миру. Вот мы и встретились с ним в Индии. Маниджа давала уроки танцев, выступала с небольшими сольными концертами и часто участвовала в различных мероприятиях, связанных со съемками фильмов.

Она одевалась довольно странно, в длинные юбки темных тонов и сильно декольтированные блестящие блузы, носила шейные платочки, вуали, перчатки, отороченные мехом, держалась вежливо и скромно, застенчиво улыбалась и смотрела рассеянно-грустными красивыми, всегда выразительно подкрашенными глазами. Трудно было поверить, что эта тихоня решилась на такой серьезный шаг — покинуть дом, мужа и уехать в чужую страну. Наши знакомые иранцы считали ее не от мира сего, но никогда не порицали за такую нехарактерную для восточной женщины самостоятельность, не сплетничали на ее счет, напротив, помогали маме-джан (дорогой мамочке), если она нуждалась в помощи, и обращались с ней бережно и ласково.

Маниджа представила нас одному бангалорскому семейству, которое годами нанимало людей для съемок в массовках. К ним часто обращались продюсеры, если фильмы снимались в Бангалоре, Майсуре и других городах южной Индии.

Заправляла в семье тетя Сушила, бабуля лет семидесяти, как будто бы больная (она все время сидела в кресле), но очень хваткая. Она решала, сколько мы будем получать за съемки, угощала нас кофе и печеньем, смеялась, когда мы набивали себе цену. С виду она казалась обычной домашней бабусей, но с мафиозным ореолом при внимательном рассмотрении. Все называли ее просто Aunty. На съемки с нами ездила ее дочь, большая румяная баба, в самом расцвете сил, пышечка (таких же, но игрушечных, сажают на русские самовары), и два агента телохранителя Равви и Фируз.

С внучкой Сушилы мы не общались, а кроме них троих и служанки, в квартире, кажется, никто не жил. Квартира была просторная, но не примечательная, обстановка там имела довольно подержанный вид. Не характерной для индийского дома деталью был бар со стойкой и обилием бутылок и разнокалиберных рюмок.

После знакомства с семьей тети Сушилы, мы не оставались без дела.

Больше всего мы заработали на съемках фильма "Албела". Длились они долго, съемочная группа приезжала в Бангалор три раза с промежутками по пол года. Мы шутили, что "Албела" — это фильм нашей жизни. Слово "албела" переводится, как деревенский дурачок. В будущей комедии был задействован самый известный индийский комедийный актер Говинда — задорный толстячок в немыслимо безвкусных нарядах. Еще там снималась Айшвария Рай — королева красоты, победившая на конкурсе "Мисс Мира" в 1994 году. Это имя для индийцев свято, девушка из маленького индийского городка (по-моему,

Мангалора) завоевала мировую славу. Героя любовника играл не менее известный, но стареющий актер Джеки Шарофф. По незамысловатому сценарию герои приезжают в Швейцарию. Айшварию помолвлена с Джеки, но встречает веселого дурачка Говинду. Непосредственность и простые шутки Говинды трогают ее больше вздохов унылого седеющего Джеки. Швейцарию снимали в Бангалоре. Потребовались иностранцы, чтобы у зрителя не возникло подозрения, что эта европейская страна сплошь заселена индийцами. Наконец-то можно было смело надевать такие наряды, в которых в Индии без угрозы для жизни и целомудрия по улице не походишь: вечерние платья, короткие юбки, сарафаны и топы. Еще имидж надо было менять, потому что мы изображали разных иностранцев.

В первый день съемок нас с Жанной пригласили в пятизвездочный отель "Тадж". В номере, который переоборудовали под кафе, поставили два столика, один для нас с Жанной, другой — для Айшварии Рай и Джеки. Действовать нужно было следующим образом: медленно-медленно пить оранжевую миринду (софт дринк, похожий на фанту) и непринужденно общаться. Джеки сначала ждал возлюбленную один, потом впархивала Айшвария, подкрадывалась к Джеки сзади и закрывала ему глаза.

В перерывах мы пили дорогостоящий "пятизвездочный" чай в соседнем номере, Айшвария пела песенки и улыбалась. Мне нравилось ее смуглое красивое лицо с зелеными глазами. Она завещала свои глаза слепым. Любопытно, что при росте один метр шестьдесят пять сантиметров она попала на конкурс Мисс Мира, я думала, что только высокие девушки могут на это рассчитывать. Айшвария Рай снималась во многих фильмах, но во время нашего пребывания в Индии ее считали больше моделью, чем актрисой. Айшвария — лицо фирмы L"Oreal, она же рекламировала швейцарские часы. Не смотря на любовь народа, фильмы с ее участием часто проваливались, считалось, что ей не хватает искренности и душевности, чтобы потрясти индийскую публику. А сейчас она самая высокооплачиваемая актриса Болливуда. Снятая в 2002 году эпическая любовная мелодрама "Девдас" стала главным кассовым хитом в Индии. Это первый болливудский фильм, который попал на Каннский фестиваль. Айшвария произвела там фурор. Джулия Робертс назвала ее самой красивой женщиной в мире. На следующем фестивале Айшвария удостоилась чести быть членом жюри. Теперь она снимается в голливудских фильмах с Бренданом Фрейзером и Диконом Мандермоттом.

Джеки угощал нас печеньем и пытался развлечь беседой, не

выходя из привычного амплуа героя-любовника. По-моему, ему надо было бросить это дело лет двадцать назад.

— Так на кого вы учитесь в Бангалоре, на врачей? — поинтересовался Джеки.

— Нет, — ответили мы.

— Доктор, можно я прилягу, — пошутил Джеки, то ли оглох, то ли ему жаль было расставаться с идеей, что мы врачи.

— Другой раз, — отмахнулись мы.

На следующий вечер пригласили большое количество людей. Вестибюль пятизвездочного отеля заняли под съемочную площадку. По сценарию герои прибывали в швейцарскую гостиницу. Али, который до недавнего времени бил себя в грудь и заявлял, что сниматься в кино — это недостойный бизнес, был несказанно рад, когда его пригласили в нем поучаствовать, и привел с собой целую ораву иранцев.

Одеваться надо было ярко, как на чудесных курортах Гоа, наверное, для того, чтобы составить хорошую компанию Говинде, всегда разодетому на зависть попугаям. Снимали ночью. Роли были проще некуда. Всю ночь надо было ходить по вестибюлю гостиницы, присаживаться на диваны, беседовать, вставать и снова ходить. Комик Говинда оказался дотошным актером. Всякий раз, когда сцена была отснята, он говорил:

— Я бы хотел еще дубль.

— Да нормально вышло, больше не надо, — возражал режиссер.

— Я бы хотел, чтобы получилось еще лучше, — не уступал Говинда.

Али досталась роль администратора гостиницы. В костюме он выглядел представительным и важным и просто лучился от счастья. Все другие иранцы тоже были довольны. В их стране индийские фильмы популярны и актеры известны публике.

Так вышло, что у нас с Жанной была самая "иностранная" внешность, и нас задействовали почти во всех сценах. Однажды мы наперекор замыслу режиссера, явились в классических черных вечерних платьях. Режиссер решил, что это удачная задумка, и всю массовку постарались переодеть под нас. В перерывах между съемками я и персы сфотографировались с Айшварией и Говиндой. Жанна оказалась такой же спесивой, как и Сонали.

— Чего ради я буду фотографироваться с людьми, которых у нас никто не знает?

Фильм "Албела" казался нам довольно бессмысленным. Возможно, смысловую его часть снимали где-то за пределами Бангалора. На нашу долю достались гостиницы, парки и рестораны. Куда бы не направлялись герои, пообедать или

погулять, мы с Жанной неотступно следовали за ними. То присаживались за соседним столиком, то выскакивали из бассейна у них за спиной. Конечно, жаловаться было не на что. Нас возили по самым элитным клубам Бангалора: "Нефритовые сады", "Обретенный рай", "Клуб Кабана"... У нас были красивые роли — лежать в шезлонге, прыгать в бирюзовую воду, брызгать водой в героев, сидящих у кромки бассейна.

Один раз произошел курьезный случай. У нашей подруги слетел лифчик в момент, когда режиссер скомандовал "Action", и она выпрыгнула по пояс голая из воды позади ничего не подозревающих Айшварии Рай и Джеки. А бюст у нее был впечатляющий. Режиссер побледнел (русский бы так не растерялся) и пробормотал:

— Переснять.

Стоит ли рассказывать, как много было желающих сфотографироваться с нами. Мы отсылали их к Айшварии Рай, Джеки и Говинде.

— Кто у вас звезды отечественного кинематографа? А? Вот и идите к ним. А мы так, простые, внештатные нимфы.

Глава 13. Без ума от cinema

— Не знаю, не знаю, — похрустывает пальцами тетя Сушила, — где я вам возьму зрелых иностранцев? Заранее надо было предупреждать. А то явились, как гром среди ясного неба... Берите тех, что есть.

Необходимо срочно снять передачу для телевидения "Новые веяния в медицине". Задумано так, будто международная конференция на эту тему прошла в Бангалоре. Съехались иностранные профессора, специалисты в области медицины. А этих профессоров должны играть мы — бангалорская банда иностранных студентов.

Режиссер с тоской глядит на наши юные лица, на хитрые улыбки киргизок, на бровастых иранцев, больше похожих на террористов, чем на профессоров, на желтые кудряшки Жанны...

— Ладно! — машет он рукой. — Подходите к шести часам вечера. Форма одежды парадная. Загримируем.

К назначенному часу мы поднимаемся в конференц-зал очередной шикарной гостиницы. Длинный стол, экран, проектор. Всем цепляют бейджики и раздают папки. У принарядившихся в костюмы иранцев вид стал серьезный и солидный. Двух самых ценных студентов с лысинами усаживают поближе к камере. Али получает главную роль. Он будет стоять у экрана, с указкой, и говорить речь. Талайгуль будет менять слайды, а остальные слушать и задавать вопросы. Гримеры химичат над нами тут же на месте. Мне зачесывают назад волосы и завинчивают их в гульку, а ля Шапокляк, потом добавляют интенсивной седины. Я даже не хочу смотреть на себя в зеркало. Гример берется за Жанну, но ее золотые кудри не поддаются никаким усилиям. У Жанны остается легкомысленный ненаучный вид, как будто бы бесшабашная медсестра наглым образом проникла на наш супернаучный симпозиум.

Все происходит в быстром темпе, мы занимаем свои места, Али с указкой подкрадывается к друзьям и бьет по лысинам. Режиссер хмурится и просит его занять позицию у экрана.

— Когда я скомандую "Action", начинайте говорить речь. Не важно, о чем вы будете рассказывать, главное, не запинайтесь. Все равно вашего текста не будет слышно, его заглушит перевод на каннада.

— О чем же я буду говорить? — задумывается Али. Не так уж это просто, когда на тебя наведена камера и глядят сорок пар внимательных глаз. — Новые веяния в медицине..., — бормочет Али, ища вдохновения.

— Action! — командует режиссер.

— Зубы! — объявляет Али, не дрогнув. — Итак, друзья мои, поговорим сегодня о зубах, о связанных с ними болезнях и о методах их лечения и профилактики.

На экране мелькают какие-то схемы, Али не забывает подкреплять свою речь тычками указки в разноцветные картинки. Очень хочется смеяться, но надо фиксировать услышанное в ноутбуке. Приходит моя очередь задать вопрос Али.

— Скажите, доктор, а бывают треугольные зубы?

— При правильной технике чистки зубов они всегда будут ровные и блестящие. Но если чистить зубы неправильно, они стачиваются и могут стать треугольными или вовсе исчезнуть...

В общем, это была удачная конференция, с настоящим кофе-брейком. Операторы снимали все, даже то, как профессора поглощают кофе с печеньем. Все поздравляли Али с блестящим выступлением, а режиссер пожал ему руку.

Позже иранцы посмотрели эту передачу, мы с Жанной по каким-то причинам ее увидеть не успели. Передача действительно была на каннада, и мы так и не узнали, в чем именно заключались новые веяния в медицине. Да и не важно было тогда. Это сейчас задумываешься, в каких только акциях не приходилось участвовать!

Например, мы боролись со СПИДом. В Бангалоре объявили неделю борьбы с этой чумой двадцатого века, и сотрудники ICCR собрали всех своих подопечных иностранных студентов. Два дня мы дружной интернациональной толпой рисовали плакаты со шприцами, презервативами, соблазнительными красотками и рыдающими инфицированными. А потом участвовали в демонстрации, которая проходила по центральным улицам города. К демонстрации подключился клуб любителей старинных машин, они устроили Vintage Car Rally — пробег старинных автомобилей, и процессия получилась очень эффектной. Мы ехали в автомобилях, украшенных флагами наших стран. Многие студенты принарядились в национальные костюмы, но мы с Жанной были одеты как обычно, обошлись без сарафанов и кокошников. Некоторым студентам организаторы акции выдали костюмы презервативов. Розовые и желтые презервативы в человеческий рост лихо высовывались из кузовов ландолетов, на остановках молодые люди с удовольствием ловили визжащих индианочек, чтобы вручить им агитки. Мы тоже раздавали листовки и настоящие презервативы гуляющим по улицам гражданам. А кое-что припрятали на сувениры друзьям. Нас с Жанной везли по городу два Сандипа, один — владелец машины, а другой — его друг. Они были наряжены в большие ковбойские

шляпы и в высокие сапоги, стараясь во всем соответствовать очень загорелым техасцам. После демонстрации все поехали в клуб, где владельцы машин угощали студентов пивом и соком. Эти Сандипы потом еще долго названивали нам домой, видимо, неделя борьбы со СПИДом запомнилась им очень хорошо.

Мы же отправились в Хасан на международный симпозиум на тему СПИДа и секса. Нас расселили в больничных палатах новомодной Хасанской больницы, огромной и подозрительно пустой. В городе Хасане делать было абсолютно нечего, поэтому мы исправно слушали доклады индийских докторов и выступали сами с рассказами о том, какие меры против распространения СПИДа принимают в наших странах. Специально приглашенный человек, инфицированный СПИДом, поведал нам свою поучительную историю.

Помнится, как парень из Эфиопии, наслушавшись лекций об осторожном поведении с дамами и мерах безопасности, откровенничал:

— Да если мне понравилась девушка, если я весь горю, какого черта я стану выспрашивать, что там и где у нее было? Да мне в такой момент вообще наплевать, есть у нее СПИД или нет!

Всех делегатов симпозиума возили на экскурсии в храмы Белура, Халебида и Шраванобелаголы. Храм Чаннекешавы в Белуре начали строить в 12 веке в честь победы династии Хоясала над династией Чола. Храм Хоясалесвара в Халебиде строился в то же время, но не был закончен. Оба храма украшены живописной и подробной резьбой: боги, святые, люди, животные, птицы высечены с дотошностью и завидным терпением. Вязь с эротическими сценами и телесными хитросплетениями дали нам некоторое представление о славной Камасутре и знаменитом храмовом комплексе в Каджурахо. Надо признать, симпозиум оказался познавательным не только в плане СПИДа, но и по части секса. Завороженных делегатов трудно было оторвать от святых мест. Все купили себе на память по шивалингамчику.

Шраванобелагола — один из старейших и важнейших центров паломничества джайнов. Название города переводится как "Монах Белого Пруда".

Джайнизм — одна из религий, последователи которой стараются достигнуть чистоты духа и освобождения, прибегая к практике сурового аскетизма. Джайнские монахи отказываются от одежды (ходят облаченными в пространство) и обладания другими вещами, милостыню они принимают в сложенные ладони. Они носят при себе метелку, чтобы сметать с дороги муравьев и жуков, и прикрывают рот куском ткани, чтобы случайно не заглотить мошку. По вере джайнов все вокруг:

деревья, цветы, камни — живое, и человек должен стремиться не причинять насилия. Только воплотившись в мире человеком, можно достигнуть освобождения. У джайнов нет богов, но они почитают своих великих учителей. Одного из этих учителей — Бахубали изображает семнадцатиметровая статуя в Шраванобелаголе. Статуя находится внутри храма на горе Индрагири, в храме нет крыши, а стены достигают уровня груди статуи. Чтобы посмотреть на Бахубали, нужно преодолеть лестницу в 614 ступеней. Обувь оставляют внизу, у подножия холма. Статую высекли из гранита в 981 году. Это самая высокая монолитная статуя в мире. Каждые двенадцать лет к Бахубали стекаются тысячи паломников и поливают ее кокосовым молоком, топленым маслом, простоквашей, посыпают орехами, маковыми зернами, бананами и шафраном. Последний раз это случилось в 2005 году.

Все участники симпозиума сфотографировались где-то под ногами гигантского монаха. Это один из самых впечатляющих храмов Индии, удивительно гармоничны статуя, грубоватые стены и бескрайнее небо над головой, и спускаясь вниз по древней лестнице, чувствуешь величие и торжество творческого духа.

В другой раз к помощи иностранных студентов воззвало Общество по пересадке органов. Мы должны были участвовать в демонстрации и знакомить жителей Бангалора с идеей донорства. Нам выдали плакаты, на которых были надписи двойственного значения. Например: "Have a little heart" ("Имейте чуточку сострадания" либо "Возьмите маленькое сердце") или "Lend your hand" ("Протяни руку помощи" либо "Одолжи свою руку"). Добровольцам предлагалось заполнить бумагу, согласно которой, в случае мозговой смерти, они готовы отдать свои органы другим страждущим. Будучи суеверными, мы таких бумаг не подписывали. Но от нас этого и не требовалось, лишь бы несли плакаты и позировали для снимков в газету. Передовая статья в ней гласила: "Молодежь всего мира призывает граждан делиться органами друг с другом". Нечего жадничать.

На следующий день организаторы демонстрации пригласили всех участников на пикник за город. Мы боялись, что там за городом они заберут наши органы и готовились драться. Но больше о "работе" никто не говорил. Индийцы выставили много выпивки, и в результате все студенты радостно плясали на полянке, а потом их развезли по домам.

Так что иностранные студенты в Индии — это группа, востребованная для широкого спектра мероприятий. Вся жизнь, как кино. Но вернемся к нашим фильмам.

Следующие съемки проходили в местечке с ласковым названием Ути. Ути — это индийский горный курорт, с чайными плантациями, озерами, водопадами, ботаническими садами, расположенный в Тамилнаду. Там проживает немногочисленное племя людоедов Тода, которое вполне мирно соседствует с пришлыми жителями и демонстрирует туристам за деньги некоторые свои безобидные ритуалы. Здесь же проходят грандиозные выставки цветов, развлечение, привлекающие в Ути толпы индийских граждан и опережающее по рейтингам популярности любование закатами. В Ути продают шоколад домашнего изготовления. Это место считают идеальным для влюбленных, поскольку тут много живописных укромных уголков.

Нас поселили в скромной гостинице, а на съемки возили на автобусе к особняку махараджи. Сам махараджа давно проживает в Америке, но собственность свою в Индии не распродает. Его дома и дворцы сейчас используют только для shooting. В особняке снимали сцену свадьбы главных героев и записывали финальную песню. Не помню названия этого фильма, но главного актера, спокойного, с мужественным обликом, человека, звали Сунил Шетти. Он часто снимался в боевиках. Его жена с двумя детьми тоже приехала в Ути. Рассказывали, что она повсюду за ним ездит, чтобы не расслаблялся. Жена красивая, светлокожая, с аристократическим достоинством, родом из Курга, была похожа на грузинскую княжну. Актрис на съемках было две: Джухи Чавла, а другую не помню, может быть Пуджа, а может, и нет. По сценарию фильма Сунил женился во второй раз. Первую жену он очень любил, но потерял в катастрофе. Для съемки сцены свадьбы привели настоящего брахмана, видимо решили сэкономить на эпизодической роли. Актеры испугались:

— Если это брахман, он нас и правда поженит! Это невозможно, у нас уже есть семьи.

— Ничего, ничего, — стал успокаивать их режиссер, — мы попросим отца брахмана читать все мантры наоборот, тогда свадьба будет ненастоящая. На том и условились. Голый по пояс отец брахман коварно кивал. Мы были гостями на свадьбе Сунила и Джухи, ходили кругами и обсыпали жениха и невесту какой-то мелкой крупой.

В последующие дни съемки продолжались. В доме героя собрались гости. Сунил и Джухи их принимали, но при этом Сунилу казалось, что его прежняя жена тоже присутствовала в доме. Она бродила по залам и по лестницам в виде духа, благословляющего его второй брак.

На этот раз иностранки были не к месту, и мы играли индианок. Дочь Сушилы выделила нам шикарные сари из своего

гардероба. Мы нарядились. Быть может, нечто подобное чувствовала Наташа Ростова, когда впервые приехала на бал. И я испытывала восторг и ликование, блуждая по старинному залу, по запущенному парку с тенистыми тропинками, беседками и полянами алых маков. Казалось, что тихому заброшенному особняку вернули жизнь: зажглись огромные люстры, нарядные люди заспешили по гладким паркетным полам, современный мир куда-то запропастился. Все мы — люди из замка спящей красавицы, погруженные в сон лет сто назад и ожившие с приездом съемочной группы. Восторженные взгляды приятно будоражат кровь. Сари прекрасный наряд и мне идет, его только надевать муторно и ходить в нем непривычно.

— Чудесно! Очень хорошо! — восклицает режиссер и подводит меня за руку к Джухи Чавла.

— Встаньте вот сюда. Сейчас вы будете беседовать с Джухи, как подруги. Ближний план.

Мы с Джухи улыбаемся друг другу, и я готовлюсь задать ей несколько несложных вопросов. На нас наводят камеру. Нещадно жарят лампы. Режиссер смотрит в объектив:

— Нет. Так не хорошо. Непонятно, где героиня. Вы, пожалуйста, лучше сядьте.

И меня убирают из сцены. К Джухи ставят тетеньку постарше. Пусть лучше с родственницей беседует, чем с такой подругой. Я же теперь снимаюсь в сценах с Сунилом.

Сунил играет на рояле и поет песню, я смотрю на него, опершись на рояль. Сунил стоит рядом со стойкой в баре и поет, я слушаю его, прихлебывая коктейль. Сунил идет к стайке девушек в сари размеренным шагом под патетическую музыку. И поет. Приостановившись рядом со мной, актер выдает особенно вдохновенную руладу. Петь Сунил не умеет, поэтому, когда включают фонограмму, он просто открывает рот и чувствует себя при этом очень неловко. Он тоже замечает, что мы с ним стыкуемся в сценах, и сконфуженно улыбается. Как знать, может быть по сценарию я тоже одна из его многочисленных жен, собравшихся в этом особняке, живых или умерших, киношных или настоящих.

Какой же старинный дом без диковинных людей? Вот и в Ути мы застыли от ужаса, когда впервые увидели тамошнего Квазимодо. Человечище ростом в два с половиной метра (я не вру!), с руками более длинными, чем мои ноги, с темными бровями, сошедшимися в переносице под крутым нависающим лбом. Это был не дух особняка, а вполне реальный рабочий, который прокладывал рельсы для камеры. Мы прозвали его Франкенштейном, его без грима взяли бы в любой фильм ужасов.

Когда он встретился нам на улице в Ути, мы робко с ним поздоровались. Франкенштейн растрогался и улыбнулся.

— Я сейчас упаду в обморок, — сказала Жанна.

К концу съемок мы набрались смелости и попросили Франкенштейна сфотографироваться с нами. На фотографии он возвышается над всеми, как гора. Нас десять человек, и он легко обнимает всех за плечи. Жаль, что снимок этот не сохранился.

За пять дней эпизод с песней в Ути отсняли, и мы вернулись в Бангалор. Однако популярными нас с Жанной сделала совсем другая песня.

Нас пригласили сняться в видеоклипе для новой песни группы Bombey Vikings "Кья сурат хе, кья сурат хе" (что в переводе с хинди значит "что за лицо!").

В клипе высокая, легко одетая индийская девушка идет по улице. За ней, выдерживая некоторую дистанцию, идет певец и всячески ее нахваливает. Это очень близкая к реальной жизни песня. Именно так и поступают индийцы брачного возраста. Восхищение певца передается всем прохожим на улице. Припев: "Что за лицо!" — подхватывают красильщики, разносчики пиццы, дамы в сари и так далее. В каждой группе — три человека. Мы играли иностранок, которые едут в моторикше и тоже поют этот припев. Третью девушку иностранку мы увидели в день съемок. Всем выдали яркие одинаковые костюмы из хлопка, которые индийцы шьют в огромных количествах для европейских туристов.

— А она ничего, — кивнув на иностранку, сказала я Жанне.

— Да, где только такую нашли, — согласилась Жанна, — я ее раньше не видела.

— Она не от тети Сушилы.

— Hi, — поздоровались мы.

— Hi, — откликнулась она.

— What"s your name?

— Ann.

— OK Where"re you from?

— Oh, I am from Russia.

— Вот те на! И мы оттуда.

Аня рассказала нам, что в Бангалоре живет уже год. Не работает. Вышла замуж за португальца, а у него хороший бизнес, денег хватает. Знакомый предложил ей роль в клипе, она согласилась. Мы решили подружиться, и она оставила нам визитку мужа. Имя для португальца у него было странное — Ганеш Гомос. Ну а если судить по фамилии, то к португальцам можно смело относить большинство гоанцев. Позже выяснилось, что муж Ани все-таки индиец, хотя и вполне раскрепощенный.

Жену — сибирскую красавицу, он нашел по Интернету. В разговорах он постоянно жалел русских девушек, потому что они такие красивые, но бедные, и не могут себе ничего позволить (что при такой красоте несправедливо и невероятно, но факт!) А в остальном, он был неплохой и компанейский парень. Почему Аня решила, что быть замужем за португальцем солиднее, чем за индийцем, мы уж спрашивать не стали.

В веселых и пестрых костюмах забрались в моторикшу. По команде режиссера и под радостные звуки припева нам вменялось в обязанность легко пританцовывать. Тут открылась моя бесталанность по части телодвижений. Я не то чтобы не могу попадать в такт музыке, просто тяжело двигаться синхронно с другими. Перепробовав разные варианты движений в моторикше, режиссер в конце концов усадил меня между Аней и Жанной, и оставалось только подчиняться их тычкам и подсказкам.

За два рабочих дня клип отсняли. Он получился ярким, светлым, незамысловатым и повышающим настроение. По музыкальным каналам его стали прокручивать каждый день.

— Вас снова показывают по телевизору, — ехидничали друзья, а незнакомые люди получили новый повод подкатывать к нам на улице.

После первого курса магистратуры в университете я уехала домой на каникулы. Что такое один месяц каникул, когда живешь вдали от дома? Хотелось дольше побыть с родными, в результате я сильно опаздывала к началу занятий.

— Не беспокойся, — писали подруги, — тебе, как всегда, везет. В Бангалоре сейчас "банд", на улицу выходить страшно, университеты, колледжи, магазины закрыты. Вертимся только в своем районе.

"Банд" — это забастовка по-индийски. Что же случилось? Оказалось, что негодяй, тамильский бандит Вираппана, выкрал звезду каннадских фильмов — Радж Кумара и держит его в заложниках в дремучих джунглях. Он не согласен отпустить семидесятилетнего актера до тех пор, пока правительство Карнатаки не удовлетворит его требования:

во-первых: штат Тамилнаду должен иметь возможность пользоваться водой из реки Кавери наравне с Карнатакой,

во-вторых: в Бангалоре должны поставить памятник одному тамильскому поэту и назвать одну из улиц города в его честь,

в-третьих: выделить ему определенную сумму денег.

Народ сошел с ума от возмущения. Разъяренная толпа переворачивала машины на дорогах, разбивала витрины магазинов, жгла здания, все это затем, чтобы побудить правительство скорее принять меры и освободить Радж Кумара и

наказать наглого бандита. Полиция не справлялась с озверевшей толпой. И это те же люди, которые в обычные дни казались такими смирными, законопослушными, неопасными. Ходить ночью по бангалорским улицам было гораздо спокойнее, чем в городах России! И такая метаморфоза! Актеры в этой стране почитаются наравне с богами, они привыкли, что им все поклоняются. Занятия в школах и университетах прекратились на полтора месяца, пока любимец публики пребывал в плену. Наши студенты о таком и мечтать не смеют.

С киргизским студентом Марамбеком в эти дни произошла забавная история. Он ничего еще не знал о "банде", сел в моторикшу и доехал до места, куда собирался. Рикша назвал ему сумму. Марамбек решил, что он много просит, обманывает его. Многим иностранцам кажется, что индийцы их обманывают. Бывает, конечно, но это был не тот случай. Рикша возмутился: "Отдай мои честно заработанные деньги!" Марамбек упирался, они долго орали друг на друга. Потом рикша схватил маленького Марамбека и потащил в полицейский участок. Там деньги с Марамбека вытрясли, рикша ушел, а наш киргиз написал объяснительную записку. Потом его тоже отпустили. Выходит Марамбек на улицу, а ему навстречу лавина водителей моторикш (они все носят спецодежду защитного цвета). Движение застопорилось, рикши надвигаются, глаза у них горят, а в руках — транспаранты "Final Justice!", т.е. "Последняя справедливость".

Тут у Марамбека сердце в пятки ушло, он снова ринулся в полицейский участок, подумал, что обиженный им водитель позвал своих дружков, и сейчас они всем миром устроят ему "последнюю справедливость". Оказалось, что пока он сидел в участке, народ узнал о похищении Вираппаной актера. Полиции, понятное дело, уже не до Марамбека было. Все силы на усмирение бунта бросили. Вот такая, удивительная страна Индия.

Глава 14. Деньги за красоту

Сниматься в кино весело, фотографироваться для рекламы еще и выгодно. Первой из наших знакомых сделала себе портфолио Фатима — жена иранского доктора Пуйи. Эта парочка снимала квартиру в том же доме, где жили мы с Жанной. Фатима — индианка, по вере — мусульманка, и все-таки ее родители со скрипом согласились благословить брак дочери с выходцем из Ирана. Пуйя получил образование в Индии и осел в Бангалоре. Утром он преподавал в колледже, а вечером работал в собственной зубной клинике. Родители Фатимы отдали ему дочь в жены с условием, что он поможет ей поступить в аспирантуру. У Пуйи и Фатимы было две свадьбы: по индийскому обычаю в Мангалоре и по иранскому — в Тегеране. Фатима хвасталась своими фотографиями в свадебных нарядах: в красном сари и в белом платье. Выйдя замуж за иностранца, Фати понизила свой социальный статус. Их двухэтажная квартирка в Vijay Kiran Apt ни в какое сравнение не шла с роскошным родительским домом и домами родственников — владельцев ресторанов и магазинов. Но Фатима была счастлива вырваться из своего круга, потому что такой брак давал ей больше свободы, чем брак с равным по статусу индийским мужем. Она могла работать, общаться с друзьями, носить одежду, которая ей нравится, не соблюдать посты и даже курить! В мусульманских индийских семьях с женщинами обходятся строго. При этом Фати продолжала жить в родной стране, навещать маму и папу, а также братишек и сестричек, а поскольку Пуйя не собирался уезжать из Индии, разлуки и стрессы его жене не грозили. Фатима тоже открыла свою маленькую клинику, где работала гинекологом. Если Пуйя задерживался допоздна на работе (врачевали они в разных районах города), то он отправлял за ней одного из своих иранских студентов, которые вечно вертелись вокруг него, набираясь практического опыта. Впрочем, как большинство индийских дам, Фати прекрасно водила мотоцикл, и могла обходиться собственными силами.

Дома Пуйя чувствовал себя царем. Он лежал на диване и смотрел телевизор, а Фатима носилась вокруг с тарелками и чашками и задавала ему миллион "заботливых" вопросов:

— А помнишь, ты съел вчера то-то и то-то? И как ты себя сегодня почувствовал?

— Закрой дверь, Пуйя, тебя же продует!

— Пуйя, дорогой, хочешь простокваши? А салат? Думаешь, тебе ничего не будет, если ты съешь все это вместе?

Пуйя был крупным доктором и весил килограммов сто тридцать. Он отвечал на Фатины беспокойства жестами или гримасами. По-моему, ему было все равно, что есть и когда. Он спокойно грыз сырую цветную капусту из холодильника, и ел немытую морковку у торговцев на базаре. Друзья иранцы приходили в ужас от его наплевательского отношения к санитарии. Уронив инструмент на пол в клинике, он поднимал его и продолжал трудиться над доверенной ему челюстью. Он был очень смелым хирургом, брался за любую операцию, что-то резал, что-то выдавливал, его считали хорошим специалистом. Тоненькая шустрая Фати искала, чем бы ублажить своего большого розового мужа, а он рассказывал ей истории, которые произошли с ним в колледже и в клинике. Она живо откликалась, и вместе они выглядели хоть и странной, но приятной и довольной парой.

Однажды Пуйя вылечил зуб Вазиму Хану — самому знаменитому фотографу в Бангалоре, и в качестве услуги за услугу, тот предложил сделать его жене бесплатное портфолио. Это было выгодное предложение. (Позже мы узнали, что наша скрытная Аня сделала у Вазима портфолио за двадцать тысяч рупий, почти 500 долларов). Фатима радостно согласилась и приготовила лучшие наряды. Вазим был не очень-то заинтересован в этой работе и назначил ей время в один день с двумя другими моделями. Пригласили лучшего в городе визажиста по имени Рагу. На каждую модель Вазим истратил всего по одной пленке, так что Фати была даже немного смущена такой спешкой. Но, увидев ее фотографии, Вазим пришел в восторг.

— Ты талантлива! Ты создана быть моделью! Какие позы. Какие взгляды. Я открыл звезду!

Фатима глядела на снимки и влюблялась в свое изображение. Она действительно выглядела роскошно.

— Айшвария Рай похожа на тебя! — заявили мы с Жанной, посмотрев фотографии. И это правда, только у Фатимы глаза не зеленые, а темно-карие. Любопытно, что обе они родом из Мангалора.

Вазим показал Фатины фотографии модельным агентствам, посыпались предложения. Фатима сфотографировалась для буклета, в рекламе сари из дорогого солидного магазина, потом для газеты в рекламе какого-то сорта чая. Она летала в Кочин, где снимали видеоролик про чудеса керальского массажа. На Фатиму было любо-дорого глядеть, новое хобби ее необычайно вдохновляло. Но "модельную" сторону ее жизни нужно было хранить в тайне от родственников, и, прежде всего, от родителей.

— А вдруг им попадет в руки эта газета? Они узнают меня! Какой позор...

Между тем, представители модельных агентств обрабатывали ее полным ходом, уговаривали сняться в европейской одежде: топах, шортах, мини-юбках — для каталогов, которые выпускались на Шри-Ланке, клялись, что в Бангалоре никто ничего не увидит и не узнает. Фати мучилась, выбирая между соблазном получить чудесные фотографии в легкомысленных одеяниях и достоинством порядочной индийской женщины, которой такие идеи и в голову-то не должны были приходить!

А Вазим Хан — сладкоречивый змей, призывал быть современнее и решительней, чтобы найти достойную работу!

Фатима делилась с нами своими сомнениями и вздыхала:

— Вам хорошо, вы можете одеваться, как угодно, и вас никто не осудит!

А я наблюдала за тем, сколько усилий прилагают работники шоу бизнеса, чтобы заставить индийских красоток поступиться своими принципами, и восхищалась тем, как стойко они сопротивляются. Мне хотелось, чтобы русские девушки тоже были неприступными и непреклонными. На рекламе нижнего белья девушка в Индии может заработать тысячи долларов, при этом белье не откровеннее нашего обычного купальника, и все-таки редко какая модель согласится заниматься таким бизнесом. А у нас? Объявит какая-нибудь газетенка конкурс на лучшее фото в бикини, и со всей страны летят тысячи снимков настоящих красавиц, причем, даром! А если фотографию девушки напечатают, то она, наверняка, всем знакомым понесет хвастаться: "Мое фото в газете!"

— Ты должна сделать себе портфолио! — уговаривала меня Фатима. Ты можешь сойти и за индианку, и за иностранку, у тебя есть шанс заработать кучу денег! Надо найти тебе фотографа, только не Вазима! Он очень дорого берет. Я, конечно, могу договориться с ним, чтобы вышло дешевле, но это не главное. Вазим прекрасный фотограф, но он — женолюб, ни одной юбки не пропустит! Я — индианка, замужняя, знаю, как с ним обращаться, а тебя нужно поберечь. Найдем другого фотографа. — Фатима клялась устроить мою карьеру.

Некоторый опыт я уже имела. Как-то раз Маниджа водила меня, Жанну, Валида и пять его негритянских подруг к фотографу Малику. Какая-то ткацкая фабрика планировала выпуск календаря к юбилею, им понадобились модели, чтобы представить свою продукцию. Негритянские девицы были намного крупнее и выше нас с Жанной. Мы бы их боялись, если бы не наш общий знакомый обаятельный балагур Валид в

цветастом берете, лихо сдвинутом набекрень.

Малик фотографировал нас по одной и всем скопом и сам приносил наряды. Мне они были велики, пришлось прихватывать платья сзади прищепками. Баскетболистки— негритянки в раздевалке грозились размазать щуплого Малика на прожекторе, если он только посмеет посягнуть на их прелести.

Я прошла отбор, и мне назначили фотосессию, нарядили в открытое лиловое платье (единственное в коллекции Малика, которое пришлось мне впору) и пригласили визажиста. Кстати, это был Рагу, тогда я еще не знала, что он лучший. Рагу открыл ящик с огромным количеством не однажды использованных теней, румян, помад и других красок. Лучше было не смотреть на эту бывалую хаотичную палитру.

— Она очень светлая! — пожаловался Рагу Малику.

— Она белая, как мрамор! — подтвердил фотограф.

Вот сюрприз! В родной России меня считали смуглянкой и старались выяснить что-нибудь о "нерусских" корнях. Может, татарка? Может, еврейка или цыганка? А тут я — Снегурочка. Белая, как мрамор. Чудеса!

— Мы поджелтим, — утешил Рагу, накладывая грим.

— Все в ваших руках, — вздохнула я. Он намазал мне нос с боков темно— коричневой краской.

— А это зачем?! — всполошилась я.

— Так контур будет резче, — пояснил мастер.

На посмуглевшем лице мне навели брови, которые в обычной жизни я никогда не крашу. Потом Рагу взялся за украшение глаз.

— Надо обвести, потерпи, не закрывай.

Ой, мамочка моя, не ведала я прежде такой пытки. Он обводил мне очи тонкой кисточкой с жидкой тушью по внутреннему ободку, там, откуда растут ресницы. Я плакала от боли.

— Какие чувствительные глаза! — удивлялся Рагу. — Но посмотри, как красиво получилось! Теперь второй глаз.

Я покорилась. Мне интересно, что вытворяет с моим лицом художник. Многие женщины ежедневно подвергают себя такой процедуре. Сколько же нужно терпения и любви к искусству! Последним штрихом Рагу увеличил мне губы. Индийская публика любит пухлые ротики. Несколько слоев помады завершают труд визажиста. Едва ли теперь найдутся мужчины, которым захочется поцеловать полученный из меня шедевр. Разве что повздыхают издалека.

— Прекрасные волосы! — говорит Рагу. — Такие объемные и блестящие.

— Ты могла бы сниматься в рекламе шампуней и бальзамов,

— вставляет свое слово Малик. Мой наряд дополняют черные перчатки по локоть и черная шляпа. Начинаются съемки. Портреты в профиль и анфас, фото в полный рост, вполоборота, сидя, стоя. Каждая новая поза при этом сопровождается восхищенными комментариями:

— Дивно! Божественно! Классическая красота. Какой нос! Какие плечи! Античная статуя! Настоящая Нефертити.

Конечно, мне нравится фотографироваться. Я прекрасно понимаю Фатиму. Даже Снежная Королева растаяла бы от щедрых комплиментов творцов индийской рекламы.

— Ты должна прийти ко мне делать портфолио! — заявляет Малик.

— Разве нельзя использовать эти чудесные фотографии для портфолио? — удивляюсь я.

— Это было бы замечательно, но..., — Малик разводит руками, — я фотографирую на слайдовые пленки, так нужно для этого заказа. Да и устал я сегодня.

Уже стемнело. Время прошло незаметно. Пора домой.

— Позвони обязательно в ближайшее время. Это преступление — не воспользоваться такими данными.

Мне кажется, что оттереть всю краску с лица я смогу только дома. Поэтому и не пытаюсь смыть макияж в студии. Прокачусь по ночному городу, как царица Нефертити в лихой колеснице! Рикша поглядывает на меня в зеркало, наверное, сражен наповал египетской желтизной. Являюсь домой во всей красе.

— Что с тобой сделали!? — восклицает Али.

— Откуда ты идешь? — вопрошают Реза и Хусейн. — С работы? Это где же ты устроилась?

— Иди, умойся, — не верит своим глазам Али.

— Что вы паникуете? — присматривается ко мне Жанна. — Привыкнете! Редко, конечно, такое увидишь.

— Отчего же? — возражает Али. — Многие иранские девушки красятся так, как будто выходят на тропу войны. Нас трудно этим поразить.

А я так хотела похвастаться! Разочарованная бреду в душ для омовения.

Малику я не позвонила. Мы уехали на Гоа. Заработанных денег хватило на целый месяц беззаботной жизни.

Любопытно было бы посмотреть на календарь. Идея дизайнера с самого начала не показалась мне гениальной. На каждой картинке непременно должна была присутствовать катушка ниток. У некоторых моделей катушка была вместо стула, у других — вместо сумки или платья, а у меня — вместо шляпы. Портрет дамы с катушкой на голове. Что ж, может быть, это кого-

то позабавит или даже развеселит. Девушка агент сказала, что мои фотографии получились очень удачными, поэтому снимки использовали в календаре дважды. Я спросила, заплатят ли мне в этом случае в два раза больше. Девушка мило улыбнулась и сменила тему.

Глава 15. Портфолио

Прославиться на ткацкой фабрике не получилось, но я не унывала, какие мои годы! Мы с Фатимой отправляемся к фотографу Судипу Гурту, спокойному и достойному мужчине, не такому ловеласу, как Вазим Хан. Кстати, Фатима утверждает, что Вазим в нее по-настоящему влюбился. Они могут разговаривать с ним часами. Вазим женат, но вот печаль, они с женой такие разные люди, что им просто не о чем поговорить. С Пуйей, признается Фати, круг тем тоже довольно узок: клиника, медицина, еда. Эта его неизменная майка и непрошибаемое спокойствие тоже слегка бесят. Нет, нет, она ничего дурного не имеет в виду. Просто ей очень интересно с Вазимом. Он едет на Шри-Ланку и зовет ее с собой работать. Море. Пятизвездочные гостиницы, новые фотосессии.... Она говорила об этом Пуйе, он не в восторге, но не хочет ничего запрещать ей. Соблазн велик, но она чувствует себя не очень комфортно, Вазим романтически настроен. Она ни за что не простит себе возможных последствий, ведь Пуйя — ее судьба.

Судип Гурту живет в просторной квартире в самом центре города, можно сказать, на MG Road, здесь же находится его студия.

— Вообще-то я редко фотографирую людей, — говорит он, — я снимаю здания, интерьеры, машины, а чаще всего, еду. Ну, если вы очень настаиваете...

"Спасибо тебе, милочка", — посылаю я Фатику мысленный привет.

Судип хорошо сложен, ему сорок с лишним лет. Производит впечатление на редкость спокойного, сдержанного человека. Больше всего он похож на ленивого лендлорда или на бассета. В его квартире холостяцкий беспорядок, женат, но давно не живет с женой (надоели друг другу, не сошлись характерами). Она иногда приходит, у них сохранились деловые дружеские отношения. Сейчас с ним живет мама.

Судип соглашается сделать портфолио всего за четыре тысячи рупий. Он сразу предупреждает, что в студии короткий экран — фон, на котором снимают, поэтому фотографий в полный рост сделать нельзя. Придется выходить на улицу.

В назначенный день мы приглашаем Рагу, и он подвергает меня уже известной и ожидаемой пытке. По совету Фатимы я фотографируюсь и в индийских, и в европейских нарядах. Смущает то, что пространство, в котором я могу двигаться, сильно сужено, все опутано проводами, и мне нельзя смещаться

за пределы светового пятна от прожектора. Похоже, что все здесь действительно рассчитано не для людей.

Судип делает миллион фотографий, но остается ими недоволен.

— Макияж резковат, — заявляет он. — Давай лучше позовем Зарину.

Зарина мастерит из меня болливудскую кинозвезду, розово-персиковую куколку с дутыми губками и наклеенными ресницами.

— Фу! — морщится Судип. — Это как-то слащаво, совершенно безвкусно.

Для фотосессии на улице не приглашаем визажиста. Пусть все будет естественно. Дождавшись благоприятной погоды, едем в элитный загородный клуб верховой езды.

— Там замечательные лошади, все породистые, победители скачек. Ты и красивая лошадь — должно получиться неплохо.

Хозяйка клуба — итальянка, выделяет нам фотогеничного жеребца, и мы отводим его на полянку. Я пытаюсь обнять коня и принимаю вокруг своего "фона" различные позы. Мягкий свет, лазурное небо, плетеные изгороди, радующая глаз, напитанная солнцем зелень, как будто с импрессионистских пейзажей, блестящий конь.... И все бы ничего, только это породистое животное постоянно плюется. Мы диву даемся, сколько у него накопилось слюны. У меня сложная задача: надо выглядеть расслабленно и естественно и следить, куда плюнет конь в следующий раз, чтобы успеть увернуться.

Рассматривая полученную серию фотографий, Судип снова вздыхает, повергая меня в уныние.

— Понимаешь, фотография презентует товар. Товар на фотографии должен выглядеть ярче, заманчивее и интереснее, чем на самом деле. У портфолио та же цель, модель на фотографии должна быть привлекательнее, чем в реальной жизни. А с твоими фотографиями так не выходит. Мне, как художнику, обидно.

Но фотографий у нас тонны, не выбрать что-нибудь просто невозможно.

— Вот видишь! — восклицает Фатима, — Вазим никогда бы не потратил столько пленок и времени. Это верно, Судипу мое портфолио обошлось в большую сумму, чем я заплатила.

Между тем, в модельной карьере Фатимы наступает кризис. Наверное, долгие задушевные беседы перестали удовлетворять Вазима, и захотелось большего. Фатима, верная супружескому долгу, была вынуждена ему отказать.

— Я никогда не забуду, как он посмотрел на меня, —

переживала она, вспоминая сцену объяснения, — в этих глазах было столько боли! Но что я могла поделать?

Надо отдать должное ее стойкости. Вазим в Бангалоре — фигура значительная. Хорошие отношения с ним — это гарантия успеха. Он может раскрутить любую модель, сделать известной на национальном уровне. Кроме того, у него есть связи в модельных кругах Сингапура и Австралии. Он не вынес отказа. Фатима понимала, что сама ставит крест на своей карьере.

А мы с Судипом стали ездить в модельные агентства и в гости к его друзьям, а чаще, подругам: дизайнерам, хореографам и прочим творческим личностям. Судип считал, что меня надо представить нужным людям, но мое появление лишь всколыхнуло ревность у знакомых женщин Судипа.

— Зачем он тебе нужен? — удивлялись они. — С него же песок сыпется!

Каждая из них справедливо считала себя более подходящей парой для холостяка с аристократическими замашками.

С Судипом было просто и интересно общаться. Гурман, прежде всего, даже больше, чем художник, он любил обедать в хороших ресторанах, и постоянно выискивал в Бангалоре местечки, где вкусно и оригинально кормят. Если Судип приглашал в ресторан, можно было ехать, не опасаясь романтических вздохов, горячих взглядов, двусмысленных или прямых предложений. С ним легко было говорить на любые темы, рассказывать о традициях своей страны или сплетничать о его коллегах по ремеслу. Он остался в памяти добрым знакомым, одним из тех, кто представляет Индию с лучшей стороны.

Скоро мне предложили сняться в рекламе для IBM Systems. Идея была такова: технологии IBM облегчают человеческий труд, у деловых людей появляется больше возможностей для "качественного" отдыха. Я изображала преуспевающую бизнес-леди, которая наслаждалась свободным временем, упоенно играя в шахматы. Мы приехали в The Club, ночной клуб. Днем там было мало посетителей. На фоне голубого бассейна установили легкий столик с фруктами и с огромной шахматной доской. Фотограф и продюсер быстро составили на доске какую-то партию. Мне оставалось только хвататься за ту или иную фигуру и улыбаться воображаемому партнеру. Напротив разместился жутковатый, непреклонно серьезный фотограф, похожий на бородатого филина. Глаза его не двигались и даже не мигали, как будто стеклянные. Я должна была вести себя непринужденно, делая вид, что партия меня нисколько не напрягает. Это было легко! Я не играю в шахматы. А основной задачей было излучать успешность. С этим я тоже справилась, и заказчик остался

доволен. Хотела выпросить свою фотографию и позвонила ему, но услышала обычное: "Что вы делаете сегодня вечером?" — решила не связываться.

Чтобы сняться в следующей рекламе, пришлось пройти отбор. В агентстве у Мобины "Showboat" собралось около тридцати иностранцев, мужчин и женщин. Мы сидели на диванчиках, подпирали стенку или бродили вокруг крыльца и очень волновались. В комнату, где проходили пробы, пропускали по одному. Дошла очередь и до меня. Режиссер сидел за столом и курил сигарету. Рядом на штативе была установлена камера. Режиссер пригласил меня занять место на стуле напротив камеры, и она хищно подмигнула темным глазом. Я сразу почувствовала себя одинокой и несчастной, хотелось быстрее уйти из этой прокуренной комнаты.

— Задача простая, — объяснил режиссер. — Вас пригласили в гости к сослуживцу, вы сидите за обеденным столом и разговариваете с хозяином дома. Повернитесь вон в ту сторону. Видите настольную лампу? Представьте, что это хозяин дома. Начинайте разговаривать, задавать ему вопросы. Расслабьтесь.

— Мммм..., а лампа, т.е., например, вы вместо лампы, будете отвечать на мои вопросы? — промямлила я.

— Нет, — невозмутимо затянулся сигаретой режиссер.

Хорошенькое дело. Легко ли в здравом уме и трезвой памяти разговаривать с лампой? И тут меня осенило:

— А можно говорить с лампой на русском языке?

— Да хоть на хорватском, — пожал плечами режиссер.

И понеслось. Напряженность растаяла. Это же настоящее удовольствие поговорить с лампой на языке, незнакомом для посторонних. У нас сразу нашлось несколько тем, и мы так разговорились, что прощаться было трудно.

На следующий день мне позвонили и сообщили, что я прошла пробы, а, значит, оказалась одной из лучших собеседниц лампы!

Следующим этапом стал подбор одежды. Две дамы повезли меня в модный магазин и долго выбирали достойный наряд. Купили черное выходное платье с разрезом от бедра и несколько топов и юбок про запас. Я отнеслась к покупкам спокойно, поскольку все это мне не принадлежало.

В день съемок приехала в назначенное время к двухэтажному особняку, где должно было развернуться действо. Все герои будущего ролика были в сборе — три высоких, под два метра, парня и худенькая девушка моего роста. Никого из них я не видела, когда проходила пробы. Неужели в Бангалоре так много желающих поактерствовать? Первым подошел знакомиться голубоглазый финн, лет тридцати пяти, с печальным лицом и

волосами, стянутыми в хвост. В Бангалоре он на пару с индийцем владел магазином компакт-дисков, а в качестве хобби записывал альбомы с музыкой собственного сочинения. Как выяснилось позже, он сильно переживал разлад со своей девушкой и накатившее одиночество. Прежде финн жил на квартире у девушки, а теперь был вынужден ночевать в магазине.

Другой коллега по будущему рекламному ролику, Франц, был из Словении. Он сбежал из дома в юности, Индия всегда была страной, которой он бредил. В Бомбее поступил в колледж и закончил филологический факультет, потом увлекся йогой, достиг определенных высот и теперь в двадцать восемь лет сам обучал йоге желающих за довольно высокую плату. Он бывал на родине, но жить предпочитал все-таки в Индии. Любопытно было слушать, когда он говорил по-словенски, все было понятно, а звучало весело. Франц постоянно рассказывал анекдоты, байки и приколы, чем смешил всех, но почему-то раздражал финна.

Следующий иностранец, двадцатилетний Натан из Америки, выглядел, как настоящий герой молодежного фильма, эдакий румяный красавчик, блондин с правильными чертами лица, загорелой кожей и ясными синими глазами. Двухметровый атлет, просто загляденье. Его отец работал в Индии, так что Натан какое-то время учился в индийской школе. Потом поступил в колледж в Лондоне, а теперь приехал в Бангалор на стажировку набирать материал для какого-то исследования.

Ответив на энергичные рукопожатия и радостные приветствия трех "амбалов", я, наконец, познакомилась с Эммой. Она приехала в Индию давно, лет семь назад, здесь работал ее муж и родился сын. Эмма, как и Франц, преподавала йогу. Они оба участвовали в модельном бизнесе давно и даже привыкли торговаться, если что не так, а Натан и финн впервые подались в рекламный бизнес.

Рекламный ролик на этот раз снимался не для индийского проката, а для показа в Канаде и США. Рекламировать мы должны были сорт риса — басмати. Это длиннозерный рис с сильным приятным ароматом. Сценарист замахнулся на настоящий короткометражный фильм. Итак, в Канаде, в преуспевающей фирме, работает индиец, который, получив повышение по службе, приглашает коллег к себе домой, чтобы отметить радостное событие. Ему хочется выглядеть современным и европеизированным. Перед приходом гостей он прячет все индийские вещи, которые напоминают ему о родине: картины, талисманы на удачу и даже диски с музыкой. Гости приходят, обмениваются приветствиями, непринужденно общаются. Жена индийца готовит еду в кухне. Один за другим гости, вдыхая

божественный запах басмати риса, устремляются к ней и не возвращаются. В конце концов, хозяин, оставшись один, беспокоится, куда же все подевались, и тоже направляется в кухню. Там он наблюдает веселое действо. Варится и благоухает рис, жена играет на ситаре, традиционном индийском инструменте, а довольные гости нюхают индийские приправы и подыгрывают ей, кто на ложках, кто на бутылках, кто на тарелках. Все в восторге от индийской музыки и кухни. В следующем эпизоде все собираются в гостиной, пьют вино, едят рис и тают от блаженства.

Вот такой ролик. Предполагалось, что после его показа басмати рис будут сметать с прилавков канадских и американских магазинов.

Первый день мы гуляли по дому и разглядывали любезно предоставленные хозяевами апартаменты для съемки. После советских стандартных квартир — коробочек просторы чужих жилищ несколько обескураживают. Все эти квадратные километры жилой площади были заставлены, увешены, завалены декоративными безделушками. В доме была библиотека, бильярдная, внутренний дворик для барбекю и бассейн.

Наша индийская семья, по-видимому, жила в Канаде совсем неплохо. Роль хозяина дома играл типичный для индийского кино крепкий стройный молодой человек с правильными и красивыми чертами лица. Индусочка, его жена, была на вид очень скромная, без веских модельных данных, но верно сильная духом, ведь именно она, по сценарию, приобщила нас — иностранцев к индийской культуре.

Визажист Лейла за пару часов загримировала всех артистов. Впервые макияж пришелся мне по душе. Потом все нарядились в приготовленную для нас одежду. Натан, увидев меня в черном облегающем платье, закричал:

— Здорово! Я тебе это куплю!

Режиссер был другого мнения.

— Это же простая вечеринка, а не поход в театр или прием на высшем уровне. Необходимо что-нибудь не такое парадное!

Меня быстро переодели, так что пригодились и топ с юбочкой. Увидев мое перевоплощение, Натан воскликнул:

— Это я тебе тоже куплю!

— Натан, — возразила я, — покупай одежду для себя, мне она не нужна.

— Ты что?! Тебе же это очень идет!

— В Бангалоре некуда ходить в таких платьях.

— Найдем! Давай я тебя приглашу!

Его непосредственность просто обескураживала.

Сначала снимали сцену в гостиной. Нас рассадили по местам, дали пива и тарелочки с закуской.

— Встаньте с дивана, — по-моему, режиссер был настроен против меня, — у вас слишком короткая юбка. Сядьте в кресло.

Потом мы переместились в обеденную залу. На столе дымилось блюдо с горячим рисом басмати и стояли тонкие бокалы с вином. Хозяйка накладывала рис в тарелки, а мы должны были пробовать его и впадать в нирвану. Задача режиссера заключалась в том, чтобы снять наши восхищенные лица крупным планом. "Ничего сложного, — думала я, -это вкусный рис." Первым по сценарию попробовал длинные зернышки финн. Он зачерпнул полную ложку риса и с вежливой улыбкой отправил в рот. Тут с ним случилось что-то странное. Губы плотно сжались, шея напряглась, лицевые мышцы силились удержать улыбку, но она скорее была вымученной, чем блаженной. Казалось, что горло финна категорически не приемлет рис басмати.

— Да ты, кажется, не любитель риса, парень? — участливо поинтересовался Франц.

— Моя жена плохо готовит? — испугался индиец.

— Да он же финн! Он не умеет играть, — заявил не слишком тактичный Натан. — Давайте я попробую.

Финн сделал предупреждающий знак рукой.

— Что случилось, бедняжка? — спросила Эмма.

— Рис...рис, — наконец-то сглотнул, не пережевывая, финн, — он сырой.

— Рис сырой? — возмутились мы и посмотрели на режиссера.

— Конечно, сырой, — подтвердил он. — А как прикажете снимать его, чтобы он смотрелся рисинка к рисинке? Просто не надо хватать его ложками, берите чуть-чуть, тогда легче будет изобразить удовольствие!

Эту сцену мы снимали долго. За столом воцарилось нездоровое веселье. Стоило одному из нас взять в рот твердый, сырой басмати и воскликнуть: "О, как это вкусно!" — как все остальные падали на стол от хохота. В конце концов, выяснилось, что лучше всех ест сырой рис все-таки финн.

— Ты не возражаешь, если я подвезу тебя домой? — спросил он в конце рабочего дня.

— Нет, — ответила я и коварно улыбнулась Натану, у которого не было машины.

На следующий день мы снова встретились, но уже в другом богатом доме, где предстояло снимать сцену в кухне. Она показалась заказчику уютнее, чем прежняя.

Второй дом был еще больше и краше. Индийскую девушку

долго и безуспешно учили играть на ситаре. Ситар она держала в руках впервые в жизни, и ее игра раздражала музыкально одаренного финна, но остальным, не таким одаренным, было очень весело. Мне дали простой инструмент — колотушку, надо было бить ей в такт музыке по доске. В перерывах между съемками мы выходили позагорать во двор. Натан ходил на руках по траве, вертел колесо и сальто, развлекая публику, как мог. Наблюдая за его выкрутасами, Франц, не долго думая, достал пачку своих фотографий. На каждом снимке он был запечатлен в какой-нибудь мудреной позе, так что трудно было разобраться, где заблудились и как перестроились между собой части его тела. Зрелище не для слабонервных.

— Йога очень хороша для секса! — гордо объявил Франц.

— Смотря для кого, — прыснула я. — Не всякая партнерша может скрутиться в такой узел.

Эмма, Франц и финн завели разговор о гороскопах и выборе сексуальных партнеров, а потом спорили о том, какой знак сексуальнее. Каждый стремился доказать свою правоту, ссылаясь на богатый личный опыт. Это был не простой спор. Двенадцать знаков зодиака подразделялись на группы, имели разные фазы и какие-то добавочные знаки или подзнаки. Я поняла, что надо быть настоящим экспертом в астрологии, чтобы найти себе такого партнера, чтобы не разочаровал, и заскучала. К спорщикам присоединилась Лейла — наш визажист, и сходу рассказала историю своей частной жизни. Все поделились с ней мыслями на этот счет. Рассказы преподносились не просто так, а с большим апломбом. Вот мы какие, творческие личности, живем не как все. Мы эмоциональные, вспыльчивые, "безбашенные", да, у нас бурная личная жизнь, и мы не в состоянии держать ее в секрете!

Не углубляясь в исследования, кто же все-таки самый страстный львы-рыбы или девы-тельцы, мы с Натаном играли в Baywatch, вытаскивая из бассейна тонущих насекомых, и ловили кузнечиков.

Сцену расставания индийских хозяев и канадских гостей снимали вечером. Удивительно, что всего через неделю после завершения этих съемок, меня пригласили сниматься в новой рекламе.

Глава 16. Первым делом самолеты

Готовился к выпуску рекламный журнал о новом медицинском оборудовании для операционных. Мне предложили изображать медсестру. Я обрадовалась, встретив в день съемок йога Франца.

— Мне доверили роль врача, — похвастался Франц. — Я круче тебя.

Он рассказал, что для этого проекта вчера фотографировали его знакомую из Германии, бывшую балерину Яну.

— Ее профессиональные качества очень пригодились на операционном столе. Яну, назначенную пациенткой, заставляли принимать нелепые позы и держать паузу, пока оператор не отснимет все, что нужно. На что Яна была неутомима, но и та устала.

Какая удача, что я просто медсестра.

Съемки все откладывались, и мы с Францем целый день болтались по городу в ожидании, когда же мы им понадобимся. Он оказался вегетарианцем, как и положено правильному йогу. А я — хищница, окончательно рассталась с мечтой о самосовершенствовании с помощью асан и медитации. Франц заметил, что он не такой уж продвинутый вегетарианец, вот Яна — это да, не ест ничего кроме орехов и фруктов, но всегда бодрая и здоровая.

Съемки начались вечером и затянулись на пол ночи. Макияж мне на этот раз делал какой-то рядовой не прославленный визажист. Франц сказал, что я похожа на медсестру — убийцу, или медсестру — привидение из фильмов ужасов. У меня был ярко красный рот и темные круги под глазами от недосыпу. В остальном, shooting был замечательный. Сначала я толкала "навороченную" тележку с непонятными электрическими приборами, вернее делала вид, что качу ее. Груз был тяжелым, и тележку поставили на тормоза, чтобы не задавила съемочную группу. Потом мы с Францем делали операцию. На стол никто не хотел ложиться, но под давлением режиссера под нож полез сам продюсер. Его раздели и пристегнули ремнями, а мы с Францем получили настоящие хирургические инструменты. Франц поинтересовался у пациента, что его беспокоит, и не надо ли ему вырезать что-нибудь лишнее. Потом мы вспомнили анекдот про хирурга, который режет пациента снова и снова и сокрушается: "Ах, опять ничего не получилось"! Продюсер попискивал, чтобы мы не слишком увлекались, а то он нам ничего не заплатит.

— Еще как заплатишь! — угрожающе хватались мы за

скальпели.

— Щас, общий наркоз сделаю, — предупреждал Франц.

— О чем вы говорите, о чем вы говорите? — волновался продюсер, когда мы с Францем переходили на русско-словенскую речь. Доктор с медсестрой друг друга стоили, наши кровожадные мысли вслух собрали вокруг съемочной площадки кучу зрителей, и режиссер не торопился завершать съемку. Глубокой ночью всех развезли по домам.

После этого наступило затишье в рекламном бизнесе, пока однажды не зашел к нам в гости Монтель, негр из Кении. Он был настолько темным, что даже на фотографиях получался невидимым. Между собой мы называли его "Синим" (только за оттенок кожи!) Как-то раз другие негры, вслушиваясь в наш разговор, спросили, что значит это слово. Когда мы им объяснили, они расхохотались. Выяснилось, что на своем языке они зовут Монтеля точно также. Кроме кожи редкого цвета индиго у Монтеля была отличная фигура и рост под два метра, через какое-то время, он стал почти звездой на подиуме. Я тоже пыталась поучаствовать в Fashion Show, но легко и непринужденно двигаться у меня не получилось, а выступать синхронно с окружающими и подавно. Тренироваться было лень, и я утешилась тем, что за шоу дают меньше денег, чем за съемки в рекламе.

Способный Монтель был в восторге от шоу, внимания, компании длинноногих красавиц и еще оттого, что моделям дают бесплатно минеральную воду и софт-дринки, а иногда дарят одежду от дизайнеров! Очень скоро ни о чем кроме шоу он уже не мог разговаривать.

Выяснив, что я тоже кое-как задействована в модельном бизнесе, он рассказал, что встретил фотографа, который делает фотографии для модного глянцевого журнала, и предложил меня с ним познакомить. В тот же день мы пошли с ним в кафе Coffee Day, где он представил меня Гаутаму Пури. Гаутам посмотрел мои фотографии и сразу воспылал желанием со мной работать. Все оказалось не так радужно, как описывал Монтель. Гаутам только собирался послать свои фотографии на конкурс, и если вдруг их там выберут, то можно будет заключить с журналом очень выгодный контракт. Шансы не велики, но отчего не попробовать, тем более, что с нашей стороны затрат никаких не требовалось. Так мы попались на удочку к фотографу-любителю, и началось самое нелепое в моей жизни знакомство.

Гаутам Пури не был хищным воротилой модельного бизнеса. Он происходил из обыкновенной индийской семьи среднего достатка. Его родители владели рестораном, но самым простым,

там готовились недорогие блюда индийской кухни: доса, сабзи, чатни, идли-вада, самосы. Сама фамилия Пури — съедобная, вроде наших Пирожковых или Пончиковых, если сравнить с русскими вариантами. Пури — это мучные жареные изделия без начинки, которые едят, обмакивая в соус. Сердце Гаутама к семейному бизнесу не лежало. Он мечтал быть художником, философом, поэтом, артистом, хотел добиться известности и славы. А самой заветной его мечтой было написать сценарий. И вот этот романтически настроенный молодой фотограф решил за мной поухаживать. Я же принадлежу к типу вредных особ, которые очень тяжело переносят знаки внимания и покушение на свою личную жизнь от людей, которые не вызывают встречной симпатии, теплого чувства взаимопонимания и притяжения. Нет бы, немного пофлиртовать, подразнить парня, выжать из него всю возможную выгоду, наплести что-нибудь вроде: "Ах, я сама не могу разобраться в своих чувствах". Я же в лоб ему заявила:

— Извини, дорогой, но у нас с тобой ничего не получится. Я никогда не смогу тебя полюбить, поверь мне, я это знаю!

Скукотища, в общем.

Гаутам меня выслушал, расстроился, но виду не подал.

— Я понимаю, — сказал он, — но ты мне нравишься не только, как девушка, я вижу в тебе перспективную модель с большим будущим, поверь мне! Разреши с тобой встречаться, фотографировать, я буду полезен тебе, как друг, у меня много знакомых в шоу бизнесе.

— Ладно, — ответила я, — но учти, никаких вольностей.

— Хорошо, — скрипнул зубами Гаутам. — Но я буду дарить тебе подарки, никто не может запретить дарить подарки человеку, который мне нравится.

Я понимала, что Гаутам все-таки надеется когда-нибудь добиться моей благосклонности, и знала, что у него ничего не получится. Даже жалости к нему я не испытывала.

У Гаутама не было собственной студии, но иногда его приятель разрешал ему фотографировать в своей. Первую фотосессию мы сделали ночью. Весь день мой поклонник звонил и говорил, что не успевает завершить какие-то дела, но я подозреваю, что студия друга освободилась только поздно вечером. У меня уже не осталось никакого желания фотографироваться. Еще и зеркала в студии не оказалось! На снимках я получилась злой, какой и была на самом деле. Гаутам зачем-то оконтурил их черной полосой, и получилась злющая модель в траурной рамке.

Гаутам пытался тронуть мое сердце разными путями. После какой-нибудь встречи с знакомыми по шоу бизнесу вместо того,

чтобы везти меня домой, он вылетал на шоссе, ведущее в аэропорт. Я понимала, что он хотел подольше со мной покататься. Но мне-то, какая была от этого радость?

— Погоди, — останавливал он мои возражения, — хочу показать тебе одно место. Это рядом с взлетной полосой. Самолеты с ревом проносятся прямо у тебя над головой. Ты будешь в восторге! Такое не забывается! Может, он думал, что в состоянии восторга я кинусь ему на шею?!

Машина останавливалась у ограды взлетного поля, и Гаутам тщетно ждал самолета, пока я не начинала хныкать и проситься домой. Самолеты никогда не взлетали. Они были со мной заодно.

Гаутам приносил ко мне домой папки с афоризмами и стихами и клялся, что сам их придумал. Все эти творения были аккуратно напечатаны и разложены по прозрачным файлам. Афоризмы были неплохи, стихи оставляли желать лучшего. Каждое посещение моего дома стоило Гаутаму немалой выдержки. К тому времени персы разъехались кто куда, я училась в университете и переехала в домик, расположенный неподалеку от университетского городка в тихом пригороде Нагарбави. Жанна осталась жить в центре города. Комнату мы снимали с девушкой из Таджикистана Мамлакатой, которую все звали сокращенным именем Мамла. У Мамлы была поразительная способность доводить всех молодых людей до белого каления. Ее бойкий язык выводил из себя даже самых вежливых и сдержанных юношей. Некоторые перлы ее речи надо было записывать, и сейчас мне жаль, что я этого не делала. Мамла вызывала противоречивые эмоции. Разговаривать с ней молодым людям было интересно, она подробно выспрашивала все об их мыслях, делах и образе жизни, свободно проникая в те сферы, которые в светских беседах обычно не упоминают. Она могла серьезно поговорить по душам, дать дельный совет или добросовестно выслушать и постараться понять чужие мнения. Но, тут же, без предупреждения, могла выплеснуть на своего расслабившегося собеседника такой шквал дерзостей, что он начинал сожалеть о том, что явился на этот свет. О том, как Мамла торговалась с продавцами на рынках и в магазинах, можно было бы написать отдельную книгу. По-моему, торговцы отдавали ей свой товар практически даром просто под впечатлением необыкновенного общения.

Гаутам Пури скоро стал одной из любимых жертв Мамлы.

— Здравствуй, дорогой друг наш Гаутам! — восклицала Мамлакатой, едва фотограф переступал порог нашей комнаты, — Что ты нам принес сегодня? Где же сладости? Где кир и гулаб-джамун?

— Тебе, Мамла, я ничего не принес, потому что ты вредная, — хорохорился Гаутам.

— Какой ты жлоб! — картинно взлетали вверх брови Мамлы. — У тебя целый ресторан, где весь день готовят гулаб-джамун, а ты не взял для Мамлы даже маленькой коробочки сладкого?

— Это не мой ресторан! — отпирался Гаутам. — У меня нет ресторана, и никогда не будет!

— Бедная, бедная твоя жена! — не отставала Мамла. — Бедные твои десять детей!

— Почему это моя жена будет бедная? — не соглашался Гаутам.

— Муж не будет работать! — объясняла Мамла. — Муж будет только думать. Ты представь себе, кушать нечего. Жена подходит: "Милый, чем мне кормить твоих детей?" Дети просят: "Папа, папа! Дай нам еды!" А ты отмахиваешься от них: "Прочь! Мне некогда! Я пишу сценарий!" Дети плачут, жена плачет, они умирают от голода.... А ты пишешь сценарий. И не стыдно тебе? Кристина, не выходи за него замуж.

— Что ты придумываешь, Мамла?! — обижался Гаутам. — Я буду известным фотографом и добьюсь славы! У меня будет много денег! И когда ты придешь ко мне с протянутой рукой, я припомню, как ты надо мной измывалась!

Долго он эти беседы не выдерживал, прощался и уезжал.

— Тебе не показалось, что штаны у него чем-то набиты? — спрашивала Мамла.

— С чего ты взяла?

— Ну, сам-то он не очень большой, вот мне и подумалось, как-то непропорционально это, по-моему, подложил чего...

— Какая ты наблюдательная! Вот и поспрашивай его в следующий раз!

На свой день рождения Гаутам пригласил меня, Жанну, Мамлу и Инну, еще одну нашу подругу, на ужин в ресторане пятизвездочного отеля. В группу поддержки он взял с собой еще трех друзей. Практика в Индии распространенная. Индийские девушки, как правило, идут на свидание с молодым человеком вместе со своими подругами, чтобы воздыхатель, да и все другие люди, не подумали чего-нибудь неприличного.

Едва ли какой-нибудь русский кавалер обрадовался бы, увидев свою возлюбленную в компании трех-четырех подружек, которые воспринимают, как само собой разумеющееся, что их счет он будет оплачивать сам. Индийские парни знают, что девушки ходят стаями, и берут в противовес своих приятелей, чтобы не было слишком обидно.

Гаутам, конечно, с выбором отеля погорячился. Велико было

искушение посидеть в дорогой обстановке, в окружении красивых иностранок. Перед кем там было рисоваться, непонятно, разве что перед официантами. Пятизвездочные отели в Индии всегда производили на меня впечатление безлюдных заведений, оживающих только во время съемок.

Грустно было смотреть на мальчишек — друзей Гаутама, которые пили бесплатную воду.

— Мы не голодны, — заверяли они нас.

— Ну, уж дудки, — отказалась играть в эту игру Инна, — я очень голодна!

— Надо было думать прежде, чем звать, — согласилась с ней Жанна.

Шведский стол нам понравился, в результате все девушки наелись всласть, а молодые люди напились воды. День рождения получился не очень веселый и несуразный, как и сам именинник. После ресторана все, конечно, поехали на летное поле, где ждали загадочных самолетов. Но они опять не прилетели.

— Ты должна мне помочь! Я вижу эту фотографию во сне. Яркие и сочные ягоды клубники на твоем белом животе. Чего тебе стоит? Ради искусства. Я столько для тебя делаю! Ну, пожалуйста!!!

Гаутам вдохновлен очередной бредовой идеей, он чуть не плачет и вот-вот упадет на колени.

— Ладно, — вздыхаю я, — но потом я съем всю клубнику.

Мы идем в магазин, но, увы, клубники там нет. Гаутам хищно обводит глазами прилавок с манящими фруктами.

— Пусть это будет виноград! — решает он.

— Может, арбуз? — усмехаюсь я.

— Не издевайся.

Я чувствую себя полной идиоткой с гроздьями винограда, выложенными на моем животе. Одна радость — съесть после сеанса этот красивый заморский фрукт. Довольный фотограф уносится проявлять пленку.

— Ну, как? — спрашиваю у него на следующий день.

— Ужас, — Гаутам выглядит подавленным, — сама посмотри.

Что изображено на фотографии, без объяснения не поймешь. Больше всего это похоже на гладких черных жуков, которые расползлись по странной белой поверхности. Я безжалостно хохочу. Фотографировать еду Гаутаму надо поучиться у Судипа.

Рядом с домом Гаутама был симпатичный светлый лесок. Мы запланировали сделать фотосессию в ярких солнечных тонах в этом лесу и на черепичной крыше его дома. Я познакомилась с родителями Гаутама и с его бывшей девушкой, которая решила обновить свое портфолио. Назавтра мы все должны были снова

встретиться и начать работу. Потом фотограф подвез меня к дому Жанны и попытался поцеловать на прощание. Я ловко отбросила его назад.

— Что случилось?! — возмутился он.

— Что?! — я покраснела от гнева. — Ты мне не бойфренд и не лезь с поцелуями!

Мы расстались недовольные друг другом. Вскоре я получила сообщение на пейджер:

"Знаю, что я тебе не бойфренд. И не нужно мне об этом напоминать!" Без комментариев. Девчонки смеялись надо мной и моим горе-женихом.

— Говорила я тебе, Кристик, не делай доброе лицо — люди потянутся, — ехидничала Инна.

Вдогонку за первым сообщением прилетело второе: " Куда же ушла вся теплота?"

А была ли она?!

Наконец, завершающий аккорд: "Никаких съемок завтра не будет! Я отказываюсь делать твое портфолио."

Ну, и ладно. Не очень-то и хотелось.

Через часок другой Гаутам все-таки передумал, пришло сообщение о том, что он погорячился и просит прощения. На следующий день съемки состоялись, как и было запланировано, мы не вспоминали о размолвке.

Вскоре Гаутам уехал в Бомбей! Какое счастье! Он всегда мечтал об этом. Гаутам считал Бангалор несколько провинциальным городом, недостаточно большим и современным для осуществления его грандиозных замыслов. Другое дело Бомбей-Мумбай, город соблазнов, город бандитов и художников, город искателей приключений! Гаутам чувствовал, что там его талант найдет немедленное признание.

Немногим раньше в Бомбей уехал его друг Аджай, мечтающий стать актером. Он приглянулся бомбейским киношникам необыкновенным сходством со звездой индийского кино Хритиком Рошаном. Мы шутили, что он будет его двойником. Гаутам поехал вслед за Аджаем. Он взял с собой мои фотографии и обещал прославить на весь Бомбей. "Не удивляйся, — говорил он, — если тебя завалят предложениями престижной работы; в модельных агентствах Бомбея народ разбирается, что к чему! Это только в Бангалоре все куплено".

Предложений от бомбейских агентств мне не поступало, зато Гаутам просто заваливал сообщениями. Он был в восторге от города. Пятеро таких же творческих, как он, личностей сняли квартиру, изучали ночную жизнь, караулили знаменитостей, питались кое-как, носились со своими идеями. Гаутам приглашал

меня приехать к ним в Бомбей, где меня, несомненно, ждал фурор, но я скромно отнекивалась. Он желал мне доброго утра и славного полдника и посвящал стихи, от которых мне хотелось влезть на самую высокую пальму. Наконец, я решила, что мои мучения ничем не оправданы и написала ему электронное письмо, в котором по-дружески рассказала, что влюбилась, выхожу замуж и уезжаю в Америку. Это должно было его добить, Мумбай Мумбаем, а вот Америка.... Если уж искать славы, то сразу в Голливуде.

Гаутам вернулся в Бангалор через месяц или два, когда кончились деньги. Он примчался к нам домой, где электронная версия об американском женихе была подтверждена устно, и даже фотография его предоставлена. Сам жених сейчас, к сожалению, в Америке, но мы переписываемся, звоним друг другу каждый день, мы без ума друг от друга.

— О, счастливец! — разрыдался Гаутам и сказал, что он хотел бы со мной объясниться. С тяжелым сердцем я села к нему в машину, и он повез меня на свое любимое летное поле. Он горестно вопрошал, как же так получилось, что стоило ему уехать, как я сразу повстречала кого-то другого, а ведь он был уверен, что мы с ним предназначены друг для друга. Я возразила, и напомнила, что всегда утверждала обратное.

— Как я ошибся! Как жестоко о шибся! — сокрушался Гаутам, — только сейчас открылась мне вся правда...

— Ты просто не хотел ее слышать, — пожала я плечами.

В эту последнюю встречу один за другим над нами пролетело три самолета. Больше мой пейджер не пищал: "Доброе утро".

Надеюсь, Гаутаму удалось стать хорошим фотографом или сценаристом, но я об этом никогда не узнаю.

Глава 17. Вот Бог. Руками не трогать

Еще в России мы не раз слышали об экстравагантном индийском гуру, который лечит людей при помощи пепла, одаривает приглянувшихся ему просителей золотыми перстнями и часами, перемещает людей в пространстве и даже изменяет человеческие судьбы. Пепел, кольца и часы появляются в ладонях гуру спонтанно из ниоткуда. Мировая слава чудотворца не дает спокойно жить завистливым фокусникам. Способных кудесников много, но никого из них не почитают как Бога. Ашрамы Саи Бабы есть не только в Индии, но и в Америке, Европе, Южной Африке. В самых отдаленных уголках планеты живут люди, которые бережно хранят фотографии Саи Бабы и мешочки с пеплом. Всего последователей Саи Бабы насчитывают пятьдесят миллионов. Если вы увидите изображение индийского дедули с широкой улыбкой и роскошной прической в стиле афро, то, скорее всего, это и будет Саи Баба. Одежда его всегда оранжевого цвета. В гости к Саи Бабе ежедневно приезжают сотни, а иногда и тысячи людей. И он не разочаровывает свою паству, постоянно выдумывая штучки, заставляющие людей благоговейно вздыхать:

— Вот это, да! — и пересказывать друг другу истории об удивительных деяниях Саи Бабы.

Однажды к Бабе на интервью попал гражданин из Австралии.

— У тебя дома серьезно заболела жена, — сказал Саи Баба, едва взглянув на посетителя. — Надо срочно возвращаться.

— Конечно, — пролепетал парень, — я сегодня же закажу билет...

— Ты не успеешь, — нахмурился Саи Баба и начертал в воздухе дверь, — иди сейчас!

Взволнованный австралиец машинально принял из рук Саи Бабы пепел и шагнул в портал. В ту же секунду он оказался у себя дома, где все было так, как и предрекал Саи Баба. Австралиец вернулся вовремя и вылечил супругу.

В Индии к нашим друзьям приезжали знакомые и родственники из Ирана, которые прямиком отправлялись из Бангалора в Путтапарти — резиденцию гуру (в ста шестидесяти километрах от Бангалора) и возвращались недели через две с пеплом и впечатлениями.

— Я не знаю, — жалобно вздыхала Хале, — может быть, он святой человек, но когда я его вижу, мне становится так плохо...

— Определенно он обладает большой силой, — кивал Хамид.

Индийские подруги к Бабе относились отрицательно и, не задумываясь, называли его шарлатаном, извращенцем и негодяем, по которому тюрьма плачет.

— Это белые сделали из него гуру! — возмущались они.

Споры вокруг личности Саи Бабы до сих пор не утихают. Одни присваивают ему статус Господа всех миров и верят, что в нем воплотился Мессия. Другие признают в нем лекаря и славят его добрые деяния. На пожертвования ашраму построены современные больницы, кардиологический центр в Бангалоре, институты, школы, планетарий. Саи Баба руководит проектом по снабжению питьевой водой некоторых деревень в Андхра-Прадеше. А третьи обвиняют Саи Бабу в сексуальных злоупотреблениях, убийствах и поддельных чудесах. Я не настаиваю ни на одной из версий и расскажу лишь о том, что мы видели в Путтапарти в 2000 году.

Решение ехать к Саи Бабе было принято внезапно. Как же так!? Мы четыре года живем в Бангалоре, а ни разу не сподобились посетить самый известный в мире ашрам! Вот и поехали на выходные втроем: Жанна, Мамла и я. Автобусы в Путтапарти ездят часто, и билеты не нужно приобретать заранее.

Архитектурный ансамбль ашрама напоминает киевский тортик. Знаменитая больница, которую мы видели по дороге в ашрам, несколько ворот и ограда украшены завитушками, цветочками и ангелами в розово-салатно-кремовых тонах. Вдоль дороги — столбы со щитами, на которых написаны высказывания Саи Бабы:

"Мир — это ты сам, поэтому всех люби и всем служи".

"Восстановление и утверждение праведности — вот моя цель, объединение человечества в одну семью — вот моя задача".

Ашрам в Путтапарти называется "Прашанти Нилаям", что означает "Место наивысшего покоя". Ашрам окружен стеной, после девяти вечера ворота закрываются, и в нем остаются только те, кто там живет. На территории ашрама расположены зал Саи Кулвант, где Саи Баба являет себя народу, гостиничные комплексы, столовые, храмы и музей всех религий. "Место наивысшего покоя" напоминает курорт или санаторий с жизнью отлаженной и размеренной, подчиненной строгому расписанию. Гостиницы — коробки девятиэтажки, от которых мы совсем отвыкли в Бангалоре. По прибытию мы прошли к администратору. Документы и индийскую одежду — шальвар-камиз, заблаговременно приготовили, как и полагается. Все, кто работает в ашраме, считаются Преданными Саи Бабы. Администратор — дедушка в очках, посмотрел наши паспорта и спросил:

— Расскажите, почему вы решили приехать к нам?

— Просто так. Посмотреть что к чему, — мы не стали скрывать правду. И так зайки, дресс-код соблюдаем и документы имеются.

— Просто так не бывает, — усмехнулся Преданный. — Это Баба вас позвал.

Мы вздрогнули. Не знаю, кто как представляет Бога и ангелов, но мне лично, черный и морщинистый, маленький и пузатый Саи Баба, с копной волос, из-за которых голова его кажется в три раза больше, чем следует, скорее, напомнил черта, чем Господа. Я бы не хотела, чтобы он меня позвал.

— Ничего, ничего, — увещевал нас Преданный, — располагайтесь, готовьтесь к даршану и не пропускайте пение баджанов. Баджаны — гимны, прославляющие имена и формы Господа.

"Это вряд ли", — синхронно подумали мы с Жанной.

— Еще одно напутствие! — не унимался администратор. — Пожалуйста, не расспрашивайте людей об их впечатлениях, о жизни в ашраме, о Саи Бабе...

— Это еще почему? — удивились мы.

— Вы приехали, чтобы встретиться с Саи Бабой, для каждого человека это свой уникальный опыт. Саи Баба один знает, чему он может научить вас, и это больше никого не касается. Не тратьте времени на пустые разговоры. Лучше углубитесь в себя, задайте мысленно те вопросы, которые привели вас к Саи Бабе, откройте свое сердце, и вы получите ответ.

— Истинно говорю вам, — пробурчала я.

Мы поселились в стандартной комнате с тремя кроватями и санузлом. Здесь не было дозволено смотреть телевизор или слушать музыку. Портрет Саи Бабы на стене — вот и все развлечение. Не удивительно, что многим паломникам через некоторое время начинает сниться знаменитый гуру. В сновидениях он несет всякую белиберду, которую настроенные на нужную волну люди трактуют, как наставления к дальнейшей жизни.

Цены за проживание в гостинице невысокие. Ашрам построен с размахом, это почти город, даже аэродром при нем есть. За стенами ашрама выросли целые кварталы высотных зданий, где живут люди, не желающие покидать место, облюбованное самим Господом. Рядом с многоэтажками приютились обычные индийские деревни.

В ашраме две столовые: европейская и индийская. Завтрак, обед и ужин подаются в определенные часы. Блюда можно выбирать — шведский стол. Меню строго вегетарианское. За еду

надо платить, но стоит все очень дешево. Обширные залы поделены на две половины с отдельными входами для мужчин и женщин. Даже в очереди они не могут постоять вместе, только переглядываются на расстоянии. Выбранную еду накладывают на тарелки Преданные. Остается только расплатиться в кассе и сесть за стол. Если тебя случайно задевают, вместо привычного "извините" говорят "Саи Рам". На вопросы могут и не ответить, скажут универсальное: "Саи Рам" — и отодвинутся. "Саи Рам" означает и "привет", и "как дела", и "спасибо", и "простите", и "до свидания". "Саи Рам" значит "Саи Бог".

— Я скоро сойду с ума! — завопила Жанна. — Тут все закодированные. Мне душно! Тесно! Страшно! Почему нельзя разговаривать в полный голос? Слушать музыку? Носить джинсы? Фотографироваться?!!!

Мы вышли из столовой и сели на траву возле дерева. В ашраме очень чисто, зеленые лужайки ухожены, цветы политы. Преданные в белых одеждах следят за порядком.

— Встаньте, пожалуйста, — вежливо, но внятно попросил неведомо откуда возникший Преданный, — здесь нельзя сидеть.

— Почему же? — возмутилась Жанна.

— Это священное дерево. Когда мы хотели его срубить, оно запело: " Саи Рам. Саи Рам", — невозмутимо объяснил Преданный.

Я чуть не прыснула от смеха, взглянув на негодующую Жанну. Мы с Мамлой увели ее поскорее прочь и не позволили избить Преданного.

В первый день на даршан — лицезрение образа божества, мы опоздали и после обеда пошли гулять по Путтапарти. Ашрам окружен торговыми рядами. В каждой лавке есть портрет Саи Бабы, сувениры с изображением святого и диски с записью баджанов. Остальной товар: украшения, шали, ковры, кристаллы — все то же самое, что и в других местах скопления иностранных туристов. Поглазев на продавцов-кашмирцев, мы отправились в музей Саи Бабы, который назывался "Чайтанья Джьёти" — "Пламя сознания". В музее несколько залов. В первом отделе мы ознакомились с "Исполнившимися пророчествами о пришествии Саи Бабы". На стенах висели плиты с высеченными на них надписями. Плиты следовало рассматривать парами. На первой плите каждой пары выдержки из Библии, Корана и других священных книг — собственно пророчества. Каждая вторая плита пары озаглавлена: "Исполнение пророчества". На них по пунктам разъясняется, почему характеристики Сатья Саи Бабы соответствуют всем признакам ожидаемого спасителя мира. Например: "пророчество Мухаммеда о Мехди Мауде" гласит:

" У него будет копна волос, лоб большой и выпуклый, на щеке — родинка. Его одежда будет подобна пламени. Цвет лица — иногда желтый подобно золоту, иногда темный, иногда сияющий подобно луне. Его тело будет маленьким, ноги — как у юной девушки... Он будет жить до 95 лет. В последние двадцать лет жизни он будет Царем мира, две трети людей поверят в него..." А рядом с этим пророчеством идут пояснения, в которых детально разбирается внешность Саи Бабы и чуть ли не указывается размер его обуви. Я не знаю, соответствует ли английский перевод текстам оригиналов, не столь важно. И так видно, что все эти объяснения притянуты за уши. Они поражают своей абсурдностью и беспардонностью. Странно, но факт, во всех пророчествах была ссылка на удивительную красоту ожидаемого спасителя. Авторы "исполнений пророчеств" старательно расписывали дивные черты лица и стать Саи Бабы. Не убедили. Но все еще было впереди.

В следующем зале в скульптурных композициях из пластика была представлена история о том, как Саи Бабе пришло откровение, и он осознал свою божественную природу.

Первый раз он явился в Индии, в штате Махараштра между 1852-1854 годами, как Ширди Саи Баба и был факиром мусульманином в полуразрушенной мечети. Ширди Баба говорил, что бог находится в человеке, и никому не нужно менять веру, потому что в каждой вере есть истина. Считается, что он заложил основу объединения религий. Ширди Баба практиковал совместные трапезы и молитвы с прихожанами. Он также раздавал страждущим вибхути, только пепел не сыпался у него из ладоней. Ширди Саи брал его из обычного костра, и пепел становился лечебным. Нынешний Саи Баба продвинулся настолько, что костер ему больше не нужен. Ширди Саи Баба умер в 1918 году. Сатья Саи Баба родился в 1926 году в деревне Путтапарти и был четвертым ребенком в семье. Однажды мальчик пришел домой из школы и объявил матери, что больше в школу не пойдет, так как явился в этот мир для других важных дел. Никто не мог убедить его изменить это решение, а потом начались чудеса, потекли из уст подростка мудрые речи, к мальчику потянулись люди, и вскоре он стал известным гуру.

Последний раз Саи Баба воплотится через восемь лет после того, как покинет физическое тело, в котором пребывает сейчас. Умереть Саи Баба собирается в возрасте 96 лет. Говорят, он уже присмотрел себе маму и папу в какой-то южно-индийской деревеньке. Они еще дети.

Экспозиции в следующем отделе музея рассказали нам об аватарах. Оказывается, аватары бывают двух типов. Амсааватара — это частичное воплощение божественного. Все люди являются

амсааватарами Бога, но пойманные в сети майи, они становятся жертвами эгоизма и не выходят за рамки обычной мирской жизни. Пуранааватара — это полное воплощение Бога. Человек, подчинивший майю, примером жизни демонстрирует людям свою божественность. Распознать пуранааватару помогут пять признаков:

1. Милость или способность награждать за приложенное усилие.

2. Сила, позволяющая создать новый строй жизни, новые уровни сознания и новые материальные объекты.

3. Сила поддерживать все то, что по природе своей является хорошим и добрым, но нуждается в защите.

4. Сила разрушать зло.

5. Обладание именем и формой, которые способны вызвать немедленное присутствие аватара или мгновенную помощь.

Аватар приходит в мир, когда люди нуждаются в его помощи. Когда миром овладевают вражда, беззаконие и хаос, Бог принимает человеческий облик, чтобы указать людям утерянный путь к любви, гармонии и миру.

Яркие и блестящие скульптуры в зале музея представляют девять аватар бога Вишну (все это был Саи Баба). Он же приходил в мир, как Христос и Магомет.

Следующий отдел музея называется "Божественная красота Саи Бабы". Стены в зале украшают огромные, черно-белые, высокого качества фотографии Саи Бабы в молодые годы. На снимках изображен юноша в различных позах: Саи Баба задумчивый, Саи Баба озорной, Саи Баба романтичный, на камнях, у моря, у дерева... Да, очень красивый мальчик, но смахивает он на гоанского плейбоя. Мы стояли посреди зала, и на нас отовсюду скалились полуобнаженные красавцы. Интересно, кто сделал Богу такое шикарное портфолио и в каком году?

Экспозиция завершалась демонстрацией по телевизору видеороликов о чудесах, творимых гуру. Саи Баба подходит к морю, и море сияет, приветствуя его. А вот Саи Баба материализует кольцо. Больше всего нам понравился ролик, где Саи Баба производил на свет шивалингамы (шивалингам — символическое изображение мужских и женских детородных органов, олицетворяющее союз Шивы и Шакти). Сначала мы не могли понять, что происходит. Саи Баба сидел перед столом, как-то странно тужился и морщился, а потом вдруг вынимал изо рта предмет, похожий на яйцо, и складывал его в ячейку на столе. И так яйцо за яйцом.

— Уже штук двадцать, наверное, — шепнула я Жанне.

— Пасху что ли справляет? — хмыкнула она.

Подошли поближе, прочитали пояснение. Оказалось, что это шивалингамы. Такое чудо Саи Баба показывает во время праздника Шиваратри. Презабавное зрелище. А в пояснениях к видео сказано, что несколько человек из тех, кто наблюдал это чудо воочию, в тот же миг обрели мокшу (спасение). По нашим понятиям — отправились в мир иной. По индийским воззрениям — вырвались из сансары — круга перевоплощений и достигли освобождения и нирваны.

Вышли мы из музея слегка ошалевшие. Эта экскурсия произвела на меня гораздо большее впечатление, чем сам ашрам.

В ашраме много русских, в основном женщин. Их легко узнать. Они всегда накрашены. Европейские и американские дамы давно уяснили, что гораздо удобнее не краситься, не гладить одежду и гулять в шлепанцах. Особенно в Индии, где (как они уверены) все люди простые. Русские не позволяют себе так опускаться. Двух сногсшибательных соотечественниц в длинных бархатных платьях (и это в сорокоградусную жару!) мы заметили у ворот ашрама. Они упражнялись в английском языке с долговязыми сынами Запада. Интересно, этих девушек тоже позвал к себе Саи Баба? Или они просто подыскивали подходящих женихов?

Мы познакомились с русскими, покинувшими родину навсегда. Один из них — бизнесмен, жил с семейством в Голландии. Другой, по имени Давид, был просто бродяга, болтавшийся по миру. Несколько лет он пребывал в Голландии, а потом перебрался в Индию.

Бизнесмен, холеный, гладкий, благополучный, сказал, что приезжает в ашрам не в первый раз. Только здесь он отвлекается от суеты, постоянного планирования и напряженных рабочих будней. А в этот раз он привез с собой жену и дочку.

— Дочка вымахала, во! — вздыхал бизнесмен. — А здоровая такая, что меня в бараний рог согнет. Занимается борьбой, и это у нее с переходным возрастом совпало. Справиться с ней никакой возможности. Если что не так, сразу в драку лезет. Привез ее к Бабе. Перемена разительная. Успокоилась, хоть на девушку стала похожа. Вот так. Хотите верьте, хотите нет.

— Саи Баба — молодец, — поддакнул Давид, мужчина лет сорока с желтыми нечесаными волосами до плеч. — Саи Баба всех видит, за всеми следит. Я в Голландии жил, а там, как известно, гашиш, марихуана — все разрешено. Я и баловался то тем, то этим. Вот собрался ехать к Бабе, билет купил, в аэропорт приехал и вспомнил, что покурить с собой ничего не взял. Как быть? Привык уже. Подхожу к копу, а чего мне в Голландии бояться? И спрашиваю его так, подмигивая:

— Братан, а курево где продается?

Он и глазом не моргнул:

— Вон там, — говорит, — автомат стоит.

— Ну, думаю, совсем офигели буржуи, наркота у них из автоматов сыпется. Подошел, деньги бросил, выскочили пачки с зельем, иду в самолет, радуюсь. Взлетели мы, достал я порошочек, закурил. Что за хрень? Табак! Обычный табак! Закрыл глаза и вижу, как Баба ухмыляется и пальчиком мне грозит. Не дури, мол. Я думаю: "Ничего себе, ты надо мной пошутил!"

— Да уж, — пожала плечами Жанна, — просто тому копу в голову не пришло, что ты в самолет гашиш хотел пронести. Ничего удивительного.

— Нет, это все Баба, — настаивал Давид.

— А на интервью ты у него был? — спросила я.

— Был.

— И что он тебе сказал?

— Он всех спрашивать стал, кто из какой страны приехал. Когда до меня очередь дошла, я ему говорю: " А я индус". Он посмотрел на меня долгим взглядом и сказал: "Этот в Индии уже давно".

Мы ждали, но продолжения не последовало.

— Он имел в виду, — пояснил, наконец, Давид, — что в прошлой жизни я был индусом!

— О?! Неужели? — воскликнули мы. — А, может, он пошутил?

— Нет, вы не понимаете, — нисколько не обиделся Давид. — Вы на какой срок приехали?

— На два дня.

— Мало! За два дня ничего не поймете. Тут нужно дольше пожить, чтобы проникнуться.

— Ты долго здесь живешь, — сказала Жанна, — как думаешь, чего всем этим людям надо?

— Мокши! Освобождения от страданий, чтобы уйти и больше не возвращаться в эту юдоль печали.

— Разве жизнь — это обязательно страдание?! — не согласились мы с Давидом. — Замечательная идея о перерождении, когда знаешь, что впереди у тебя много разных интересных жизней. Можешь родиться в любом уголке планеты, женщиной, мужчиной или зверьком каким-нибудь. Это же благо!

— Ну, — рассмеялся Давид, — души у вас молодые. Мокши вам долго не видать, будете перерождаться, как сами того хотите.

На утро мы собирались посетить даршан. Нас предупредили, что на интервью к Бабе попасть сложно. Многие люди живут в ашраме месяцами и каждый день пытаются привлечь Саи Бабу к

решению своих проблем. Даршан начинается в семь утра, но очередь жаждущие встречи с Саи Бабой занимают с часу ночи. Они распределяют между собой места в первых двух рядах, так как Баба далеко за просящими не ходит. Когда Саи Кулвант открывают, то все садятся строго в порядке очереди. Жанна сказала, что встать в семь утра — это для нее уже подвиг, а торчать на улице ночью — это, простите, сдвиг. Утром мы мчались галопом к павильону Саи Кулвант, потому что опять почти проспали встречу с Саи Бабой. Он выходит всего на несколько минут, и будет жаль, если мы его так и не увидим. Конечно, уже не было никакой очереди, и мы свободно расселись на мраморном полу в ряду пятисотом от заветной двери, из которой выходил гуру. На входе в павильон отбирают колющие и режущие предметы, камеры, спички и босоножки. Женщин, стремящихся проникнуть на даршан без дуппаты (шарфа, накидываемого поверх платья, чтобы прикрыть грудь), прогоняют.

Наконец, все споры улажены, ковровые дорожки, по которым будет ступать Божество, расстелены, звучат заунывные баджаны. Люди сидят по-турецки, либо стоят на коленях на принесенных с собою ковриках, и все тянут шеи в ожидании. Когда же появится Саи Баба?

Появился. Он обходит свои любимые два первых ряда и собирает письма с прошениями. Те, у кого Баба принял письмо, позже приглашаются на интервью. Потом Саи Баба идет по ковровой дорожке вглубь зала. Ликующий народ стелется ниц перед своим кумиром. Саи Баба спокоен. Одну руку он поднимает в приветственном жесте, другой поддерживает свой выпуклый, такой характерный для индийских мужчин в возрасте, животик. Служители порядка на протяжении всего пути Саи Бабы следят за тем, чтобы люди не бросились на гуру. Можно только лицезреть его, а не хватать руками или лобызать стопы Божества. Говорят, такие случаи бывали. Но сегодня толпа ведет себя прилично и почтительно. Между прочим, в 1993 году за покушение на жизнь Саи Бабы были расстреляны студенты университета в Путтапарти, и никто толком не расследовал это дело.

До нашей галерки Саи Баба не доходит, где-то там посреди зала у него поворот, и вот он уже семенит назад. Мы не можем почувствовать его необыкновенную ауру. Да, никаких ощущений. Разве что, Саи Баба показался нам слишком ветхим и уставшим от ежедневной кутерьмы вокруг него. А до девяноста шести лет еще жить да жить, и от звания Бога отступиться не дадут. Наверняка, за Саи Бабой кроется институт очень влиятельных людей.

Я не настаиваю на том, что все это — фальсификация,

массовый гипноз и прочее и даже готова поверить в материализацию предметов, общение на расстоянии посредством телепатии и телекинез. Думаю, что все эти способности современный человек мог бы развить у себя, если бы поднялся на более высокий уровень сознания, пересмотрел свои ценности, стал добрее, научился отвечать за собственные поступки. А иначе чудесные способности могут обернуться оружием против человечества и ускорить его гибель.

Если Саи Баба приветствует в людях стремление к самосовершенствованию, то непонятно почему же они превращаются в толпу преданных и единственной целью своей жизни считают пребывание вблизи избранного гуру? Будто бы одной его милости довольно, чтобы препроводить их на небеса обетованные. Большинство людей в ашраме следуют распорядку жизни Саи Бабы и верят, что пока они живут под присмотром у Бога, ничего дурного с ними не случится. "У Бога есть план для меня, вот все, что мне нужно знать". Пожалуй, это удобно. Но мы с Жанной решили, что больше в ашрам не поедем, так как считаем, что жизнь дается нам, чтобы как-то проявить в ней себя, а не для того, чтобы от нее отречься. Мамла сказала, что стоит поехать в ашрам еще раз. Если столько людей находят в нем то, что ищут, значит, дело обстоит серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Мы не стали разубеждать друг друга.

Глава 18. Наши в Индии

В Бангалоре мы с Жанной были первыми студентками из России и поговорить на русском языке могли только с узбечкой Дилорам, которая приехала в Индию незадолго до нас и тоже обучалась по программе ICCR. Все встречи с русскими были случайными, иногда они перерастали в длительное знакомство, иногда — нет. Общения хватало и с индийцами — исключительно контактными людьми. Обычно они не искали повода для знакомства, просто говорили:

— Привет, как дела? Меня зовут ...

Однажды один из таких бойких ребят, узнав, что мы русские, обрадовался:

— Вот здорово! А у меня, между прочим, соседка — русская женщина. Я вас ей представлю.

Так мы узнали милую пару — Нину и Лесли Родригес. Нина вышла замуж за индийца еще в советское время, при Брежневе. Лесли Родригес работал секретарем общества русско-индийской дружбы и побывал с женой во многих городах России. В том числе и во Владивостоке, где у них родилась дочь. Потом они переехали в Бангалор и привезли с собой книги, посуду, стиральную машину и даже мебель. Лесли установил хитрую антенну на крыше, которая позволяла смотреть наши фильмы и слушать новости на русском языке. У Нины получился маленький и тихий уголок родины в океане индийской жизни. Супруги всегда говорили только по-русски, похоже, что наша культура стала родной и для Лесли. Дочь их выросла и уехала учиться в Англию, а потом в Америку. Достигла каких-то серьезных успехов в астрономии и вышла замуж. А родители терпеливо ждали ее звонков и с ностальгией вспоминали о Бангалоре прошлых лет.

— Какой это был город, — вздыхает Нина, — какой воздух! Ни машин, ни мотоциклов. Только пешеходы, велосипедисты и ослики. Пушистые, очаровательные ослики.

Эта чудесная пара нередко привечала нас обедами без жгучих специй, чаем без молока и настоящим русским хлебом. За двадцать лет жизни в Индии они не изменили русскому быту. Я и по сей день с теплотой вспоминаю их приветливое общество, успокаивающий ритм жизни, огромное манговое дерево за окном.

В рамках русско-индийского фестиваля в Бангалор прибыл Государственный театр классического балета под руководством Касаткиной и Васильева. Принимали их сотрудники Бангалорского ICCR. Мы с Жанной были в колледже, когда за нами приехал сам Сури Рао.

— Девочки! Необходима ваша помощь. Артисты балета почти не говорят по-английски!

— На переводчиков потратиться жалко? — прыснула ядом Жанна.

— Пожалуйста! — взмолился Рао. — Только два дня! Завтраки, обеды и ужины — в пятизвездочном отеле вместе с группой.

— Значит, будем вкалывать за тарелку супа? Ну что ж, не в первый раз. — Прервала его Жанна. — Поехали!

На самом деле, посмотреть балет такого уровня было любопытно.

— Как вам тут? — спросили мы у артистов. — Понравился город?

— Дворцы шикарные. Но за их пределами неуютно. И все как-то разбросано. А еще, в Бомбее нам говорили, что Бангалор — современный город, но мы так долго по нему ехали, а вокруг все поля, да кибитки какие-то.

— Куда вы их вчера возили? — спросили мы у Сури Рао.

— Вчера? В Майсур ездили на экскурсию. — Майсур находится в четырех часах езды от Бангалора. Артисты даже не поняли, что это другой город. Трудно без переводчиков.

— А вообще, девчонки, классно, — продолжали делиться впечатлениями балерины. — Вот бы в Москве в ноябре такую погоду. У вас что, холодно не бывает?

— Не бывает.

— Повезло.

Программа на день у артистов была напряженная: встречи с репортерами, репетиции, а вечером выступление. Мы переводили всем сразу, еле-еле успевали.

Помещения оказались неприспособленными для разминок, никаких тренажеров и в помине не было. Общими усилиями соорудили станок из двух лестниц-стремянок и одной обычной лестницы, которую положили поперек, как перекладину. Были и другие неурядицы. Светомастер нашел, что ламп, освещающих сцену маловато. Мы долго объясняли рабочему индусу, в какие моменты он должен включать дополнительный прожектор. Рабочий радостно кивал, изображая полное понимание наших требований. Луч прожектора должен был двигаться за танцорами, когда они перемещались по сцене, но если балерины кружились на месте, его следовало выключать. Свет прожектора слепит глаза и от него очень жарко.

Потом мы перевели на английский язык либретто и составили тексты для конферансье.

Такого ажиотажного спроса на билеты мне ни разу видеть не

приходилось. Культурная жизнь в Бангалоре била ключом. Каждый месяц туда приезжали то китайские акробаты, то танцевальные ансамбли с Караибских островов, из Вьетнама, Ирландии, играли симфонические оркестры из разных городов и стран и т.д. Мы всегда получали приглашения и старались не пропускать представления. А местные театры, музыканты и танцевальные коллективы выступали практически каждый день, и вход был бесплатный. По окончании выступления собирали пожертвования. Но в этот раз толпа просто штурмовала здание театра, билеты разлетелись в миг, а залы в Индии гораздо вместительнее российских. Аншлаг. В результате, некоторые балетоманы стояли в проходах или разместились прямо на ступенях. А мы сидели в первом ряду вместе с мастерами света и звука, чтобы быть рядом, если вдруг понадобится наша помощь.

Сергей (светомастер) нервничал, занавес открывался слишком медленно, и рабочий с прожектором перепутал все эффекты. Он не успевал следить за перемахивающими из конца в конец сцены танцорами, и луч прожектора беспорядочно плясал по сцене. Но стоило балерине остановиться, как сноп света нещадно бил ей в лицо. Балерина вертелась под слепящим горячим потоком, пот струйками катился по лбу и щипал глаза, а мы с Сергеем шипели в микрофон: "Убери свет, немедленно, кому сказали? Сейчас руки оторвем!" Но рабочий был счастлив из-за оказанного ему доверия и ничего не понимал. Во втором отделении его прогнали, решили обходиться без спецэффектов.

Танцевали сцены из балетов "Лебединое озеро", "Щелкунчик", "Дон Кихот", "Жизель", "Корсар" и "Эсмеральда". Ничего подобного я раньше не видела. В Хабаровск изредка наведывались столичные коллективы, но никогда балет не захватывал меня целиком. А тут мы аплодировали и кричали: "Браво! Великолепно!" На гастроли за границу приехали только заслуженные артисты и лауреаты всевозможных премий. Может быть, этим объяснялось высокое мастерство исполнения. Артистам не платили денег за гастроли в Индии, но все говорили, что поехали с удовольствием, и возможность посетить такую экзотическую страну считали удачей. Индийцы встречали всю труппу тепло, они еще с советских времен восхищались русским балетом и цирком. Танцоров украсили гирляндами из живых цветов, и каждому подарили по красивому шелковому шарфу. Артисты улыбались признательно, видно было, что такое внимание им очень приятно. До Бангалора они успели побывать в Бомбее и в Калькутте. В Бомбее русское консульство принимало их с русским размахом. А вот Калькутта произвела гнетущее впечатление. Артистов повели на священные берега Ганги, где

толпы больных и калек омывались в надежде на исцеление. После этого гастролеры боялись к чему-либо прикасаться и мылись минеральной водой из бутылок. Я вспомнила, что также поступала Жанна, когда мы приехали в Индию.

На следующий день балерины нежились в шезлонгах у бассейна, чтобы сполна насладиться перед отъездом щедрым южным солнцем. "Почернели тут белые лебеди", — улыбались они. Поход за сувенирами под нашим предводительством оказался неудачным. Из-за большого мусульманского праздника почти все магазины были закрыты.

После обеда артисты улетели в Дели на завершающие турне гастроли.

Нам довелось побывать в том же пятизвездочном отеле еще раз. К тому времени, мы уже учились в университете. Решили, что неплохо бы получить в теплой Индии степень магистра и продлили нашу трехгодичную стажировку. В коридоре университета мы встретили взволнованного Гопала, сотрудника ICCR.

— Вам надо немедленно ехать со мной! — выпалил он.

— В офис?

— Нет, в гостиницу "Ашок".

— Опять кому-нибудь переводчик понадобился? — нахмурилась Жанна.

— Нет. Приехал ваш земляк. Как только он узнал, что здесь учатся студентки из Владивостока, захотел вас немедленно увидеть.

— Какой еще земляк?

— Господин Курилов.

М-да. Курилов был ректором ДВГУ — нашего университета во Владивостоке. Интересно, что его сюда занесло?

На этот раз обедать нас никто не приглашал, мы дождались Курилова с супругой в вестибюле. Ректор понятия не имел о том, что две его студентки стажируются в Бангалоре. Во Владивостоке мы никогда с ним не пересекались — не тот уровень. А тут он начал расспрашивать нас об образовании, о предметах, которые мы изучаем, о наших планах на будущее.

— Из вас получатся очень ценные специалисты, — говорил Курилов, — вы каждый день общаетесь на английском языке, лекции и семинары у вас тоже проходят на английском языке, вы налаживаете связи с местными институтами, понимаете специфику страны. Такие люди нашему университету нужны!

Мы с Жанной в ярких сарафанчиках и легкомысленных шляпках слушали Курилова и загадочно улыбались.

— Не выходите замуж за индусов! — вдруг вмешалась жена

Курилова Кора. С такими знаниями, как у вас, быть домохозяйками просто преступление. В наше время женщина должна думать, прежде всего, о карьере. Перед вами блистательные перспективы.

— Да, и вообще, индусы — чуждые нам по культуре люди! — поддержал жену Курилов. — У вас российский менталитет, девчонки, так что ищите русских мужиков. Такие красавицы должны жить в России. Как только получите дипломы, приезжайте во Владивосток, сразу подойдете ко мне, и мы обсудим все возможности. Образование российское завершите экстерном, одновременно начнете преподавать на вашей кафедре и у меня на факультете российско-американских отношений.

Мы внимали завлекательным речам, потупив взоры, и думали: "Как же, ждите! Очень нам хочется ехать в холодный ветреный Владивосток, где надо носить шубу и сапоги, где перебои с отоплением, водой и электричеством, а в море можно купаться только в августе. И то холодно! А еще мы непрерывно мечтаем работать на десяти работах, уставать так, чтобы о личной жизни и не вспоминалось, и все равно еле сводить концы с концами. И рассчитывать только на комнату в общежитии. Высший класс!"

Но вслух мы сказали, что подумаем над его предложением, и, если ничего лучшего не подвернется для наших карьерных планов, обязательно вернемся. Прошло много лет с тех пор, но с Куриловым встретится не довелось.

Бангалорский университет находится за городом, на обширной территории, где еще недавно были джунгли и обитали слоны. Сейчас слоны не блуждают по кампусу, кобры и их враги мангусты тоже стали редкостью, но по деревьям университетского парка скачут обезьяны и попугаи сверкают оперением в листве. Мы с Мамлакатой сняли комнату в Нагарбхави, рядом с альма-матер. Здесь же, в Нагарбхави, расположены научно-исследовательский институт и известная в стране Высшая юридическая школа. Преподаватели живут в симпатичных коттеджах в парковой зоне. Учителя и врачи в Индии — уважаемые люди. Дома в Нагарбхави — одно — двухэтажные, дороги не асфальтированы, нет больших ресторанов и магазинов. Автомобили — редкость. Тишина и покой, по дорогам гуляют коровы и козы. Словом, "глухомань" — для тех, кто живет в центре города. Иду я по тихой деревенской улочке домой и вдруг слышу:

— Смотри, собачка. Со-бач-ка.

Оглянулась, в воротах стоит индийская женщина и держит на руках индийского ребенка. Молчит. Думаю: "Померещилось. Что

за наваждение! Наверное, она по-английски сказала, а я перевела на русский и не заметила". Мамла меня высмеяла:

— Ты, — говорит, — переутомилась со своими экзаменами. Откуда русские в Нагарбхави?!

На следующий день идем с Мамлой мимо этого же дома, и вдруг:

— Коровка. Вот она, коровка...

Тут уж мы не выдержали и подошли к этой женщине.

— Извините, а вы не из России?

— Из России, — говорит, — откуда же еще?

— И мы из России.

Вот так и встретились русскоязычные соседи на одной улице у Шивы на куличках.

Миранда — грузинка, приехала в Бангалор с мужем из Москвы. Они познакомились, как водится, в университете, в общежитии. Расписались в Москве. По завершению учебы пытались заняться бизнесом в столице: продавали конфеты на рынке. Налоги и рэкет их неокрепший бизнес душили. Когда Миранда забеременела, пара решила переехать в более комфортную для жизни Индию. Семья мужа Миранду приняла хорошо, а это редкость, чтобы индийские родственники одобрили женитьбу сына на иностранке. Ей повезло: родители мужа исповедовали христианство, были образованными и обеспеченными людьми. Свекор — профессор, сам часто бывал за границей. Миранда, бойкая, общительная и смешливая, пришлась по душе и свекру, и свекрови. Они первое время пребывали в шоке от количества дел, с которыми невестка справлялась, играючи, в рекордные сроки. Сама Миранда считала индийских женщин, по сравнению с нашими, вопиюще бесхозяйственными.

— Разве это дело, — рассказывала нам Миранда о свекрови, — ей надо лук порезать, а она специальную терку потеряла, и все: процесс встал! Я говорю: "Зачем терка, когда есть Миранда?" Взяла луковицу и раз, раз, раз! А мама смотрит, как будто я чудо сотворила и говорит: "Никогда не видела, чтобы кто-то так лук резал!"

Артистичная от природы Миранда не просто рассказывала, а проигрывала каждую ситуацию, которую находила смешной. Это помогало ей легко преодолевать лингвистические барьеры с новыми родственниками. Муж Миранды не сводил с нее восхищенных глаз. В Индии они повенчались.

У нас сложились теплые дружеские отношения со студентами и студентками из Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана. Они хорошо говорили на русском языке и помнили советские времена. В нашем воспитании было много

общего. Хотя мы узнали много самобытного о культуре и обычаях бывших республик Советского Союза, это не стало преградой в наших добрых отношениях. Пусть в независимых государствах между русскими и коренным населением постоянно шли какие-то трения, в Индии мы общались на равных, ходили в гости, помогали друг другу, устраивали шумные вечеринки. Они были такие же наши, как россияне.

Однажды почетные граждане города устроили для иностранных студентов развлекательный вечер. Помимо традиционного шведского стола и общения с устроителями праздника в программе вечера было множество конкурсов. Один из них состоял в следующем: играли гимн какой-нибудь страны, и представители этой страны должны были узнать музыку и исполнить гимн. Мы с Жанной занервничали. Ни она, ни я не знали мелодии русского гимна, и слов тоже не знали. Кроме нас из России приглашенных не было, ситуация возникла тупиковая. А показать свое невежество и опозорится перед студентами из тридцати-сорока стран очень не хотелось.

— Давай на время конкурса сбежим из зала, — предложила Жанна. — Народу много, не заметят. Проиграют мелодию, увидят, что петь некому и забудут об этом.

Так мы и сделали. Едва только индийцы начали игру "Угадай мелодию своего гимна", мы потихоньку покинули помещение и ушли гулять и общаться с нерадивыми студентами, которые проигнорировали всю программу и стояли на улице. Минут через сорок Жанна сказала:

— Ну, все, наверное, закончилось. Пора возвращаться. Сейчас будет лотерея, а в лотерею я всегда выигрываю.

Мы заглянули в зал и на всякий случай спросили у киргизок:

— Не слышали, русский гимн сыграли?

— Да, вроде, — пожали они плечами.

Но тут среди индийцев прошел шепоток: "Русские вернулись", — и грянула какая-то мало знакомая музыка. Жанна оказалась не права. Народу в зале действительно сидело много, но на фоне афро-азиатской толпы нас трудно было не заметить. Музыка играла, на наших лицах ничего не отображалось, и индийцы стали часто на нас поглядывать. "Вот они, — подкралось нехорошее предчувствие, — пять минут нашего позора..."

— Разве это не гимн России?! — крикнул на весь зал дядька, переключавший магнитофон.

— Что?! — встрепенулись мы. И сотни глаз обратились в нашу сторону.

— Ну, почему же? Вероятно, это он, — высказались мы по поводу прозвучавшего вопроса.

— Вы не знаете вашего гимна?! — возмутились устроители банкета.

— Мы же давно здесь живем, — оправдывались мы, — а в России все так быстро меняется.

— Хорошо, какой же гимн вашей страны вы знаете? — растерялись индийцы.

— Гимн Советского Союза, — отвечали мы, не дрогнув.

— Мы его тоже знаем, — оживились киргизы и узбеки.

— Так, может быть, вы нам споете? — предложили индийцы.

Вышли все вместе: русские, узбеки, таджики, киргизы, и казахи — и хором торжественно запели:

"Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь..."

Все слова вспомнились, — еще в школе, в классе, наверное, третьем мы учили этот гимн наизусть и пели его, стоя, до начала первого урока.

Когда гимн отгремел, все улыбались и аплодировали, как будто бы "торжество коммунизма" снова замаячило на горизонте.

Глава 19. Одинокая девушка не желает познакомиться

Мужчины на Востоке, как известно, легко возбудимы и всегда готовы атаковать неохраняемых дам. Трудно даже представить это неуемное желание в первую же минуту встречи стать бойфрендом приглянувшейся красотки, пока не испытаешь их домогательств на себе. Не нужно строить глазки, приветливо улыбаться или идти на какие-то уловки, им достаточно того, что вы женщина. И тогда мощная волна вожделения выплескивается на "объект" их внимания. Если рядом с вами мужчина, можно не опасаться назойливого внимания. С подругами тоже чувствуешь себя не так напряженно, можно отшутиться, обсудить местных альфонсов по полной программе и избежать неприятных моментов. Но если девушка идет по улице одна, женихи слетаются роем. Каждый самостоятельно передвигающийся индус считает своим долгом познакомиться с ней. А вдруг повезет? Они хорошо усвоили, что моральные устои западных женщин позволяют обзаводиться любовниками, как до свадьбы, так и после, и практически невозможно переубедить их. Иностранцы тоже весьма активны и без лишних церемоний пытаются познакомиться со светлокожими девчонками, ловко используя как повод непричастность к индийской нации. Им просто скучно и хочется поразвлечься в дороге.

Но иногда все-таки приходится путешествовать одной. В Индии без терпения, юмора и удачи это просто невозможно. В этом я убедилась, когда возвращалась в Бангалор из России после каникул. Самолет улетал из Ташкента в Дели вечером, в одиннадцать часов. Немногочисленные пассажиры поднялись по трапу. В салоне темно и пусто. Занимаю сразу три места. Десять минут проходят в полной тишине. Русские и узбеки неторопливо рассаживаются, укрываются одеялами, пристегивают ремни и готовятся спать. И тут на борт поднимается толпа израильтян, что совсем не странно — самый дешевый рейс в Индию выполняют Узбекские авиалинии. Я знаю, что народ этот шумный, раскованный, нескромный и даже в дороге стремится расположиться с максимальным комфортом, то есть, занять все пространство. "Не выйдет", — усмехаюсь я и ложусь поперек трех кресел, Прячусь под зеленым одеялом и зло посверкиваю глазами на израильтян, которые по всему салону теснят моих соотечественников.

— Девушка, у вас свободно? — спрашивают один за другим

бесцеремонные туристы.

— Занято, — категорично заявляю я. Странный народ, столько свободных мест, но они норовят захватить именно мое кресло. Однако я сумела отстоять, вернее, отлежать свою территорию.

В Дели самолет прилетел в два часа ночи. Стою, жду багаж. Евреи вьются вокруг.

— Девушка, вы редко улыбаетесь, или это день такой?

"Спокойно, — думаю я, — мы уже в Дели. Не так уж сложно доехать до родного Бангалора без случайных знакомств". Тут подходит красавец еврей — высокий, загорелый, плечистый. Все остальные, почувствовав, что против этого мачо у них не остается никаких шансов, разбегаются. Мачо не слишком хорошо изъясняется по-английски, но все, что ему нужно, выразить словами и жестами может.

— Я тебя еще в самолете приметил, но ты все время отворачивалась. И на паспортном контроле тоже от меня улизнула. Вот теперь, наконец-то, я тебя поймал. Присоединяйся к нашей компании.

— Нет, что ты! Я сегодня же уеду в Бангалор. Семестр уже начался, надо срочно возвращаться в университет.

— А, может, передумаешь? Поедем лучше в горы путешествовать. Я не как другие, не марихуану курить приехал, а в походы ходить. Я спортивный, хочу на Эверест забраться.

— Это класс! Но мне нельзя задерживаться. На Эверест сам лезь, договорились?

— Ладно. Тогда я с тобой в Бангалор поеду.

— Какая глупость! У нас там сезон дождей. Делать нечего.

— Ну и что? Зато я буду с тобой!

Похоже, что спортсмену Хази никто прежде не отказывал. Пришлось объяснить, что у меня есть друг, которому я верна без вариантов. Парень расстроился, но только на минуту:

— Но сегодня-то ты одна. Не боишься в гостиницу ехать? Лучше с нами, мы уже скооперировались вчетвером.

Я согласилась. Познакомилась и с остальными попутчиками. Лысый еврей оказался юристом и по-русски изъяснялся легко. У девушек пропала сумка, которую они сдавали в багаж, и мы еще задержались, пока потерпевшие выясняли, что сталось с их вещами. Потом мы взяли такси, еле влезли туда впятером (водителей было двое, а все остальные втиснулись на заднее сидение). Хази захотел быть водителем, и вежливые индийцы ему уступили. Ночь, незнакомая дорога, навстречу мчатся огромные грузовики, но веселый еврей поет и кричит от избытка чувств. Потом новые знакомые решили меня развлечь и всю дорогу пели

русские песни, но на иврите. Едва мы прибыли в Пагаргандж, начались проблемы. Все мои попутчики были в Индии в первый раз, и друзья им посоветовали какую-то единственную, на редкость дешевую гостиницу. У них были карты и дружеские наброски с ориентирами, только ночью картам и рисункам грош цена. Многие гостиницы были закрыты, а в тех, куда можно было поселиться, цены на номера не устраивали моих неожиданных сотоварищей. Индусы-водители устали колесить по Пагаргандж и отчаялись нас куда-либо пристроить. Они даже угрожали тем, что отвезут нас обратно в аэропорт, выгружали чемоданы и ругались, пропади, мол, пропадом ваши деньги, мы хотим спать. Но попутчики мои не падали духом, снова загружали чемоданы в машину и убеждали водителей успокоиться. Рано или поздно, говорили они, мы найдем эту заветную гостиницу, и даже если там не будет мест, до утра подождем в вестибюле, а утром всегда кто-нибудь съезжает. Хази порхал вокруг и сыпал комплиментами. Индийцам он сообщил, что я его жена.

— Смотрите, какая красивая у меня жена! — кричал он. — Жаль, что я ей не нравлюсь. Она говорит, что я сумасшедший.

Когда я потеряла надежду провести эту ночь в постели, еврейская гостиница все-таки нашлась! Там я поняла, что израильтяне не шутили, они действительно собирались ждать до утра, пока освободятся номера. Я кинулась к администратору:

— У вас что, совсем нет комнат?

— Есть, конечно, — усмехнулся он.

— Сколько стоит?

— Сто восемьдесят рупий (4$).

— Дайте мне! Никогда прежде я не останавливалась в гостинице дешевле этой.

— Пожалуйста, — улыбнулся администратор, — нормальная же цена? А вон те господа, — кивнул он на мою компанию, — считают, что это дорого.

Индийцы подхватили мою сумку, чтобы затащить ее наверх.

— Погоди! — воскликнул Хази. — Ты что, взяла номер?

— Спокойной ночи, — помахала я ручкой.

Но Хази увязался за мной.

— Я только посмотрю, все ли в порядке.

Комната была вполне приличная, чистая, со всеми удобствами и, как водится в индийских гостиницах, с двуспальной кроватью.

— И вот эта прекрасная комната стоит всего сто восемьдесят рупий? — удивился Хази.

Я терпеливо ждала, когда он уйдет.

— Давай я тебе заплачу девяносто рупий, и тоже буду здесь

спать? — предложил Хази.

Без комментариев. Просто готовый анекдот про еврея.

Мы с коридорным выпроводили пылкого спортсмена прочь, в гостиницах следят, чтобы девушек не донимали. Все-таки он еще раз приходил среди ночи и кричал под дверью: "Кристина! Кристина!" Потом и ему, наверное, досталась какая-нибудь комната.

С утра пораньше я побежала на вокзал за билетом. У входа в здание меня остановил усатый индийский мужчина.

— Мадам, чем я могу вам помочь?

— Да, ничем, — скривила я лицо, пытаясь его обойти, — просто иду купить себе билет.

— Это не здесь, — покачал головой мужчина, — надо идти в другую сторону, я вас провожу.

— Я знаю, где продают билеты. Позвольте пройти в здание вокзала.

— Там покупают билеты граждане Индии, — терпеливо объясняет индиец, — вам никогда не выстоять такую очередь.

— Да, — соглашаюсь я, — но там есть кассы для иностранцев.

— Так о чем я говорю вам? — не сдаётся мой упрямый благодетель, — там, где раньше были кассы — ремонт.

Я засомневалась. Может быть, этот простой и честный мужчина действительно хочет мне помочь?

— Ладно, где теперь эти кассы? — спрашиваю я.

Немного сердитый и расстроенный моим недоверием индиец повел меня в сторону от вокзала. Поднимаясь по узкой лестнице на третий этаж какого-то неброского дома, я подумала, что все-таки зря послушалась первого встречного. Он пропустил меня в комнату — скромный офис, где сидел, по-видимому, его босс.

— Доброе утро! — засверкал зубами в улыбке и перстнем на пальце предприимчивый гражданин.

— Доброе утро, — кивнула я.

— Присаживайтесь. Вам, наверное, нужны билеты?

— Да.

— А куда вы едете?

— В Бангалор.

— Сейчас сделаем.

— Погодите. Вы же частное агентство? — насмешливо улыбаюсь я.

— Верно, — поднимает брови индиец.

— А я хочу купить билеты в кассе. Ваш помощник сказал, что здесь находятся кассы.

— Он так сказал?

— Да. Наверное, ошибся. Ведь кассы по-прежнему находятся в

здании вокзала, не так ли?

— Конечно, — невозмутимо признался агент, — но мы здесь продаем точно такие же билеты и без суеты.

— А вот этого у меня нет возможности проверить, — возражаю я.

— У вас такой чарующий запах, — вдруг затягивается воздухом агент, — какими духами вы пользуйтесь? Может быть, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе? — он привстает из-за стола и оказывается довольно мощным парнем, слишком вальяжным для такого офиса.

— О, простите, я так спешу! — улыбаюсь я во весь рот и пячусь к лестнице. — До свидания! — и бегом на улицу.

На вокзале в Дели есть целая секция, где покупают билеты иностранные граждане. Она огорожена стеклом. Своей очереди можно дожидаться, расположившись на мягких диванах, а любезный персонал никогда не скажет, что билетов нет. Уже через десять минут я присаживаюсь к столику и протягиваю сияющему кассиру свой паспорт. Кассир — разговорчивый парень.

— Обожаю свою работу, — заявляет он. — Каждый день я встречаю приезжих из разных стран и стараюсь сказать хотя бы несколько слов на их родном языке. Радовать людей так приятно! Вы, например, откуда?

— Из России.

— Вот здорово! Много-много людей приезжают к нам из России, но мало кто знает английский язык, с ними сложно объясняться. Странно, что вы говорите по-английски.

Он раскрывает мой паспорт.

— Так у вас студенческая виза?

— Да.

— Учитесь у нас в Индии?

— Да, в Бангалорском университете.

— Восхитительно! Но я не могу продать вам билет.

— Почему?

— Студенты у нас приравниваются к гражданам Индии и должны покупать билеты на общих основаниях, а не в секции для иностранцев.

— Что за бред? — поражаюсь я. — Там же очередь в пять километров. Мы всегда покупали билеты здесь.

— Таковы правила! Ничего нельзя сделать.

— Сделайте исключение, — улыбаюсь я, — радовать людей так приятно! Мне нужно уехать в Бангалор сегодня.

— У нас постоянно проходят проверки! — восклицает кассир. — Вы же не хотите, чтобы я получил выговор?

— Надо помогать людям, — напираю я, — вы же не хотите, чтобы я осталась без билета и ночевала на улице?

— На улице?! Ох, ни в коем случае, дорогая мадам. Мы не допустим, чтобы вы ночевали на улице. Можете ночевать у меня сколько угодно!

— Мне нужно в Бангалор, — хнычу я. — Перспектива толкаться в очереди и остаться без билета доводит до слез. Быть индийской студенткой хорошо на экскурсиях, потому что билеты для иностранцев на просмотр всех достопримечательностей в десять раз дороже, чем для индийцев. Но на вокзале я хочу, чтобы меня считали полноценной иностранкой.

— Могу ли я поговорить с вашим начальником, — всхлипываю я.

— Да, нужно помогать людям, — вздыхает словоохотливый кассир, — не рыдайте, мадам, не разрывайте моё сердце. — Я поговорю с начальником, но позвольте надеяться, что вы тоже поможете мне?

— Чем же? — недоумеваю я.

— Вы пообедаете со мной и научите некоторым русским фразам? Только один урок!

— Ладно, — соглашаюсь я, — если вы добудете билет на сегодня.

Итак, у меня есть билет, и мы с кассиром идем обедать в какую-то забегаловку. Оказавший услугу кассир лоснится от удовольствия и благожелательности.

— Индия — славная страна. Здесь много добрых людей, которые всегда готовы помочь. Напрасно вы плакали, мадам.

Мы заказываем яичницу, и я спрашиваю, какие именно фразы хотел бы выучить мой благодетель. Русские слова даются индийскому кассиру тяжело. Его внимание рассеянно, он хочет поговорить о различных не имеющих отношения к нашему уроку вещах. Например, о том, как ему здорово живется на государственной службе, о льготах, умных вкладах и сбережениях, и как все это вместе взятое делает его выгодным женихом. А я все время отвлекаю его и заставляю повторять сложные предложения:

"Какая у вас погода?"

"Вам нравится эта еда?"

"Приезжайте к нам еще".

Мой ученик путается. Ничего, сам напросился.

— Давай, запишу все эти фразы английскими буквами? — предлагаю я, разочаровавшись в способностях собеседника что-то запомнить.

— У меня нет ручки, — возражает кассир, — и нет листика.

— У меня есть, — достаю я все необходимое. Исписываю лист с двух сторон.

— Ах, как много! С одного раза не выучишь, — вздыхает кассир. — Жаль, что ты уезжаешь. И зачем так торопишься? Может быть, поменяешь билет?

— Нет, нельзя.

— Но ты же часто бываешь в Дели? Я оставлю тебе свой телефон, чтобы в следующий раз ты знала к кому идти. Не надо тратиться на гостиницу и...

— Я вообще не бываю в Дели, — возражаю я, — а мой жених так ревнив, что звонить другим мужчинам для меня равносильно самоубийству.

— У тебя есть жених?

— Еще бы!

Кассир волшебным образом теряет интерес к изучению русского языка и вспоминает, что обеденный перерыв давно закончился. Он мрачнеет и едва простившись, уходит. Как хорошо, что билет уже куплен.

Медленно бреду по Пагарганджу. Возвращаться в гостиницу не хочется, вдруг я снова встречу Хази. Продавцы многочисленных лавок выскакивают на улицу и манят в свои логова. Праздношатающиеся встречные ловят мой взгляд, чтобы тут же завязать беседу. Я прячусь в ресторане в пятидесяти метрах от гостиницы. Тут прохладно, темно и пусто. Какое счастье! Закажу себе чай и пирожные. Утопаю в мягком кресле и читаю меню. Вдруг из-под стола в соседнем ряду выползает молодой парень. Он похож на цыгана, не стилизованного киношного, а настоящего. Что он под столом искал, неизвестно.

-Hi! From what country? — хрипло спрашивает этот тип. Его появление так неожиданно, как будто бы он только что материализовался.

-From Russia, — отвечаю я, как загипнотизированная. Цыган обаятельно скалится.

— Россия, — смакует он название моей страны, — надо же!

Потом он подходит к столику и садится напротив, всхлипнув от резкого движения.

— Ты не представляешь, как я тебе рад! Как я соскучился по России, по русским девчонкам. Как тут все меня задрали!

— Гм, — растерянно улыбаюсь я. Цыган говорит со мной на русском, слегка картавя слова.

— На то, что я хриплю, не обращай внимания. У меня ребра сломаны. Ты из Москвы?

— Нет.

— А я из Москвы! Кришна меня зовут, — протягивает

широкую ладонь. Приходится пожать. Наверное, по гороскопу в этот день мне следовало сидеть дома.

— А ты не похожа на русскую, — смотрит пристально Кришна. — На наших похожа, на кашмирских. Я сам из Кашмира. Знаешь, зачем я в Россию поехал?

— ?

— Учиться. В медицинский поступил, гинекологом мечтал стать. Четыре года в Москве жил. Такой город! Что там, и что здесь?! Я в Москву вернусь. Знаешь, как я деньги зарабатывал? У отца не просил. За учебу сам платил.

— ?

— Стриптизером в клубе подрабатывал. И еще с женщинами за деньги спал. У меня много денег было. Пива хочешь? Я угощаю.

— Да.

— Это сейчас денег нет. Я фотоаппарат продал, на него и пьем. Но для тебя ничего не жалко. Потому что ты из России. Русские девушки лучше всех. Какая у них душа! Индианки — это куклы, они не живые, без чувств. Могут только врать. Я на них смотреть не могу! В Россию поехал — молодой был, невинный. А как ваших девчонок красивых увидел, чуть с ума не сошел. Пошли мы с друзьями в клуб, спрашиваю у знакомого, как сказать по-русски "I Love you". А он надо мной подшутить решил. Скажи, говорит: "Я тебя хочу". Я же ничего не знал. Подхожу к девушке и говорю: "Привет, я тебя хочу!" А она: "Ну, пошли". "Куда пошли? Зачем?" — Так вот я русских девушек и полюбил.

Не знаю, почему я все это слушаю, рассказы Кришны превращаются в исповедь растерявшегося человека, ошеломленного разгульной Москвой, бросившегося в самый омут распутства, пьянства, русской безалаберности. Откровения о похождениях Кришны смущают меня, стриптизеры в собеседники раньше не попадались. Но его восхищение русской женщиной приятно удивляет. Как можно боготворить русских женщин и спать с ними за деньги? Я смотрю на часы. Поезд!

— Кришна, рада была с тобой познакомиться, но мне пора. Через час поезд уходит.

— Ну, вот. Только начали разговор...— разочарованно вздыхает Кришна. — А ты не уезжай сегодня. Поменяй билет.

— Нет, не могу.

— Жаль, тогда я тебя провожу.

Щуплый пьяный Кришна со сломанными ребрами тащит на горбу мою огромную сумку, и совестно смотреть, как он качается из стороны в сторону под ее тяжестью. Да, юноша, это вам не танец стриптиза. Мой вагон в самом конце состава. Заходим в

купе, и Кришна выскакивает, чтобы купить в дорогу минеральную воду и печенье. Расстается со мной со слезами на глазах.

— Если бы ты знала, как я тебя хочу!

— Желаю тебе подлечиться и вернуться в Москву, — спокойно реагирую я.

— Твой парень — самый счастливый на свете, — говорит Кришна. — Только русские умеют любить по-настоящему...

Поезд трогается. Соседи по купе — два француза. Они путешествуют по Индии. Показывают на экране видеокамеры фотографии туалетов на вокзале в Дели и хихикают. Не знаю даже, что им сказать.

— Ребята, это у вас профессиональный интерес?

Разговор как-то не клеится. Я забираюсь на верхнюю полку и засыпаю. Французы выходят в Агре. И прихватывают почему-то купленную Кришной минеральную воду.

Глава 20. Гоа — состояние души

— Хинди? А что это такое? Индийский язык? Нашли, что учить, делать вам нечего! Индия — отсталая страна: грязь, нищета, куча болезней! Куда перспективнее японский или корейский изучать. Япония и Корея — страны с развитой экономикой, легко найти работу, зная их языки. Китай тоже быстро развивается, захватывает мировой рынок. А хинди кому нужен? Вы просто насмотрелись индийских фильмов! — так реагировало большинство меркантильных сограждан, узнавших о предмете нашего изучения в университете. Переубедить их было невозможно, и мы улыбались загадочно, как Будда, который постиг неведомую другим тайну. Листая глянцевые журналы "Индия и перспективы" и "Фемина", которые пачками приносили жены работников индийского консульства, мы иногда до слез хохотали над текстами, переведенными на русский язык с откровенными ляпами, но фотографии заставляли нас вновь и вновь убеждаться в том, что другой такой сказочной страны, как Индия не найдешь. Однако не снимки шикарных базаров, великолепных дворцов и прекрасно сохранившихся храмовых комплексов прельщали нас больше всего, а виды голубых лагун знаменитого курорта Гоа. Интересно, почему, когда человек смотрит на картинку с изображением красивой бухты, обрамленной тропической растительностью, у него повышается настроение, а сердце охватывает неясная тоска? Неужели, это генетическая память о покинутом рае, о теплом и ласковом месте, где не надо было заботиться о хлебе насущном?

Гоа — маленький штат, на машине его можно проехать за три часа. В течение нескольких тысячелетий здесь сменилось множество династий. В третьем веке до нашей эры Гоа входил в территорию империи Маурьев, в начале христианской эры здесь правила династии Сатаваханов, а позже — Чанукьев. После прихода к власти мусульман в тринадцатом веке Гоа входил в состав Делийского султаната, а после его распада стал частью государства Бахманидов. Мусульман вытеснил отсюда царь Виджаянагара Харихара Первый в 1370 году, но торговля с арабскими купцами продолжалась. В последующие сто лет гавани Гоа принимали корабли из Ирана и Аравии. Сюда везли ценный товар — арабских скакунов, за которых в Индии можно было получить целое состояние. Особую известность Гоа получил в те времена, когда в Азии шла борьба за контроль над рынком специй. В 1498 году Васко да Гама открыл морской путь вокруг Африки и добрался до индийского юга. Португальцы —

прекрасные мореходы — облюбовали эту местность, богатую удобными бухтами и полноводными реками. Торговля специями способствовала расцвету территории. Колонию называли Лиссабоном Востока, Золотым Гоа, Жемчужиной. Но Гоа португальцам было мало, они теснили арабских купцов по всему западному побережью и в шестнадцатом веке захватили крепость Диу и порт Даман. Португальские колонии Гоа, Даман и Диу существовали до 1961 года, пока индийские войска не вошли в Гоа. Эти земли были объявлены "союзной территорией", управляемой из Дели. Гоа стал самостоятельным штатом в 1987 году, Даман и Диу по-прежнему контролируются федеральной властью.

Гоа отличается от остальных штатов Индии. Половина населения там католики, многие индийцы носят португальские фамилии. Величественные старинные соборы и простенькие побеленные церкви, монастыри, крепости, виллы колониальных времен удивительно хорошо вписываются в тропический пейзаж. Здесь часто проходят праздники и карнавалы в честь христианских святых. Сюда приезжает больше иностранных туристов, чем в любой другой штат Индии. Гоанская культура другим индусам кажется диковинной, а гоанцы чувствуют себя иностранцами за пределами своего штата. Гоа не похож на Европу, здесь особая атмосфера, которую трудно объяснить словами. Просто это место, откуда не хочется уезжать.

Как только представилась возможность съездить на Гоа, мы ей с радостью воспользовались. Билеты взяли на поезд до Лонды, а оттуда еще три часа ехали на автобусе до Панджима, столицы Гоа. Из Панждима такси доставило нас на Багу, один из самых популярных, но сейчас, увы, переполненных пляжей. При слове "Бага" и сейчас вспоминается шелковый песочек, ряды деревянных шезлонгов и зонтиков. Опаленные солнцем тела непрерывно движутся во всех направлениях. Европейские женщины загорают на Баге с оголенной грудью, а толпы индийских мужчин рассаживаются на песке вокруг шезлонгов и часами созерцают потные прелести раскрепощенных дочерей запада. 1996 году здесь было немного отдыхающих. Гоа казался курортом безумно прекрасным, но еще не вполне освоенным, не открытым, и оттого особенным. Наш отель был расположен вдали от пляжа, скромные коттеджи утопали в роскошной зелени богатой местной флоры, что обеспечивало прохладу весь день. Сезон на Гоа удивил нас — дальневосточниц, привыкших к капризам Японского моря, неизменно бархатной погодой. Каждый день одаривал солнцем, легким бризом и прозрачной нежно-голубой волной. Беспричинно счастливые мы резвились в теплом море, бегали по песчаному

пляжу, загорали и ели фрукты, которые приносили худые мускулистые торговки в больших корзинах. Тяжелые корзины женщины носили на голове, установив их на жгут, скрученный из ткани. Какими же сильными должны быть шея и руки, чтобы выдерживать такой груз! Тут же на пляже торговки разрезали фрукты, и мы объедались арбузами, пили через трубочку прямо из увесистого зеленого ореха кокосовое молоко или ели выскобленную из кокоса нежную мякоть, вспоминая заманчивую рекламу баунти, и нашему наслаждению не было предела.

Надо было поздравить с днем рождения подругу из Владивостока. Позвонить ей было некуда, решили отправить факс.

— Не будем писать о том, что мы на Гоа, — сказала Жанна. — Представь, во Владике ноябрь, холод, ветер. Она идет в университет ни свет ни заря, спотыкаясь на крутой тропе Хошимина. А тут мы: Гоа, море, кокосы, омары. Зачем будить недобрые чувства? К тому же, все сразу узнают, что мы не в колледже. Начнут судачить, вот, мол, не успели отправить студенток на учебу, а они уже на пляже! За что им только стипендию платят?

Мы поздравили Инночку, написали, что в колледже все отлично, заверили, что грызем гранит науки, и он уже крошится от усердия. В Бангалоре нас ждал ответный факс в офисе ICCR: "Бессовестные! Уже на Гоа гаситесь? Колитесь, что и как!" Мы переглянулись. Адрес, с которого мы посылали факс, конечно же, отобразился в нашем поздравлении. Могли бы раньше догадаться.

На Баге нас заинтересовало объявление "Экскурсии на лодке. К крокодилам — 500 рупий. К дельфинам — 200 рупий". Плыть к крокодилам в гости показалось дороговато, а вот к дельфинам — с самый раз. Договорились с рыбаком, чтобы он разбудил нас в положенный час, так как дельфинов можно увидеть только рано утром. Рыбак попался страшенный: черный, с кривыми зубами, толстым пузом и тоненькими ножками, — без дрожи не взглянешь. Лодка его показалась такой древней, как будто на ней плавали еще до португальского нашествия. Такие раритеты, только в кино снимать. На веслах сидело несколько аборигенов. Вместе с нами на поиски дельфинов отправлялась парочка немцев.

— А какая гарантия, что там, куда мы поедем, действительно будут дельфины? — в который раз поинтересовался дотошный Хусейн.

— Будут, будут, — буркнул рыбак.

— Бизнес у них налажен, — вмешался благодушный немец. — Пока мы рассаживаемся в лодке, брат этого человека надувает

силиконовых дельфинов, так что не бойтесь. Зрелище всем обеспечено.

В этот момент к берегу причалила другая лодка — группа вездесущих американцев проснулась еще до зари, чтобы первыми поглядеть на дельфинов. Они уже возвращались с экскурсии.

— Наглый обман!

— Надувательство!

— Верните деньги, или мы будем жаловаться! — завопили туристы, едва ступив на твердую землю.

— Похоже, им не досталось даже силиконовых дельфинов, — заметила я.

— Ничего! Нам повезет больше! — заверил всех благодушный Али.

Отчалив от берега, рыбаки спрятали весла и завели мотор. Наша лодчонка помчалась по волнам во всю прыть. Мы рыскали по морю два часа, но так и не увидели дельфинов.

— Лопнули, — развел руками сконфуженный немец.

Мы проплыли вдоль живописных берегов, посмотрели на рыболовецкие корабли, разломили и съели прямо на борту сладкий арбуз, так что в целом экскурсия удалась, и все были довольны. Напоследок, я сфотографировалась с веслом на фоне зубастых рыбаков и их допотопного суденышка.

Все прелести лодочной прогулки мы уже испытали и для поездки на Анджуна — маркет арендовали мотоциклы. Анджуна-маркет — гигантская гоанская барахолка, которая проводится по средам. Рынок входит в список основных достопримечательностей Гоа и неизменно привлекает толпы туристов. Здесь можно бродить целый день как по музею под открытым небом, разглядывать сувениры и ворошить горы затейливых украшений. Товар привозят со всех штатов Индии, из Китая, Тибета, Непала и Индонезии. Каждый желающий может тут что-нибудь продать. Художники выставляют свои полотна, местные умельцы торгуют поделками из кокосовых орехов и барабанами. Жанна мечтала привезти сюда свои абстрактные картины на простынях, но так и не решилась. Али вдохновился увиденными поделками и в течение нескольких дней полировал половинку кокоса под пепельницу. Нам даже встретился русский, который торговал на Гоа янтарем.

Анджуна ошеломляет пестрым жизнерадостным великолепием самых немыслимых красок. Мы заглядывались не только на товар, но и на людей. Встречались такие индивидуумы, которых сразу хотелось нарисовать или хотя бы сфотографировать на память. Торговки из Раджастхана так подробно украшают свои лица, что даже средневекового рыцаря

под опущенным забралом легче было бы рассмотреть, чем их. Бойкие негритянские девчонки с охапками разномастных кос и хвостов, лент и бус устроили парикмахерскую под открытым небом. Все европейки, прибывшие на Гоа без "хиппанских" причесок, могли на месте заказать себе самую вычурную. А пока клиенты отсутствовали, парикмахерши колдовали над волосами друг друга, мастерить невероятные прически — это хобби африканских женщин. Тут же рядом умельцы торговали чилимами и кальянами. Искусно сделанные, украшенные резьбой или драгоценными камнями приспособления для курения соседствовали с простенькими, изготовленными из всякого хлама и пластиковых бутылок изделиями. Мастера с запалом объясняли устройство и преимущества своих творений.

Анджуна знаменита стихийными вечеринками, так называемыми, транс-пати. Говорят, что самые грандиозные пляски случаются в ночь полнолуния, но мы ни разу не посетили это действо.

После барахолки заехали в форт Агуада, построенный португальцами в 1612 году на вершине холма в устье реки Мандови. Отсюда открывается великолепный вид на побережье. Слоняясь по крепости, можно заглянуть в камеры, где раньше держали узников. Неподалеку находится действующая тюрьма, куда можно попасть даже за курение марихуаны. Нам повезло.

В следующий раз мы решили поехать на Гоа под Новый год. Рождество и Новый год на Гоа — это неправильное время для идиллического отдыха. Количество людей здесь увеличивается втрое, цены взлетают в несколько раз, мест в гостиницах нет, рестораны переполнены. На праздники приезжает тусоваться шумная и самоуверенная бомбейская молодежь, гоанцам порой приходится на кулаках оборонять своих постоянных клиентов от приезжих приставал. Приключений на свою голову мы не искали, блистать белыми воронами в бомбейской стае тем более не хотели, но нас соблазнил Валид, который пытался совместить учебу с бизнесом. На пару со своим соотечественником из Судана Валид открыл ресторан на полудиком пляже Арамбол. Он не мог заниматься рестораном серьезно, так как колледж надо было посещать регулярно. Но на Новый год, когда на Гоа деньги гребут лопатой, Валид решил помочь Кхаледу, который жил на Арамболе постоянно.

— Вот увидите, там совсем иная публика, никакой суеты, — уговаривал нас Валид, — спорим, я поселю вас у деревенских за пятьдесят рупий в день?

— Может быть, там никудышный пляж, раз никто туда ехать не хочет, — усомнились мы.

— Пляж королевский. Другого такого в Индии нет, — категорично заявил Валид.

Мы подумали и решили, что будем жить у моря не меньше месяца, если понравится. Взяли с собой керосиновую плитку, чтобы готовить еду — экономить, так экономить — и мотоциклы, чтобы не брать их в прокат. Ехали снова поездом до Лонды, а оттуда на мотоциклах. К концу путешествия все покрылись толстым слоем красной гоанской земли.

Арамбол — один из красивейших пляжей Гоа — находится на самом севере штата. Скорее всего, сейчас цивилизация добралась и до него, но в 1998 -1999 году Арамбол слыл прибежищем хиппи, прожигающих тут свое пособие по безработице. Более экономных отдыхающих трудно себе представить. Нам стало жаль Валида, открывшего ресторан в столь неприбыльном месте. С другой стороны, конкуренцию с ресторанами на бойких пляжах иностранный студент не смог бы выдержать, а на взятках местным властям просто разорился бы. А на Арамболе отдыхала тихая и нетребовательная публика. Ресторанов, принадлежащих иностранным студентам, здесь было несколько. Я запомнила наших соседей: суданского парня Ясера и его ирландскую девушку. Их ресторан назывался "Львиное сердце". Жанне тоже захотелось кормить туристов на Гоа, а мне поработать там психологом. У Валида всю стену плетеного из пальмовых листьев шака украшал флаг Ямайки. Столики были низенькие, и посетители сидели, удобно устроившись на подушках, курили безбоязненно гашиш и играли в "Scrabbles" (по-нашему "Эрудит"). В основном это были постоянные клиенты: садовники, плотники, сторожа или безработные у себя на родине люди, довольные собой и окружающими и не стремящиеся к успеху. В "Эрудит" они играли со словарем, потому что иначе не могли разрешить спор по поводу правописания того или иного английского слова.

Кхалед Валиду не обрадовался, похоже, он прекрасно обходился без него. Валид обиделся и целыми днями не выходил из комнаты. Жанна шутила, что он просто смертельно боится загореть. Партнеры по бизнесу время от времени пререкались, Валид не рассказывал о причинах их стычек, но я думаю, что Кхалед предлагал Валиду забрать свою долю и катиться восвояси. Нас Валид, как и обещал, поселил в доме, к которому был пристроен ресторан, у своего повара. У нас был отдельный вход и пара комнат с широкими кроватями, больше ничего роскошного. Шаки, плетенные из листьев, приходится обновлять каждый год, а каменному дому ничего не сделается. Повар показал нам кухню и темную комнату, где находился аппарат для изготовления фени. Эта очень конструкция производила впечатление чего-то

простого, но незыблемого и очень древнего, как будто мы попали на раскопки Хараппы и Мохенджо-Даро, и там нам открылась эта комната с каменными котлами и желобами, они простояли в этом виде тысячи лет и простоят еще столько же. Фени бывает двух видов — из кешью и кокосов. Плоды разминают руками о каменную плиту с желобом, сок стекает в котел, под которым разводят огонь. Потом начинается процесс выпаривания и очищения. Полученный напиток исключительно запашист. По-моему, мало смысла его пить, если один только запах сбивает с ног. Мне больше нравился гоанский портвейн, но у фени тоже полно поклонников. Развитие туристического бизнеса и производство фени привели к спаиванию мужского населения Гоа. Продолжительность жизни мужчин невелика, но семьи многодетны, это спасает их от разорения.

Вода на Арамболе появлялась через день на два-три часа по утрам. Первым в "мокрые дни" водой запасался ресторан, потом у колонки собирались все местные обитатели с бутылками и ведрами. Сюда же подходили коровы, свиньи, собаки и гуси. Люди пили, мылись, стирали носки и трусы, мыли посуду, а животные плюхались рядом в образовавшихся лужах, спасаясь от жары.

Цивилизация не вмешивалась в наш отдых, даже электрический свет то ли отсутствовал, то ли был очень тусклым. Туалеты имелись при каждом ресторане, обыкновенные дощатые домики, но все они запирались на замок, чтобы злостные завсегдатаи других ресторанов на них не посягали. Местные свиньи, больше похожие на серых костлявых чертей, бегающих на четырех копытцах, были пугающе всеядны и мчались, обгоняя друг друга, туда, где было хоть что-то органическое, и жадно чавкали, когда им что-нибудь доставалось. Вот почему, мы никогда не заказывали свинину в Индии, а мусульмане лишний раз убеждались в том, что свиньи — это грязные животные.

— Куда ты нас привез?! — воскликнула Жанна, печально созерцая стада тощих кабанчиков, свиноматок и поросят.

— Тут не везде так, — отмахнулся Валид, — это деревня, а есть прекрасные отели с парками, бассейнами, площадками для гольфа...

— А свиньи там есть? — спросила я.

— Конечно, — мигом отозвался Валид, — но там они белые, толстые, с голубыми глазами.

— И с крыльями за спиной, — буркнула Жанна.

— Что вам не нравится?! — вспылил Валид. Вы на море приехали или на свиней смотреть? Здесь самый лучший пляж! А надо помыться, берите мочалку, и — на озеро! Огромное

пресноводное озеро, стоит только перейти через скалы.

Так мы и жили, с утра пораньше шли на пляж, а во время зноя переползали в тень шаков, где всегда можно было заказать свежую жареную рыбу и холодное пиво. Еще мы покупали в Мапсе дешевых очищенных креветок и жарили их в кляре на собственной сковороде, получалось вкусно. На рынок в Мапсу обычно ездил Валид, он покупал продукты для ресторана. Однажды Валид все-таки пригрозил Кхаледу, что заберет с собой в Бангалор повара, если ему придется уехать, и африканские бизнесмены временно примирились.

Мы исследовали расположенные за Арамболом небольшие бухты, за которыми начиналась граница штата Махараштра. Бухты соединялись живописными переходами, тропа была всюду проходима, и неожиданно среди скал и кактусовых зарослей в человеческий рост на пути возникал ресторанчик, где продавали охлажденные напитки, мороженое и фрукты.

На другом берегу пресноводного озера, которое рекомендовал нам Валид, были грязи, которым, конечно же, приписывали лечебные свойства. Поэтому все туристы самозабвенно мазались ею и ждали, пока грязь высохнет и отвалится, а кожа станет удивительно нежной. Еще бы! Походи-ка стянутый глиняной коростой, без нее сразу почувствуешь себя чистым и гладким.

От озера начиналась тропа к еще одной достопримечательности Арамбола — баньяновому дереву. Чтобы добраться туда, надо было перевалить через пару сопок и долго карабкаться вверх, но зрелище того стоило. Говорили, что у дерева живет святой отшельник, мы его не застали. Ровная вытоптанная паломниками и любопытными площадка перед старым разросшимся баньяном никогда не пустует. Все люди, которые добираются сюда сквозь дебри и через горные ключи, останавливаются передохнуть. Это дерево — символ дружбы и примирения, святыня для хиппи. Они сидят вокруг и приветливо приглашают вас посидеть рядом. Люди общаются, улыбаются друг другу, кто-то набивает чилим и пускает его по кругу. Новички задыхаются и кашляют после затяжки, но вскоре гармония восстанавливается, и все еще больше улыбаются друг другу. Сюда часто наведывается полиция, знакомая с пристрастиями и святынями хиппи. Полицейские маскируются под добропорядочных граждан, чтобы их никто не узнал. Они могут устроить шмон, отнять наркотики и ходатайствовать, чтобы нарушителя депортировали из страны. Желающие откупиться платят штраф. Во время нашего путешествия рядом с баньяном жила в палатке молодая французская семья с симпатичным

кудрявым сыном трех лет. Мы мирно сидели в облаке гашишного дыма, и вдруг раздался истошный крик:

— Mama! Papa! Police! Police!!!

К поляне прокрадывались два индийца. Мальчонка показывал на них пальцем и вопил. Все просто валялись на земле от смеха, но успели спрятать косяки и чилимы, у кого что было. Полицейские быстро оглядели публику и выделили из толпы, конечно, только Валида. Еще бы! Он черный, больше двух метров ростом, в цветной шапочке! Валид стал огрызаться и угрожать этой глупой полиции, пообещал, что обязательно их "уроет", с его-то связями и деньгами он добьется, чтобы ни полицейским, ни их детям и женам не поздоровиться. Валида хотели арестовать как потенциального преступника, но мы вступились за него всей разномастной толпой, и полицейские решили все же не связываться. Валид долго не мог успокоиться:

— Негодяи! Вы заметили, что они придрались только ко мне?

Вечная боль оскорбленного негритянского самолюбия.

В этот день Валиду не везло. Он сидел в своей комнате с закрытыми ставнями в темноте, и вдруг туда влетела летучая мышь.

— А-а-а!!! — заорал он и заметался по комнате. Перепуганная мышь хлопала крыльями и, казалось, преследовала его. Валид спрятался под кроватью. Выручать его пришлось Али.

— Это была вот та-а-кая летучая мышь, — рассказывал потом Али, разводя руки в стороны, как будто зверек был размером с Карлсона.

— Она, наверняка, испугалась больше тебя, — смеялись мы, — стоило ли прятаться под кровать?

— Летучие мыши — вампиры, — возразил Али, — они могут вцепиться в лицо.

— Просто твоя комната как пещера, — сказала Жанна Валиду, — летучая мышь, возможно, живет там давно, а ты ее только что заметил.

— Это очень дурной знак, — расстроился Валид.

Невзирая на все дурные знаки, жилось нам на Арамболе неплохо. Каждый день я заплывала далеко в море, и возмущенные рыбаки пытались меня вразумить:

— Не надо так плавать, мадам. Мы тут ловим акул!

Жареных акул подают на Гоа в каждом ресторане, живых — мне не встретилось ни одной.

Как-то утром мы сидели в одном из ресторанчиков и просто смотрели на море, пальмы и ленивых хиппи. И вдруг...

— Айман?

-Айман!!!

Загорелая скуластая девушка с небольшим рюкзачком услышала этот вопль и несказанно обрадовалась. Наша делийская подруга собиралась отдохнуть в студенческом лагере, который организовали на Гоа сотрудники Бомбейского ICCR, и мы на всякий случай дали ей свои координаты.

— Девчонки! Наконец-то! Я вас нашла!

Мы расспросили ее про лагерь.

— Это мрак! — сделала круглые глаза Айман. — Все организовали из рук вон плохо. Поезд из Дели опоздал на одиннадцать часов, автобус из Бомбея в Гоа ехал двадцать пять часов вместо положенных двенадцати. Поселили студентов в Понде, центре штата, где нет пляжа! А на побережье свозили всего на несколько часов. В гостинице жара, света нет, кормят ужасно, все изнывают. — Айман решила, что пора принимать меры, иначе весь ее отдых будет испорчен, бросила группу, взяла билет до Панджима, оттуда до Мапсы и Арамбола.

— Далеко вы забрались. Но, боже мой, какая тут красота! Я, когда из Мапсы ехала, поняла, что в сказку попала. От окна не оторваться, такие виды!

Мы накормили Айман вкусной едой, которой балуют в ресторане бедных западных туристов, и пошли купаться.

— Вот это я понимаю! — не уставала восхищаться Айман. — Какая вода! Как стекло. А сколько крабов! Да, тут надо с каской нырять!

— С маской, — смеясь, поправили мы.

Айман провела с нами два дня и отправилась дальше. Подруги ждали ее в Мадрасе, где они вместе выступали с танцевальной программой. Айман приехала в Индию изучать хинди, как и мы, но ее выбор ограничили индийскими танцами. Айман не расстроилась, вместе с другими ребятами и девчатами из бывших союзных республик они создали ансамбль и научились не только индийским, но и многим национальным танцам России, Украины, Грузии и пр. Сшили костюмы. Скоро их ансамбль начали приглашать агенты шоу бизнеса из разных штатов Индии. Зарплата была хорошей добавкой к стипендии, кроме того, ансамбль ездил по городам и весям Индии за счет спонсоров.

Новый год на Арамболе мы встретили дружно вместе с другими жителями пляжа. Перед рестораном Валида мы выложили цифру 1999 из светильников (свечей в пластиковых бутылках, разрезанных пополам). Стоило обойти эти цифры, и празднуемый год обозначался, как 6661. Отдыхающие сгрудились вокруг светящихся цифр, они были огромны и, возможно, различимы сверху, с вертолета. В полночь все дружно стали чокаться, обниматься и целоваться. Через полчаса поступило

предложение идти купаться на озеро. Говорили, что где-то в тех краях намечается транс-вечеринка. Но нашим хиппи было лень карабкаться к озеру через скалы в темноте, поэтому, обсудив детали похода, все просто расползлись по комнатам и ресторанам. Среди ночи нас разбудил дикий грохот, как будто в дом запустили гранатой. Мы подпрыгнули на кровати, но так и не смогли понять, что же произошло. Утром я увидела кусок голубого неба над собой, потому что в крыше зияла дыра. Рядом с кроватью валялся большой кокосовый орех, и все вокруг было усыпано черепками. Этот орех чуть-чуть промахнулся. Мы вышли на улицу и долго внимательно разглядывали кокосовую пальму рядом с домом. Гроздья орехов нависали над крышей. Похоже, они начали спеть. Мы позвали хозяина и объяснили ему ситуацию.

— Ничего страшного! — объявил он, широко улыбаясь и взвешивая кокос на ладони.

— Кому как, — возразила я, — если такой снаряд на мою голову упадет, то будет вмятина.

— Мадам! Кокосы никогда не падают на людей. Это такая редкость, чтобы человека зашиб кокос...

— Так все-таки "никогда" или "редкость"?

— Карма, — развел руками индус и предложил передвинуть кровать в другой угол. Мы передвинули и до самого отъезда любовались сквозь прореху небом. Кокосы к нам больше не залетали. С приходом сезона дождей дыру, наверное, залатали. А раньше, зачем суетиться?

Глава 21. Южные пляжи Гоа

Южные пляжи Гоа долгое время оставались для нас с Жанной неизведанной территорией. На севере больше дискотек, ресторанов, гостиниц, туристов и торгашей — вот и мы туда тянулись. Юг медлителен, развлечений мало, даже культ марихуаны, столь притягательный для туристов, отсутствует. Местные жители уверены, что наркота до добра не доведет. А северяне и сами курят гашиш, и жаждущих снабжают.

Самый красивый пляж на юге — Палолим. Описать его невозможно, это греза, видение, намек на мир небесный. Счастье, что это совершенство еще не купили богатые люди, чтобы наслаждаться личным кусочком рая на земле. Палолим доступен любому приезжему. Советую тем, кто собирается на Гоа, отдохнуть именно там. Бухта округлая, уютная, у берега море ласковое и мелкое. В него впадает извилистая, сверкающая на солнце река. Деревянные рыбацкие лодки великолепно вписываются в ландшафт. С другой стороны высятся гряды скал и валунов, по которым можно пробраться в маленькие соседние бухточки, но там камни и купаться не удобно. Волны бьются о скалы, рассыпаясь мириадами радужных брызг. На берегу пальмы, высокие, ровные — они стоят стройными рядами, как сосны в русском бору. Архитектура прибрежных ресторанов и гостиниц заслуживает особого упоминания. Похоже, что когда-то тут объявили конкурс на самое оригинальное строение из тростника. Получаешь эстетическое удовольствие, когда идешь по пляжу и разглядываешь маленькие дома, созданные со вкусом, фантазией и любовью.

Последний раз я ехала на Гоа одна, чувствовала себя беззащитной и боялась нарваться на какое-нибудь приключение. Но очень уж хотелось вырваться из Бангалора. Все друзья к тому времени разъехались, и перспектива встречать Новый год в одиночестве рисовалась особенно грустной. Я выбрала юг, на севере в праздник слишком напряженно. Отправилась в знакомые места, где прежде отдыхала с Жанной. Добраться туда не составляло труда, мы давно приспособились ездить на Гоа автобусом из Бангалора. Четырнадцать часов тряски — и ты в Маргао, из Маргао на маленьком автобусе двадцать минут до Колвы, а там знакомый ресторан, где не оставят в беде белую мадам. Я приобрела билет заранее и к назначенному часу пришла в агентство, от которого отправлялся автобус. Подходили люди: юноши, девочки и целые индийские семьи, — все рассаживались на диванах и стульях и ждали автобус, который, как обычно,

задерживался. Тут в зал ожидания ввалились два высоченных араба, и сразу стало тесно. Они бесцеремонно заставили стол коробками с гамбургерами и стали жадно их поглощать, громко болтая друг с другом. Похоже, ребята страшно боялись отправляться в дорогу натощак, хотя, на мой взгляд, им бы неделю можно было поститься без ущерба. Арабы заметили, что я неодобрительно отодвигаюсь от их ног, торчащих, как башни из необъятных шорт.

— Хочешь гамбургер? — проникновенно предложил мне тот, который сидел ближе.

— Нет, нет, — подавила я смешок.

— Действительно! — воскликнул второй араб, как будто бы только что очнулся и заметил, наконец, что в комнате не один. — Мы как-то по варварски сели, никому ничего не предложили. Подходите, не стесняйтесь, ешьте, мы же все братья и сестры!

Индийцы, в большинстве своем вегетарианцы, неприязненно косились на говяжьи котлетки, похоже они не оценили широкого жеста арабских братьев.

— Да, что вы, как не люди! — не успокаивался араб. — Мне аж неудобно стало. Возьмите гамбургеры, я вас прошу!

— Кушайте, кушайте, не стесняйтесь, — встрепенулась бойкая индийская девушка, — мы не голодные, нам не обидно!

— Ну, как знаете, — не расстроились арабы, — дорога длинная, давайте знакомиться.

Девушку, которая смело вступила в беседу, звали Санджая. Она ехала на Гоа с другом Полом. Это была приятная пара: девушка высокая, видная, с красивой улыбкой — хоть на конкурс "Мисс Индия" посылай. Пол — обаятельный, разговорчивый парень, на голову ниже Санджаи. Уроженец Гоа, он собрался навестить родственников. Санджая ехала на Гоа в первый раз. Арабы оказались родными братьями из Кении. А я-то думала, что в Кении живут только черные христиане, а тут арабы и говорят на суахили! Они порадовались тому, что я знаю несколько слов на их языке. Начали выяснять, кто, где работает или учится.

— Я студентка Бангалорского университета, — сообщила Санджая.

— Я тоже, — созналась я.

— А факультет какой?

— Психологии.

— И я учусь на этом факультете, — удивилась Санджая. — Мы уставились друг на друга.

— А почему я тебя никогда там не видела? — спросила Санджая.

— Потому что она постоянно на Гоа ездит. Га-га-га!!!! —

засмеялись арабы.

Мы же выяснили, что я учусь на втором, А Санджая на первом курсе магистратуры, и поэтому мы до сих пор не пересекались.

Билеты у нас были куплены в разные автобусы. Я выбрала обычный, с сидячими местами (удобными мягкими креслами, почти как в самолете), а Санджая и Пол купили билеты в sleeper-bus, транспорт, напоминающий спальный вагон с верхними и нижними полками. Пассажиры, которым достается верхняя полка, должны пристегнуть себя ремнями, чтобы не упасть. Не успели мы пожалеть о том, что скоро придется расставаться, как подошел хозяин агентства и сообщил, что долгожданный автобус прибыл, и можно загружаться. Мы взяли вещи и вышли на улицу.

— Это мой автобус? — уточнила я.

— Ваш, — подтвердил агент.

— А где наш sleeper-bus? — спросил Пол.

— Это тоже он, — нисколько не смутился агент.

— Интересно, — растерялась Санджая. Конечно, интересно. Билеты в sleeper-bus стоят на двести рупий дороже. Но всем хотелось ехать, так что спорить не стали и полезли в салон. Я впервые видела такой автобус. Места занимали свободные, мы устроились вместе с Санджаей внизу, а Пол занял верхнюю полку.

— Хочешь, — я залезу наверх, — предложила я Санджае, — а ты будешь внизу со своим мальчиком.

— Что ты! — чуть не захлебнулась Санджая от негодования. — Ты подумала, что мы любовники? Мы просто друзья! Путешествуем вместе. — Оказалось, что Санджая обманула родителей, сказала, что пару дней поживет у подруги. На Гоа ее бы ни за что не отпустили, а Пол так здорово описывал свою деревню, что захотелось все увидеть своими глазами. Она ему доверяет. У нее много друзей среди юношей, и все они заслуживают доверия, жаль только, что родители этого не понимают.

— У Пола есть девушка, — улыбнулась Санджая.

— А она знает, что Пол поехал на Гоа с тобой? — спросила я.

— Нет. Но мы ей расскажем. Она должна доверять Полу! — воскликнула Санджая.

— Кстати, — вмешался Пол, — куда ты едешь на Гоа?

— На Колву.

— Так это недалеко от Маргао!

— Недалеко.

— Поедем ко мне в гости? У меня обалденная деревня! Тетя с дядей будут рады!

— Действительно! — поддержала его Санджая.

— Нет, ребята, — замялась я, — спасибо, конечно. Но как

потом из этой деревни до Колвы добираться?

— Пара пустяков, — заверил Пол. — Мы тебя довезем. Просто попадешь на Колву не утром, а вечером.

— Поедем, — шепнула Санджая, — и мне будет лучше, если мы явимся туда вдвоем. Так приличнее.

Долго уговаривать меня не пришлось. В деревню, так в деревню.

— В деревню, говоришь? — возник рядом вездесущий араб. — Мы тоже хотим. Никогда не были в настоящей индийской деревне. Мы и на Гоа-то первый раз едем. Хорошо бы, кто-нибудь проводил, показал, что к чему.

Что ж, давно известно, наглость — второе счастье.

— Ладно, — согласился Пол нехотя, — поехали.

— Теперь тетя и дядя Пола будут в полном восторге, — сказала я Санджае. — Прилично ли нам заявиться с такими амбалами?

— Скажем, что они наши телохранители, — предложила Санджая.

Sleeper-bus мне не очень понравился, трясло его гораздо сильнее, чем поезд. Все-таки, сидя в кресле, ехать удобнее. Пол попросил водителя остановить автобус, не доезжая до Маргао, и вся наша компания выгрузилась в девственном пальмовом лесу.

— Я сам здесь уже три года не был, — признался Пол. Но вел он нас уверенно, блуждать не пришлось. Место действительно было приятным: чистая деревенька, с ухоженными домами и двориками среди пальм и манговых деревьев. Пол привел нас домой. Тетя и дядя, если и удивились гостям, виду не подали. Нам предложили комнаты, где можно было переодеться и оставить вещи, и пригласили к столу. Пол обнимался с многочисленными родственниками, нас угощали рыбой, мясом и домашним вином. После обеда все вышли прогуляться. Постепенно к нам примкнула местная молодежь — друзья, сильно скучавшие по Полу. Мы с Санджаей кивали всем дружелюбно и тут же забыли новые имена.

— Не многовато ли телохранителей? — усмехнулась я.

— Хорошо, что мы вдвоем! — подмигнула лукаво Санджая. Она дала мне свои запасные очки от солнца, и мы гордо шагали в свите поклонников, как две болливудские звезды. Друзья и родственники подносили нам прохладный пальмовый сок и без устали фотографировали на память. Шествие продвигалось в сторону моря, но, чтобы добраться до него, надо было переправиться через реку на лодке. Половине свиты пришлось остаться на берегу, лодка была большая, но всех вместить не могла. Санджая отдала мне фотоаппарат.

— Я не умею плавать, — объяснила она. — Пусть будет у тебя.

— Неужели ты думаешь, что лодка может перевернуться? — хмыкнул Пол.

— На всякий случай.

— Я позабочусь о том, чтобы твои последние снимки попали к родным, — серьезно сказала я. Санджая поежилась.

Ребята взялись за весла, и лодка быстро доплыла до середины реки, а там... неожиданно перевернулась. Река была не слишком глубока, но искупались в ней все. Мне удалось выловить фотоаппарат, очки утонули. Мужественная хозяйка доверенных мне вещей не паниковала. Жаль было только фотографий. До берега добирались, кто вброд, кто вплавь. Выбравшись на горячий песок, двинулись к высокому кургану и забрались на него. Нашему взору предстал прекрасный дикий пляж. Как-то непривычно было видеть гостеприимное Аравийское море без туристов. Сами индийцы не любители купаться в море, даже гоанцы никогда не заплывают далеко. Насладиться купанием в море и полежать на чистом песке, увы, не удалось. Младший араб обнаружил, что у него пропали доллары.

— А где они были? — спросил Пол.

— В кармане шорт, я положил их в пластиковый пакет...

— Зачем ты их с собой брал? — удивилась я.

— Разве можно оставлять деньги у незнакомых людей? — возразил старший араб.

Как мы на них разозлились! Пол был просто оскорблен. Они, видите ли, побоялись, что их обворуют!

Обеспокоенные арабы рыскали по пляжу в поисках долларов.

— Надо вернуться к реке, — сказал старший брат, — скорее всего, они выпали, когда мы перевернулись.

— Скорее всего, потонули, — буркнул Пол.

— И поделом, — добавила я, — хороший вам урок за недоверие.

— Ты что!!! — араб посмотрел на меня как на сумасшедшую. — Восемьсот долларов! Да, у меня сердце разорвется, если они потеряются.

— Но они уже потерялись! — заметила я.

— Если мы их сейчас не найдем, я найму водолазов, — упрямился старший брат.

Пришлось вернуться к реке, и Пол призвал своих друзей помочь братьям. Они поплыли на той же лодке по течению, вороша заросли камышей.

— Не могу на них смотреть, — пожаловался Пол, — надо было сразу от них отвязаться. Я ехал сюда отдохнуть, а теперь

вынужден краснеть перед родственниками!

Мы с Санджаей, как могли, его утешали.

Удивительно, но доллары нашлись! Они плыли по течению в пакетике, и только немного подмокли. Счастью арабов не было предела, они даже сказали мальчишкам "спасибо".

— Нет уж! — возмутился Пол, — теперь вы должны нам ужин в ресторане.

— Конечно, конечно, — согласились арабы.

Мы вернулись в деревню, когда смеркалось. Сбросились на такси и поехали на Колву. Пол захватил вина, ехали весело. На Колве Пол привел нас к своему знакомому в гостинице.

— Сколько стоит комната? — спросили арабы.

— Четыреста рупий.

— Так дешево? Вы знаете, в Кении все куда дороже!

В ресторане, читая меню, арабы опять восхищались:

— Не может быть, чтобы все было так дешево!

— Учтите, — добавили они, — за выпивку мы не платим. Выпивка — это харам.

Мы вяло возмутились. Скоро стало скучно, и все потянулись на дискотеку. Неподалеку находился ресторан, в который я собственно и направлялась. Там работали мои приятели, и я бодро шагнула в темноту, но тут же услышала, что кто-то меня догоняет.

— Я пойду с тобой, — объявил старший брат араб.

Отбросив всякие церемонии, я зло отшила его.

— Круто, — опешил он, но настаивать не решился.

У знакомых ребят были свободные комнаты, дешевле в два раза, чем те, где мы устроились. Новенькая гостиница располагалась сразу за рестораном, в прошлый раз, когда мы приезжали сюда с Жанной, ее не было. Мне обрадовались. Час был поздний, и хозяин отпустил мальчишек на дискотеку. После рабочего дня им было не до танцев, но я познакомила Майка и Нэша с Санджаей и Полом, и с арабами, о скверном характере которых, я их предупредила.

— Я ожидал большего, — куксился старший араб. — Мне так много рассказывали о вечеринках на Гоа, о целой толпе белых ласковых женщин. Я думал, что мы сразу найдем себе подружек, все говорили, на Гоа это не проблема! А тут пусто. Час ночи, а все словно вымерли.

— Как же ты мне надоел, — тяжко вздохнул Пол. — Я что ли должен найти тебе подружку? Я похож на сутенера? Кто ты мне такой, чтобы с тобой нянчиться?

— Ты думал, что белые женщины будут тебе на шею вешаться? — удивились Майк и Нэш.

— Ну, примерно, так, — подтвердил араб.

— Тогда тебе надо ехать на север Гоа, — вмешалась я. — Серьезно! Ты тут никого не поймаешь. Это такой специальный пляж для спокойного отдыха.

— А на севере, что по-другому? — заинтересовался араб.

— Конечно! — подзадоривала я его. — Там ряды шезлонгов, а на шезлонгах сплошь белые красавицы...

— Topless, — вставил Майк.

— Они лежат и мечтают о таких славных ребятах, как вы! — не удержался Пол.

— Дискотеки всю ночь напролет, музыка бум-бум, веселье не прекращается...— увлеклась я.

— Ну, если там так здорово, то почему бы всем вместе не рвануть на север, а Пол? — араб стукнул Пола по плечу. Пол изменился в лице.

— У нас с тобой разные цели, чел! Я вообще-то приехал к родственникам. Вот немного развлеку Санджаю, она поедет домой, а я вернусь в деревню и погощу там.

Нам удалось все-таки убедить арабов, что на Колве им делать нечего, и я была рада тому, что они не будут мне больше досаждать. Позже я узнала, что арабы заняли у Пола денег, чтобы расплатиться за гостиницу (менять доллары у кого попало, им не хотелось), а потом так и не отдали. Вот как получается. Многие иностранцы боятся, что их облапошат индийцы, но и туристы попадаются не промах. А с Санджаей и Полом мы еще встречались в Бангалоре. Фотографии с подмоченной пленки все-таки получились, и Санджая подарила мне целую пачку.

Я познакомилась с двумя девушками — сестрами из Канады. Старшая, Изабелла, неплохо знала английский, младшая, Луиза, говорила только по-французски. Изабелла всегда носила с собой камеру и снимала коротенькие эпизоды, чтобы позже скомпоновать из них фильм об Индии. Она очень хорошо плавала, но никогда не ходила по пляжу в купальнике, только в футболке и бриджах. Если ей хотелось искупаться, она брала полотенце и раздевалась только у самой кромки воды. Изабелла твердо отвергала все ухаживания местных и иноземных кавалеров. Луиза — тоненькая и очень симпатичная девушка с красивой шеей влюбилась в одного из официантов ресторана, кудрявого черноглазого Брюса — парня лет восемнадцати, ну, максимум двадцати. Иностранные туристки часто "западают" на смуглых ярких туземных мальчиков, поэтому они избалованы, задарены с головы до ног и мнят о себе невесть что. Еще в прошлый раз мы с Жанной прозвали Брюса звездным мальчиком. Он бегал по волнам, картинно распустив длинные кудри и

потряхивая ими, уверенный, что неплохо смотрится в лучах заходящего солнца. При этом он поглядывал по сторонам, чтобы удостовериться, что за ним наблюдают. Разговаривать с юным сердцеедом было довольно нудно, он постоянно хвастался тем, что какая-то дама, восхищенная его талантом и фигурой, увезла его в Голландию. Там наш Маугли имел фурор, и даже некоторое время обучал танцам голландских дам. На память о щедрой леди у Брюса осталась толстая золотая цепь на шее и импортные кроссовки. Мы с Жанной не понимали, зачем Брюс так усердно рекламирует нам себя и свои аксессуары, и издевались над ребенком. Брюс обиженно поджимал губки и убегал. Но Луизе говорить с Брюсом не было надобности, все равно она понимала только по-французски. Поэтому девушка легко откликнулась на чувственный язык жестов жаждущего поклонения плейбоя. Сестра ее Изабелла тяжко вздыхала. Гармония отношений была нарушена, когда перед Новым годом на пляж прибыли новые туристы. Среди них оказалась английская дамочка лет сорока пяти, которая охотно угощала Брюса пивом и сигаретами. Скоро он уже сидел у нее на коленях и даже не глядел в сторону грустной Луизы. Тетенька поселилась в соседней со мной комнате. На пляже она неожиданно разоткровенничалась со мной.

— Вы из России? А живете на Гоа? Как же вам повезло! Я обожаю Индию. Каждый отпуск провожу здесь. В Лондоне у меня очень скучная жизнь. Я одинока, работаю секретарем, вижу одних и тех же людей, такая тоска! Коплю деньги, чтобы вырваться оттуда хотя бы на две недели в году. Здесь другие люди. Понимаете, они искренние, не испорченные деньгами. У англичан одно стремление — зарабатывать, им неизвестно, что такое дружба, что такое настоящая любовь. А тут все улыбаются, такие приветливые и всегда готовы помочь. И мне не страшно раскрыть этим людям душу!

Дама уже покрылась густо-розовым загаром и разомлела от горячего южного солнца и избытка положительных эмоций. В отличие от длинношеей Луизы у нее совсем не было шеи.

— Да, — подумала я, — может быть, ты и добрая женщина, но наивная.

Ночью англичанка позвала к себе Брюса. На стыке стены, разделяющей наши комнаты, и потолка по недосмотру строителей остался зазор, и слышимость была такая, как будто стена вовсе отсутствовал. И вот бескорыстный друг Брюс сообщает, что если леди желает, чтобы он показал ей настоящую любовь, пусть выложит шестьсот рупий. У англичанки шок.

— Как?! Я же к тебе со всей душой! Подлец! Где твое сердце?

— Что вас так возмутило, мэм? — говорит Брюс. — Или вы думаете, что мое сердце — номер в гостинице, и его можно снять на ночь? Вы, иностранки, приезжаете сюда, чтобы развлекаться, крутить романы длиною в неделю — две, и хотите, чтобы мы вас принимали всерьез? Никакое сердце этого не выдержит, мэм.

— Но...но...нельзя же так ...в лоб, — захлебывается слезами обескураженная англичанка.

— У меня нет времени, чтобы лицемерить, — хмыкает Брюс. — Не хотите, я уйду.

Всхлипывающая англичанка оставляет Брюса у себя. На следующий день на пляже она задумчиво молчит. А меня смущает уже другая картина. Канадские девочки уезжают. У них четыре невероятно огромных рюкзака — сестры путешествуют через всю Индию. У Изабеллы поклажа равномерно распределена на груди и спине. Ее сестра еще не полностью экипирована, один из рюкзаков стоит рядом на лежаке. Луиза с Брюсом целуются взасос. Когда только они успели помириться? Официанты, повара и клиенты ресторана с умилением за ними наблюдают. Изабелла, устав ждать, когда кончится сцена прощания, обреченно садится на лежак. Я изумленно смотрю на Луизу. Могла бы хоть рюкзак снять! Нацеловавшись, Брюс вытирает Луизе слезы ее платочком и помогает надеть второй рюкзак. Тяжело ступая по песку, девушки уходят из ресторана. Все машут им на прощание, обещают помнить и ждать новой встречи. Колва — протяженный пляж, до остановки автобуса сестрам предстоит идти минут двадцать по рыхлому песку, под палящим солнцем. Я в недоумении. Могли бы попросить ребят помочь донести вещи или подкинуть на мотоцикле до Маргао, откуда автобусы отправляются в другие города Индии. Индийцы охотно выполняют просьбы девушек, а циничный Брюс — это, скорее, исключение из правил. Мне кажется вопиюще несправедливым то, что юная девушка с красивой шеей только что с ним целовалась, а ему и в голову не пришло ей помочь. Когда Брюс что-то спрашивает у меня, я морщусь и смотрю на него, как на таракана. Больше я никак не могу ему отомстить. Недобро шипят на гоанского ловеласа и товарищи по работе. Запутавшийся в романах Брюс отлынивает от своих прямых обязанностей.

Шло время. Наступил последний день старого года, ребятам предстояла напряженная ночь. Хвойное дерево неизвестной мне породы украсили игрушками и мишурой. Ресторан расцветили яркими гирляндами. Приготовились. И тут поднялся штормовой ветер. Гирлянды срывало с крыш и разносило по пляжу. Вечером пошел дождь. Туристы и гоанцы спрятались под крышей и любовались молниями, бьющими в бушующее море.

— Надо же, гроза!

— Может, еще и снег пойдет?

— А где мы будем встречать Новый год, если снесет крышу? — забеспокоились туристы.

— Такой погоды в Новый год никогда не было, — клялись местные.

Остатки мишуры уносит с крыши, шак раскачивается и собирается в полет. Хозяин ресторана мужественно терпит шутки завсегдатаев. Но к полуночи дождь прекращается, и ветер почти стихает. Ресторан заполняется публикой. Я ухожу в свою комнату, чтобы нарядиться по-новогоднему. Вернувшись, наконец-то, понимаю, что такое наплыв туристов в новогодние праздники на Гоа. В нашем ресторане не протиснуться и не вздохнуть. Персонал не позволяет пришлым людям садиться на пол и теснить постоянных клиентов с козырных мест за столиками. Вот компания из трех веселых англичан заказала себе стейки, гору жареной картошки и большие кружки пива. Они приходили в ресторан днем, и, наверное, им тут понравилось. Все трое — толстые, крепкие, лысые и ярко розовые, благодушные англичане напоминают мне иллюстрацию к сказке "Три Поросенка". Только хвостики крючком спрятали. Увидев меня, англичане радостно машут руками:

— Эге-гей! Иди сюда! Будем встречать Новый год вместе!

— Спасибо, — сдержанно улыбаюсь я и сажусь за столик к туристам то ли из Дании, то ли из Германии. Один из них — Крис, который тоже любит плавать туда, где акулы.

Колва пляж сейчас выглядит так, как будто толпа беженцев из пострадавшей от стихийного бедствия страны решила тут расположиться. Наш ресторан взят в плотное кольцо из жаждущей развлечений индийской молодежи. Они заказывают у нас пиво, танцуют под нашу музыку в ярком пятне нашего света, глазеют на нас, как на игрушки, выставленные в витрине в магазине, и радуются по-детски непосредственно. Я думаю, что сегодня буду вести себя очень тихо, даже танцевать не пойду. Но стоит только месту рядом со мной освободиться, как его тут же занимает какой-нибудь тип.

— Привет! С Новым годом! Меня зовут Дипак/Салман/Джуел! А тебя? Ты не скучаешь?

Я успеваю поздороваться и встречно поздравить любопытных с Новым годом. Называть свое имя всем подряд не хочется. А потом рядом поочередно или все вместе возникают Майкл, Нэш и Вики.

— Привет! — здороваются они с каждым посягателем на мой драгоценный покой. — Как ты сказал, тебя зовут? Салман?

Видишь ли, дорогой Салман, тебе не повезло. Это место занято. Освободи-ка его по-хорошему.

Как правило, это срабатывало. Несостоявшийся кавалер стушевывался и сбегал. Но один парень все-таки начал возмущаться:

— Это ты мне? Никуда я не пойду! Хочешь со мной поспорить? Давай выйдем и решим по-мужски, кому тут сидеть?!

— Спорить со мной, я не советую, — ослепительно улыбается Майкл. У него ровные красивые зубы, штук сорок, а не тридцать два, как у обычных людей. К нему подтягиваются Вики и Нэш.

— Ха! Ты думаешь, я один пришел? — восклицает мой напористый ухажер — А ну, пойдем! Стенка на стенку!

Тогда к нам подходит хозяин ресторана Джон.

— Мои ребята работают, — поясняет он скандалисту, — и никуда с тобой не пойдут. А тебе действительно лучше покинуть мой ресторан.

— Так это твое заведение, — разочарованно вздыхает парень. Связываться с хозяином ресторана и его работниками не имеет смысла. За них, в случае конфликта, выступит не только весь пляж, но и полиция штата. Сконфуженный кавалер уходит. Я как будто снова снимаюсь в индийском кино, и у меня легкая роль: можно не разговаривать, только присутствовать. То ли немец, то ли датчанин, с блестящими от пива глазами, шепчет мне на ухо, что я — королева сегодняшней ночи. Хорошо, что никому не приходит в голову целовать колено, как Маргарите на сатанинском балу. Майкл улыбается ободряюще. Какой-то юноша приносит записку на салфетке. В ней говорится: " Когда ты улыбаешься, твое белое лицо сияет красотой. Улыбайся, пожалуйста". Улыбаюсь. Потом ко мне подходит загадочный индиец средних лет. Присаживается бочком на пол секунды и говорит:

— Вы — чистый дух, и я рад сообщить Вам это! — Встает и убегает.

Гуляния идут полным ходом, взрываются в ночном небе фонтаны фейерверков, гремит музыка, смеются и обнимаются люди, пускается в пляс один из "веселых поросят", а на песке заходится в экстатическом танце перебравший пива абориген. Он стащил с себя рубашку и самозабвенно вертит объемным животом. На него страшно смотреть, и я отвожу глаза. Ко мне опять присоседился индиец, назвавший меня "чистым духом". Он начинает разговор про внутренние природные страсти, которым надо дать волю, про наслаждение звездами и морем, впрочем, это единственное, что я понимаю из его сумбурной речи. За десять минут я не произношу ни звука. Он благодарит меня за

высокодуховную беседу и снова исчезает. Когда он является в третий раз, Майкл, перехватив мой страдальческий взгляд, просит его не донимать даму. Индиец оправдывается:

— Что вы подумали? Я не как все! Я — гуру, профессор, защитил докторскую диссертацию в Бангалоре! И как высококультурный и образованный человек выражаю свое восхищение красотой, которую создал Бог!

Я — закаленный человек, и не таю от комплиментов. Мне действительно становится легче, когда высококультурный гуру уходит.

Близится рассвет, праздничная ночь бледнеет и тает, гости покидают ресторан и разбредаются кто куда. Остаются только те, кто здесь живет. Я испытываю такое же облегчение, как ребята, которые всю ночь носились по ресторану, исполняя заказы праздной толпы. Прохладное тихое утро. Первое утро Нового года, которое я встречаю у моря. На пляже мирные обнимающиеся парочки. Мы еще раз пьем за Новый год, но в тесном кругу, танцуем, шутим и подзадориваем друг друга. Когда же я успела перейти грань и стать местной, гоанской, "своей"? Это с моим то "белым и сияющим" лицом? Я чувствую сопричастность утреннему сизому морю, свою принадлежность этому шаку и косматым пальмам, и этим молодым смуглым людям. Вместе мы прыгаем от радости и приветствуем какого-то необыкновенно длинного англичанина в немыслимой шляпе, украшенной фруктами. Мы кричим Нэшу, который пытается уединиться от всех с белой подругой на пляже: "Как дела?!" Медленно розовеет горизонт, и сердце заполняется беспричинной радостью, как будто все мироздание с любовью обнимает меня. Мне невдомек, как дальше сложится моя жизнь, но я предчувствую только хорошее. Как некогда мы с Жанной не знали, какие сюрпризы готовит нам индийская земля, но верили, что нас ждут удивительные приключения, мечтали сюда попасть и пели песню надежды, переиначив стихи Киплинга.

И по океану ходят, и по небу иногда
До Бхаратии[1] летают быстроходные суда.
Обвивают там лианы йогов, храмы, города,
А языческие боги там не дремлют никогда!
Вы представьте, в самой чаще,
Средь лиан уж много лет
Ожидает нас бесстрашных
Древний университет.
Не растут у нас кокосы, не бывает обезьян,
И я хочу в Бхаратию к далеким берегам!

Там тигры полосатые гуляют по лесам —
От тигров уссурийских привет им передам.
Ах, в сказочной Бхаратии, Бхаратии моей
Большое изобилие кусачих длинных змей!
Отправьте нас в Бхаратию скорей, скорей, скорей!

С благодарностью декану восточного факультета Дальневосточного Государственного университета Ильину С.Н, генеральному консулу индийского консульства во Владивостоке в 1996 году мистеру Полу и директору Индийского центра по культурным связям в Бангалоре мистеру Лобо, без которых наша стажировка не состоялась бы!

notes

Примечания

1

Бхаратия — производное от "Бхарат" — Индия (хинди).